

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1/2010

ISSN 0131-2812

Академик М.Л. Титаренко
о российско-китайских отношениях

●
К 60-летию установления
дипломатических отношений
между СССР и ДВР

●
Инновационное развитие Китая

●
Восток и Запад: два подхода
к выживанию в условиях
дефицита ресурсов

●
Храмовые ярмарки
в современном Китае

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2010

Январь - Февраль

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год
на русском и четыре раза в год
на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

От главного редактора3

ПОЛИТИКА

М. Титаренко. О роли и значении отношений между РФ и КНР в
контексте основных особенностей современной международной
обстановки4

А. Воронин, Е. Кобелев. Яркая история дружбы и партнерства.
К 60-летию установления отношений между СССР/Россией и
Вьетнамом.....17

П. Каменнов. Военная дипломатия КНР на современном этапе36

ЭКОНОМИКА

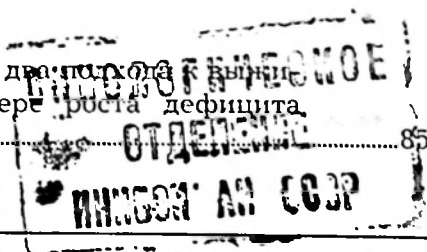
Б. Хейфец, Д. Селихов. Китай: инновационное развитие в условиях
экономического кризиса46

С. Сазонов. Реформа транспортной системы КНР и мировой
финансово-экономический кризис, часть первая57

И. Панкина. Политика приоритета армии в КНДР: экономический
аспект.....73

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Л. Бадалян, В. Криворотов. Запад и Восток: два подхода к анализу
взаимоотношений. Синтез противоположностей по мере роста дефицита
ресурсов.....85

© Российская академия наук, 2010 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2010 г.

3-02-03.

ИСТОРИЯ

Ю. Песков. К 60-летию Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г.....	110
А. Картунова. Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом (1923—март 1925 гг.).....	124

КУЛЬТУРА

М. Захарова. Храмовые ярмарки в современном Китае.....	136
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. Горбунова. XVIII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы".....	143
Чжан Дэгуан. Исторический опыт заслуживает пристального внимания.....	152
В. Грайворонский, С. Лузянин. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории.....	156
В. Портяков. Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев.....	165

РЕЦЕНЗИИ

В. Буров. История Монголии. XX век.....	169
О. Тимофеев. Сила и ограничения: общий взгляд США и КНР на взаимоотношения между ними.....	175
А. Ломанов. Эго цзунцзяо ши [История религий в России].....	179

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Андрею Владимировичу Островскому — 60 лет.....	186
Contents.....	188
Summary.....	189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Основные публикации нашего журнала в 2009 г. были связаны, во-первых, с мировым экономическим кризисом и, во-вторых, с 60-й годовщиной образования Китайской Народной Республики и примыкающим к этой дате 60-летием установления дипломатических отношений между КНР и СССР, правопреемницей которого с конца 1991 г. выступает Российская Федерация.

В 2010 г. редколлегия и редакция журнала предполагают по-прежнему уделять значительное внимание кризисной проблематике, обретающей все новые грани. Насколько долговременным окажется спад в мировой торговле? Как сохранить приемлемые темпы роста после неизбежного вскоре свертывания масштабов инвестиционной и кредитной накачки экономики? Как добиться устойчивых позитивных сдвигов в структуре народного хозяйства и в типе экономического роста? Эти и многие другие проблемы встают сегодня перед Китаем, Россией, Восточной Азией в целом. Ждем от экспертного сообщества новых материалов по теории и практике посткризисного развития в регионе. Всестороннего анализа применительно к странам и территориям Восточной Азии требует и экологический императив дальнейшего экономического роста, заданный саммитом в Копенгагене.

Среди памятных дат, на которые намечает откликнуться наш журнал, следует выделить в первую очередь 65-летие окончания Второй мировой войны. Не пройдет мимо нашего внимания и 60-летие начала военных действий на Корейском полуострове, геополитические последствия которых не преодолены до настоящего времени. Как и ранее, журнал предполагает широко освещать актуальные политические проблемы государств Восточной Азии, их историю, общественную и культурную жизнь, отношения с Россией.

Надеюсь, журналу "Проблемы Дальнего Востока" в 2010 г. удастся не только сохранить, но и расширить круг своих читателей. Основанием для этого является неизменная ориентация издания на объективное и, вместе с тем, заинтересованное и глубокое освещение событий в Восточной Азии, включая, разумеется, и российский Дальний Восток.

Владимир Портяков

Политика

О роли и значении отношений между РФ и КНР в контексте основных особенностей современной международной обстановки

© 2010

М. Титаренко

В статье анализируются основные направления развития отношений стратегического партнерства между РФ и КНР на современном этапе. Рассмотрены особенности взаимодействия в сфере преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса, состояние дел в области двусторонних торгово-экономических, культурно-гуманитарных отношений. Дан анализ проблем и перспектив сотрудничества двух стран на международной арене. Выделен ряд проблем и "узких мест", лимитирующих эффективность развития российско-китайских отношений, предложены пути их устранения, сделан вывод о том, что всемерное продвижение двустороннего стратегического партнерства отвечает коренным национальным интересам обеих стран.

Ключевые слова: Россия, Китай, стратегическое партнерство, экономические проблемы, международное взаимодействие

В истории современных российско-китайских отношений прошедший 2009 год был отмечен важными знаменательными датами. Вместе с дружественным народом великого Китая в России отметили 60-летие образования КНР и такой же юбилей в истории дипломатических отношений между двумя странами.

Испытанные временем

В седьмое десятилетие развития межгосударственных связей, которые уже второй десяток лет развиваются на принципах мирного существования, добрососедства, дружбы, стратегического партнерства и взаимодействия, Россия и КНР вступили с весомым положительным багажом. Поистине, наши отношения, наше партнерство прошли суровые испытания и временем, и историей.

Эти отношения отвечают коренным интересам РФ и КНР. В совместных российско-китайских документах справедливо подчеркивается, что в текущем десятилетии связи двух стран “достигли самого высокого уровня за всю историю их развития”¹. К примеру, по оценкам руководства МИД РФ, в последние годы у этого ведомства “нет ни одной страны, с которой был бы такой плотный график контактов, как с Китаем”². Достаточно сказать, что только за полтора года с момента вступления Д.А. Медведева на пост Президента РФ было проведено девять отдельных российско-китайских встреч на высшем уровне, т.е. высшие руководители двух стран встречались, в среднем, почти каждые два месяца. В число таких встреч вошли два полноформатных саммита в мае 2008 г. и в июне 2009 г., а также переговоры на полях международных форумов, в том числе на саммите АТЭС в Сингапуре в ноябре 2009 г. В ходе июньского (2009 г.) визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в РФ стороны приняли восемь важных документов по сотрудничеству в различных областях. В октябре 2009 г. успешно прошел визит в КНР Председателя правительства России В.В. Путина. В целом результаты российско-китайских переговоров последнего времени показали, что наши отношения вступили в новый важный этап своего развития, этап углубленного российско-китайского межгосударственного взаимодействия, расширения социальной базы двустороннего стратегического партнерства и широкого инвестиционного сотрудничества, совместных усилий по преодолению последствий кризиса, реформированию и совершенствованию уровней финансовой системы. Стороны вновь подтвердили свою твердую убежденность в том, что развитие российско-китайских отношений полностью сообразуется с коренными интересами внутреннего развития и укрепления международных позиций каждой из двух стран, упрочения комплексной безопасности. Показательно, что по оценке посла РФ в КНР С.С. Разова, 2010 г. с точки зрения контактов и активизации механизмов диалога “будет еще более интенсивным”, чем год предыдущий³.

Существенно важно, что связи между двумя странами не замыкаются рамками сугубо двусторонних отношений. Как подчеркнул Президент РФ на торжественном вечере в ходе саммита в Москве 17 июня 2009 г., “взаимодействие между двумя крупнейшими странами мира было и остается фактором действительно геостратегического масштаба”. А Председатель КНР назвал китайско-российские отношения “поистине важным фактором в пользу позитивного взаимодействия между основными игроками мировой политики и сохранения мира и стабильности в мире”⁴.

РФ и КНР в контексте глобального кризиса

Основной универсальный вызов, который продолжает стоять на повестке дня мирового сообщества, связан с влиянием глобального мирового и экономического кризиса. Начавшиеся еще в конце 2008 г. сокращение объемов производства и экспорта продукции, пробуксовка кредитных систем, снижение доходов, недостаток рабочих мест и, как результат, падение темпов роста экономики — эти и другие последствия глобального спада в той или иной степени коснулись как РФ, так и КНР. На этом фоне не случайно, что наиболее важную часть повестки дня российско-китайского сотрудничества составляли в 2008—2009 гг. вопросы противодействия кризису, поиски сов-

местных адекватных ответов на его вызовы и стремление к обеспечению международной экономической и политической стабильности.

Лишь во второй половине 2009 г. мировая экономика стала демонстрировать признаки оживления, причем признанным “мотором” этого выхода из рецессии явились успехи антикризисной политики Китая. В контексте преодоления последствий кризиса уместно отметить его уроки.

Среди предпринятых правительствами различных стран антикризисных мер с самого начала отчетливо выделялись два взаимосвязанных направления. Одно — внутреннее — было нацелено на оптимальную мобилизацию государствами собственных ресурсов. Другое направление, в силу трансграничности возникших проблем, исходило из необходимости реформирования международных финансовых институтов, усиления контроля и повышения “прозрачности” на финансовых рынках и ориентировано на общее укрепление многостороннего и двустороннего сотрудничества.

Не секрет, однако, что сочетание этих направлений не всегда проходило (и проходит) гладко и безболезненно. Если подробнее говорить о мерах в рамках первого, “внутреннего” направления, то, как показывает анализ многих национальных антикризисных программ, общими для них явились стимулирование внутреннего спроса, поощрение отечественных производителей, защита национальных рынков и, по возможности, уровня жизни населения. Такие акценты носят естественный характер. Как заметил еще в начале 2009 г. на форуме в Давосе председатель правительства РФ В.В. Путин, “в условиях кризиса определенное усиление протекционизма окажется неизбежным, что мы, к сожалению, и наблюдаем”⁵.

Вместе с тем, на форумах в форматах “Группы 20-ти” и БРИК, в структурах Евросоюза, на двусторонних переговорах руководителей крупнейших стран, включая российско-китайские встречи, неоднократно подчеркивалось, что в условиях кризиса непозволительно скатываться к изоляционизму и что среди путей преодоления кризиса важное место должно отводиться международной кооперации.

В России говорят: “Нет худа без добра”. В этом смысле положительными сторонами, другими уроками кризиса является то, что он:

- положил конец благодушию и политической беспечности элит Запада и Востока, а также вскрыл несостоятельность и опасность иллюзий в отношении Запада;

- показал, кто есть кто в этом мире. Кризис продемонстрировал огромный рост совокупной мощи Китая и подъем его глобального влияния, скачок в его мировом политическом и экономическом статусе до уровня глобальной державы, а по экономическим и цивилизационным критериям — даже сверхдержавы. Он также раскрыл сильные и эффективные стороны китайской политики реформ и открытости;

- продемонстрировал слабость и несостоятельность политики, которая пытается решать глобальные проблемы с позиций гегемонизма, “с позиции силы кулака”;

- показал глубокую взаимосвязь, интегрированность и взаимозависимость стран в мире;

- продемонстрировал не только сильные, но и особенно слабые, уязвимые стороны США как самой могущественной державы, вынужденной несколько приглушить свой диктаторский тон, не меняя, однако, сути своей политики. В ходе кризиса выявилась тенденция культурного упадка США, которые, по словам известного американского общественного деятеля и экономиста Линдона Ларуша, превращаются из страны "производителей" в страну "барышников"⁶;

- выявил и обнажил огромные нереализованные шансы России и упущенные возможности в торгово-экономической и научно-технической, гуманитарной, культурной и демографической сферах. Кризис наиболее глубоко вскрыл и несостоятельность иллюзорных расчетов определенной части российской элиты — за счет инерции и связей, заложенных в советский период, добиться без особых инноваций и инвестиций возрождения интеграции на пространстве бывшего СССР вокруг России;

- указал на наличие серьезных проблем в налаживании взаимопонимания по линии "Запад — Восток", внутри стран Запада и между странами Востока;

- подчеркнул, что наряду с продолжающимся процессом поиска взаимоприемлемых решений и консультаций в международных отношениях, набирают силу и противоположные тенденции раздвоения, расчленения, обособления, сепаратизма, экстремизма, национализма и шовинизма;

- продемонстрировал роль и место как новых организаций и диалоговых форматов, так и уже хорошо известных международных структур. ШОС, БРИК, "Группа 20-ти" играют позитивную роль, но их влияние, к сожалению, локально и эпизодично. Роль ООН и ее Совета Безопасности, к сожалению, неуклонно снижается, устои международного права подрываются. Международное право все более вытесняется произволом политики силы, проводимой США и НАТО. Нет организованной и консолидированной силы, способной эффективно и оперативно сдерживать и нейтрализовать нарастание произвола в международных отношениях. Многие мощные развивающиеся страны занимают позиции самоограничения, отстраненности, надеются сохранить добрые отношения с гегемонистами и сторонниками политики силы, т.к. зависят от них. Их собственная экономическая безопасность порождает элемент зависимости этих стран от состояния экономик крупных развивающихся стран (США от КНР);

- показал глубину противоречий и зависимость экономик мира от одностороннего доминирования доллара и евро, неэффективность виртуальной мощи доллара и связанных с ним международных финансовых структур — МВФ, МБР и др.

Проблема реформирования этих структуры и подведения новой финансово-валютной базы под реальности полицентричного мира стала актуальной задачей. Китай, Россия, Индия, Бразилия активно продвигают идею поэтапного реформирования этой системы, введение наряду с долларом и евро других форм расчетов и валют, например, юаня и т.д.

Россия и Китай, как показали истекшие 20 лет, нужны друг другу и могут эффективно, равноправно, с взаимной выгодой и пользой сотрудничать ради решения проблем собственного развития, обеспечения безопасности в различных сферах, совместно разрешать многие сложные проблемы взаимных отношений и, действуя на параллельных курсах, вносить вклад в сдерживание агрессивных

гегемонистских действий США и НАТО. Хотя потенциал такого взаимодействия еще далеко не задействован и имеет огромные резервы.

Выше уже было сказано о высоком уровне межгосударственных отношений между двумя странами. Стороны эффективно налаживают сотрудничество во внешнеполитической, экономической, военно-технической сферах, в развитии приграничных контактов населения, активно способствуют сохранению обстановки дружбы и добрососедства на огромном протяжении (более 4 тыс. км) российско-китайской границы.

С большой горечью приходится, однако, признать, что без малого 30-летие отчужденности и даже враждебности с начала 1960-х до конца 1980-х гг. оставило слишком глубокие рубцы на сердцах наших людей. Возникшие в те годы обиды, предвзятости, недоверие, предубеждения подспудно и поныне оказывают серьезное психологическое тормозящее влияние на укрепление дружеской доверительной атмосферы в отношениях между народами наших стран.

Это усугубляется тем, что значительная и влиятельная часть интеллектуальной и деловой элиты и в России, и в Китае склонна к одностороннему сотрудничеству с Западом. Доминирование модели европейско-американского образа жизни, системы потребительских и культурных ценностей, вытеснение национальных традиций становится все более явным. Ценности потребительского общества становятся привлекательными образцами для молодежи. Коммерциализация в РФ и КНР сфер культуры, образования, здравоохранения, других областей повседневной жизни граждан, включая социальные и бытовые вопросы, создала исключительно благоприятные условия и предпосылки для насаждения ценностей западного потребительского общества. В России господствуют американское кино, западные комиксы, “культура” фастфуда и кока-колы, свободный секс и произвол нравов.

И в РФ, и в КНР сложились и эффективно действуют мощные структуры неправительственных западных организаций, ставшие “мягкой силой” в виде образовательных, научных, культурно-просветительских благотворительных фондов, радио, ТВ, Интернета.

Главной проблемой, требующей больших усилий с каждой стороны и в РФ, и в КНР, на мой взгляд, становится проблема укрепления взаимопонимания, доверия к целям и действиям друг друга, обеспечения единства слова и дела. Для России очень актуальной является задача адекватного восприятия тех колоссальных изменений, которые произошли в Китае, адекватное, доброжелательное восприятие огромного роста совокупной мощи Китая и его мировой роли, роли страны, которая становится по своему весу не менее влиятельной державой, чем был в свое время Советский Союз. Нам надо научиться не рассматривать Китай через призму интернационалистических, утопическо-идиллических стандартов и критериев Советского Союза и его мировой роли, которые даже в Китае не были поняты и обозваны “социал-империализмом”, а воспринимать нашего крупнейшего восточного соседа в его новой ипостаси таким, каков он есть, как воспримателя великой, многотысячелетней китайской цивилизации. Нынешний Китай отбросил проамериканские иллюзии и стал инициатором подписания исторического Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. — краеугольного камня международной правовой основы наших отношений стратегического партнерства и взаимодействия. Сегодня задача состоит в том, чтобы

научные, торгово-экономические, научно-технические и гуманитарные отношения стали в полной мере соответствовать духу и букве этого Договора.

В России необходимо в корне изменить политику замалчивания и подавления страноведческой науки, в том числе китаистики. Глубокие труды наших ученых должны издаваться тиражами не 100—300 экз., а многими десятками и даже сотнями тысяч, как это уже было в 1950-е гг., в советское время. Нужно стремиться к тому, чтобы русский и китайский языки стали языками общения интеллигенции, деятелей культуры и науки наших стран.

Ныне в России кое-что делается в этом направлении. Серьезный толчок дало проведение в 2006 и 2007 гг. Национальных годов, несомненно позитивная роль Годов русского языка в Китае и китайского языка в РФ. Но эти межкультурные связи и межкультурный диалог делают лишь начальные робкие шаги. Нас плохо знают в Китае, судят о России по воспоминаниям 50-х гг. прошлого века. Наши труды в Китае не переводятся, не реферируются, и ученым они неизвестны. В то время как труды западных и японских коллег, отнюдь не превосходящие по своей глубине и, тем более, доброжелательству в отношении Китая работы российских авторов, в КНР широко распространяются и популяризируются. Нужна государственная поддержка общественным структурам в налаживании гуманитарных и научных контактов. Общества дружбы в Китае и РФ прилагают большие усилия в этом направлении. Однако преградой разрываний этой работы стало то, что вслед за коммерциализацией культуры, образования и здравоохранения произошла коммерциализация международных гуманитарных контактов и связей общественных организаций.

Другая проблема — создание стимулов и структур сотрудничества государства, правительства, делового мира и бизнеса. Подписаны сотни соглашений, объявлено о многих программных, выгодных, стратегически важных проектах сотрудничества. Но где результаты? Они пока весьма скромны. Реализация подписанных и объявленных соглашений должна стать предметом особого внимания деловых встреч представителей правительственных ведомств наших стран, предметом их отчетности на встречах на высшем уровне или на уровне глав правительств.

Нельзя допустить, чтобы российско-китайское сотрудничество стало историей упущенных возможностей и нереализованных взаимовыгодных совместных соглашений и решений. Стабильное, мирное будущее России, и Китая, их процветание во многом, если не в решающей мере, зависит, конечно, от усилий каждого народа, его энтузиазма в подъеме и развитии своей страны. Однако наличие благоприятной окружающей среды, сохранение, углубление добрососедства, дружбы и сотрудничества России и Китая — также весьма важная предпосылка успешного развития каждой из наших стран.

В России помнят героизм китайского народа в борьбе за освобождение от феодального гнета и от японских агрессоров. Русский и другие народы нашей страны горячо сочувствовали и по-братски помогали китайскому народу в его борьбе. Мы высоко ценим то, что в Китае помнят об этом и чтят участников этого совместного ратного подвига. Курс на соразвитие России и Китая — это гарантия процветания, гарантия стабильности в мире, гарантия суверенитета и территориальной целостности и безопасности каждой из наших стран и в целом — безопасности и стабильности в Азии и во всем мире.

У ученых России и, как я уверен, у наших китайских коллег есть своя доля гражданской ответственности и своя сфера приложения сил для того, чтобы действительно создать прочные предпосылки полной реализации в российско-китайских отношениях принципа: "Всегда друзья и никогда враги".

Перед нами стоит задача продвижения этого лозунга в сознание самых широких кругов общественности наших стран.

Импульсы к сотрудничеству

В политическом и экспертном сообществе РФ и КНР существует сходное представление об узловых направлениях и задачах развития российско-китайского сотрудничества на современном этапе. Это — дальнейшее усиление взаимодоверия и взаимной поддержки, повышение уровня практического сотрудничества, всестороннее продвижение гуманитарного сотрудничества, а также стратегического взаимодействия в международных и региональных делах. В чем в рамках этих стратегических задач российские эксперты видят основные, причем взаимовыгодные, возможности и перспективы антикризисного сотрудничества?

В экономическом плане ключевыми направлениями развития сотрудничества России и Китая в ближайшие десятилетия, по крайней мере, до 2020—2030 гг. являются, на наш взгляд, следующие.

1. Реализация долговременных российско-китайских проектов в энергетической сфере, включая скорейшее завершение строительства нефтепровода Сковородино—Дацин, и переход к практической реализации проектов строительства газопроводов через Алтай, а также сотрудничество в освоении угольных разрезов в Якутии.

2. Весьма актуально обеспечить "доводку" и целенаправленную реализацию достигнутых договоренностей о состыковке национальных программ РФ и КНР по социально-экономическому подъему и развитию, соответственно, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока РФ и Северо-Востока и западных регионов Китая. Это потребует серьезной работы по конкретизации подходов, оптимизации взаимных интересов, активизации инвестиционного сотрудничества. Словом, настало время вплотную конкретно, по-деловому, заняться этими вопросами.

3. В рамках вышеуказанного направления сотрудничества российской и китайской сторон целесообразно, на наш взгляд, вновь всесторонне изучить конкретные подходы к реализации заманчивого проекта создания специальной экономической зоны в Приморском крае в районе реки Туманной с включением в нее портов Владивостока, Находки и порта Восточный. Это открыло бы прямой выход к морю индустриальным регионам Северо-Востока Китая, Автономного района Внутренней Монголии КНР, а также Республике Монголия. Китайской стороне необходимо снять существующие у российской стороны опасения по поводу негативных экономических и экологических последствий реализации этого проекта для развития Владивостока и Находки. Учитывая сложности ведения переговоров с КНДР, на данном этапе можно было бы начать эту работу на двусторонней основе, имея в виду, что в дальнейшем к ней могли бы подключиться КНДР, РК, Япония и даже США.

В последнее время руководство провинции Цзилинь предприняло ряд конкретных шагов, выдвинуло в этом направлении ряд интересных новых идей, которые обсуждались им с руководством Приморского края. Думается, что этот вопрос заслуживает дальнейшего серьезного рассмотрения и на уровне глав правительств наших стран после соответствующей детальной проработки его на уровне экспертов и руководителей заинтересованных регионов и ведомств.

Было бы целесообразно провести в 2010 г. двустороннюю конференцию по данной проблеме с участием ученых, экспертов региональных органов и представителей властных структур заинтересованных сторон.

4. Большие взаимовыгодные перспективы открывает реализация идей о создании совместных перерабатывающих производств в лесной и горнодобывающих отраслях на российской территории.

5. Не менее серьезные и масштабные перспективы имеет налаживание масштабного сотрудничества российских восточных регионов с китайской стороной в совершенствовании, модернизации и строительстве транспортных и других инфраструктурных объектов, включая модернизацию Транссиба, БАМа, строительство современных автотрасс Калининград — Москва — Владивосток, Хабаровск — Якутск.

Остро стоит вопрос о расширении и строительстве транспортных переходов на границе наших стран и строительстве мостов через пограничные реки. Необходимо преодолеть существующие препятствия, которые носят не только экономический характер, но и связаны с целым рядом психологических предубеждений, предвзятостью местного населения и местных руководителей, а также со слабым развитием инвестиционного сотрудничества между нашими странами.

Как представляется, настало также время на экспертном и ведомственном уровнях проработать вопрос о подготовке межправительственного соглашения "О порядке и условиях приглашения в Россию китайской рабочей силы".

В международном плане наше сотрудничество развивается достаточно успешно и эффективно. Вместе с тем, и здесь есть немалые резервы взаимодействия, особенно в рамках новой международной организации — ШОС, а также в рамках других азиатских экономических и гуманитарных организаций.

Хотелось бы в порядке дискуссии предложить также обсудить вопрос о возможности поддержки Китаем статуса России как евразийской державы. В связи с тем, что среди определенной части российской элиты существуют сильные евроцентристские наклонности, Россия испытывает определенные трудности в реализации объявленного курса на равноценность евро-американского и азиатского направлений внешней политики России. К сожалению, эта расплывчатость российской цивилизационной идентичности в сознании части российской общественности не может не влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны, что выражается в заниженной оценке значения восточного направления внутренней и внешней политики РФ. Ситуация неопределенности переносится и на внешнюю арену, где также порой возникают споры о региональной и цивилизационной идентичности и принадлежности России. Одни, ссылаясь на то, что 2/3 территории РФ находятся в Азии, относят Россию к азиатскому региону, другие — по сложившейся традиции — к Европе. Именно из-за этой неопределенности РФ до сих пор не участвует в АСЕМ.

Усилиями В.В. Путина в бытность его Президентом РФ удалось добиться определенного перелома в этой ситуации. Нынешней Президент Д.А. Медведев, выступая в Хабаровске перед представителями восточных регионов, также подтвердил значение подъема и развития регионов Сибири и Дальнего Востока и развития отношений добрососедства и сотрудничества с нашими восточными соседями для возрождения России. В утвержденной Президентом Д.А. Медведевым концепции внешней политики РФ подчеркивается безусловная приоритетность развития отношений стратегического партнерства и взаимодействия России с Китаем и Индией.

20 марта 2009 г. в РФ была принята "Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год". В ней определены семь главных направлений, к которым относятся усиление социальной политики, поддержка эффективных производств, стимулирование внутреннего спроса, продвижение инноваций, снижение административных барьеров, совершенствование банковско-финансового сектора, проведение ответственной макроэкономической политики.

Реализация целого ряда этих направлений, которые сегодня не утрачивают своего значения, может получить существенный импульс именно на путях продуманной внешнеэкономической интеграции РФ, в частности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где основным партнером России является, безусловно, КНР.

В России с удовлетворением отмечают тот факт, что разработанная и конкретизированная, в частности, в материалах мартовской (2009 г.) сессии ВСНП антикризисная программа КНР уже принесла свои плоды. Нацеленная на крупные социальные, инфраструктурные и инновационные проекты, включая модернизацию десяти ключевых промышленных отраслей и повышение внутреннего спроса, она не только позволила КНР избежать рецессии, но практически не допустила сколько-нибудь существенного снижения темпов роста ВВП. Показательно, что даже по предварительным оценкам, рост промышленности страны в 2009 г. составит примерно 11% ⁷. В этой связи китайский опыт антикризисных мер продолжает привлекать понятное международное внимание, в том числе и в РФ. Многие авторитетные экономисты, как уже отмечалось, признают, что КНР, обеспечивая около четверти прироста мирового ВВП, выступает локомотивом выхода мировой экономики из кризиса.

За десятилетия быстрого роста Китай скопил крупнейшие в мире международные валютные резервы — свыше 2 трлн долл. Немалыми остаются аналогичные российские резервы, несмотря на их относительное сокращение в ходе осуществления антикризисных мер. Это создает хорошую основу для продолжения и наращивания взаимовыгодного российско-китайского инвестиционного сотрудничества, в частности, в сфере совместных инфраструктурных проектов. Большую роль здесь способна сыграть реализация Плана российско-китайского инвестиционного сотрудничества, утвержденного Президентом России Дмитрием Медведевым и Председателем КНР Ху Цзиньтао в июне 2009 г.

При этом, как полагают многие российские эксперты, набранная в предыдущие годы динамика роста и кратное превосходство в общем объеме экономики объективно ставят Китай в положение более мощного игрока в российско-китайском бизнес-тандеме. Поэтому для России не будет лишним

проявить большую гибкость в учете нынешних приоритетов экономической политики КНР. Этого же мы ожидаем и от китайской стороны. С учетом фактора взаимодополняемости, а также характерной для отношений двух стран атмосферы равноправия и взаимоуважения сохраняются хорошие возможности для каждой из сторон реализовать свои естественные преимущества, объединив их во взаимовыгодных проектах.

Формы и направления

В условиях финансового кризиса наиболее востребованными обеими сторонами могут стать взаимодействие в кредитно-финансовой и банковской сфере (включая ее международный аспект), совместное строительство объектов и другие формы производственной кооперации в энергетике, машиностроении, в области науки и техники, в том числе в сфере нанотехнологий.

В валютно-финансовой и банковской области сотрудничества интересы РФ связаны, прежде всего, с возможностями китайских капиталовложений в крупные взаимовыгодные (прежде всего инфраструктурные) проекты, о значении которых для развития российского Дальнего Востока и страны в целом говорилось выше. Примерами тому служат известная договоренность о китайском кредите в 25 млрд долл. компаниям “Роснефть” и “Транснефть”, межбанковское соглашение о кредите в 700 млн долл., подписанное в июне 2009 г. в Москве⁸.

Широкий международный аспект сотрудничества в финансовой сфере состоит в заинтересованности КНР и РФ в совершенствовании системы международного финансового контроля, реформировании нынешней моноцентричной валютной системы, потенциальном расширении ареала использования юаня и рубля. Многие из этих направлений сотрудничества нашли подтверждение, в частности, в ходе ряда встреч Д.А. Медведева и Ху Цзиньтао в апреле — ноябре 2009 г., включая переговоры в Лондоне и Сингапуре⁹.

Приведенный выше пример российско-китайского кредитного соглашения лишний раз свидетельствует о важности дальнейшей диверсификации взаимодействия двух стран в энергетической области, включая не только форсирование сооружения китайского участка нефтепровода “Восточная Сибирь — Тихий океан”, но и сотрудничество в электро- и ядерной энергетике, нефти- и газоразведке, создании реализационных сетей, продвижении других форм кооперации в рамках структур двустороннего энергетического диалога.

В области экономических связей по-прежнему актуально развитие производственной кооперации с уходом от простой схемы “покупатель — продавец”, причем упор должен делаться на выпуск, прежде всего, продукции с высокой добавленной стоимостью. Речь может идти, например, о создании на территории Сибири и Дальнего Востока совместных российско-китайских лесоперерабатывающих и целлюлозно-бумажных комплексов по производству широкого ассортимента строительных и отделочных материалов, мебели и т.д.

Безусловно, важна область транспортного сотрудничества, взаимодействия в сельскохозяйственной сфере и сфере высоких технологий, включая нанотехнологии, а также создание и реализация наукоемкой продукции. Вновь отметим при этом, что многие проекты в указанных областях, включая проекты создания Особых экономических зон (ОЭЗ), имеют наиболее благоприятные перспек-

ктивы в рамках приграничного и регионального сотрудничества и в том числе в рамках упомянутой Программы состыковки развития Северо-Востока Китая и Дальнего Востока РФ.

Есть несомненные резервы и в осуществлении традиционных торговых операций. Как известно, уже в 2008 г. под влиянием кризиса произошло снижение темпов роста российско-китайского товарооборота до 18%, тогда как годом ранее этот рост составил свыше 44%. Главная задача сегодня — не допустить затягивания ситуации заметного падения двустороннего товарооборота — примерно треть (35,2%) за 10 месяцев 2009 г. в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Справедливости ради заметим, однако, что за указанный период такое снижение в еще большей степени (42,1%) коснулось общего товарооборота РФ, в связи с чем доля в нем Китая лишь возросла — с 7,5% до 8,4%, причем КНР даже чуть опередила Германию, став главным торговым партнером РФ¹⁰.

Требуется углубленный анализ имеющихся возможностей во всех сегментах двусторонней торговли, устранение сдерживающих моментов, включая бюрократические и иные барьеры наподобие тех, которые дали о себе знать в ситуации лета 2009 г. вокруг некоторых оптово-розничных рынков в Москве. Оптимизм внушает декларированное руководством двух стран намерение, как гласит Совместное заявление от 17 июня 2009 г., приложить усилия к “стимулированию взаимной торговли... в особенности за счет машинотехнической и высокотехнологичной продукции”, а также шаги с целью “содействовать более активному привлечению финансовых и банковских институтов двух стран к кредитованию торговых операций”¹¹.

Хотелось бы сказать и о следующем. Как показывает анализ уже имеющейся практики международного антикризисного сотрудничества, оно ставит в повестку дня как ряд новых направлений (например, расширение сфер использования национальных валют), так и решительную активизацию уже сложившихся форм, направлений и механизмов взаимодействия. Особо важны усилия по осуществлению уже достигнутых соглашений при внесении, разумеется, антикризисных акцентов. Не случайно на российско-китайской встрече в Лондоне Председатель Ху Цзиньтао особо подчеркнул, что в нынешних условиях сторонам важно “на практике реализовывать уже достигнутые соглашения” в том числе “скорейшим образом подписать китайско-российское межправительственное соглашение в нефтяной сфере, углублять сотрудничество в научно-технической и военно-технической областях”¹².

Многосторонние форматы

Такой подход справедлив и для российско-китайского сотрудничества в многосторонних форматах, причем не только в целях противодействия кризису, но и в контексте более широких политических и экономических интересов каждой из стран. Усиление взаимной поддержки при этом является важным аспектом всего комплекса российско-китайских связей, что, в частности, было отражено в майской (2008 г.) Совместной декларации по основным международным вопросам. Речь идет об активном взаимодействии в рамках ООН, мировой “восьмерки”, а также “двадцатки”, которая в последнее время неоднократно собиралась для выработки международных антикризисных мер. Не ослабевает значение сотрудничества

в форматах РИК и БРИК, которое благоприятно сказывается на международном климате, способствует развитию отношений между странами-участницами. В частности, речь идет о стремлении руководства КНР и Индии всячески способствовать развитию китайско-индийских отношений, которые, несмотря на ряд проблем, включая дефицит доверия в тех или иных политических и экспертных кругах обеих стран, развиваются в здоровом и позитивном русле.

Значительная роль в международном сотрудничестве РФ и КНР по-прежнему принадлежит ШОС. На состоявшемся в июне 2009 г. в Екатеринбурге очередном саммите организации при активном участии обеих стран сделаны новые шаги по продвижению деятельности этой авторитетной региональной организации, принята серия важных документов, в том числе Конвенция ШОС по терроризму. Важным выводом саммита стало признание целесообразности принятия, эффективных мер “с целью минимизации последствий мирового финансового кризиса”. Показателен сделанный при этом акцент на важность последовательной реализации обновленного Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, который был утвержден на заседании Совета глав правительств ШОС в октябре 2008 г.

Актуальность проблем, связанных с продолжающимся взаимодействием в проведении антикризисной политики, не снижает значения российско-китайского партнерства по другим важнейшим вопросам международной жизни — обеспечению глобальной и региональной безопасности, созданию системы продвижения к справедливому миропорядку на основе полицентричности, отстаиванию принципов мирного сосуществования и соразвития. Здесь по-прежнему остро стоят проблемы и вызовы, связанные с ситуацией в Ираке, Афганистане, на Корейском полуострове и продвижением НАТО на Восток, вопросы создания системы контроля над ракетно-ядерным оружием, сохранения режима нераспространения ядерного оружия, острые проблемы, связанные с реформированием ООН и созданием замкнутых региональных экономических зон свободной торговли. Выстраивая свою международную политику, в том числе взаимные связи, РФ и КНР учитывают, разумеется, все основные тенденции развития мировой обстановки. Эти тенденции в свою очередь не могут не испытывать влияния, связанного с политикой по-прежнему наиболее мощного государства планеты — США. И Москва, и Пекин традиционно заинтересованы в развитии нормального партнерского диалога с Вашингтоном, связывают надежды на более эффективное продвижение по этому пути с деятельностью администрации президента Б. Обамы. Состоявшийся в июле 2009 г. визит американского лидера в РФ и последовавший позже визит президента США в КНР, в ходе которых стороны в обоих случаях декларировали намерение сотрудничать в конструктивном ключе, создают для таких надежд определенную почву. Однако лишь время покажет, в какой мере нынешние внешне обнадеживающие декларации руководства США о стремлении к “конструктивным отношениям” будут означать готовность к реально равноправному партнерству. Лишь практические шаги ответят на вопрос, означают ли сказанные в Москве и Пекине слова Президента США о неспособности “какой-либо одной страны диктовать свои условия кому бы то ни было” и об “отсутствии намерения сдерживать Китай”, что Вашингтон на деле способен отказаться от прежних претензий на мировое доминирование. Как и от ряда других деструктивных проявлений своей политики, включая неафишируемые попытки противопоставить РФ

и КНР, “вбросы” различных “персональных мнений”, других оценок и концепций, которые в провокационном духе подают различные аспекты политики Китая и России в отношении друг друга, США, Индии, Японии, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Российско-китайское сотрудничество не направлено ни против США, ни против какой-либо иной третьей страны. Его цели — обеспечение мира и развития. Сотрудничество, доверие, целеустремленность, взаимопонимание и учет интересов друг друга способны ускорить выход из кризиса и способствовать разрешению острых проблем. Китай и Россия — естественные союзники на этом пути.

1. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005—2008 гг.). Официальный сайт Президента РФ. <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/10/77866/161386.shtml>.
2. Цит. по: Жэньминь жибао. 2008. 26 дек.
3. Жэньминь жибао он-лайн, 22.12.2009. — <http://russian.people.com.cn/31518/6848821.html>.
4. Выступления на торжественном вечере, посвященном 60-летию установления дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой, 17 июня 2009 г. Москва, Большой театр. http://archive.kremlin.ru/appears/2009/06/17/2251_type63377type122346_218042.shtml.
5. Выступление В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе, 28 янв. 2009 г. — <http://premier.gov.ru/visits/world/95/1921.html?tab=videosten>.
6. См.: Executive Intelligence Review. 2008. 7 авг. Цит. по: Чжунго циннянь бао. 2009. 24 июля.
7. Добавленная стоимость промышленности Китая за 2009 год, возможно, увеличится на 11%. (Жэньминь жибао он-лайн.) 2009. 22 дек. — <http://russian.people.com.cn/>.
8. Документы, принятые по итогам российско-китайских переговоров, 17 июня 2009 г. http://news.kremlin.ru/ref_notes/59.
9. Встреча с Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, 14 нояб. 2009 г., Сингапур — <http://www.kremlin.ru/news/5993>; Медведев и Ху Цзиньтао обсудят в Сингапуре пути преодоления финкризиса. Саммит АТЭС в Сингапуре — <http://www.rian.ru/politics/20091114/193475597.html>.
10. Данные Федеральной таможенной службы РФ. — <http://www.customs.ru/ru/stats/stats/popup.php?id286=611>.
11. Совместное российско-китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве, 17 июня 2009 г. — http://news.kremlin.ru/ref_notes/58.
12. Председатель Ху Цзиньтао провел встречу с президентом РФ Д. Медведевым. Жэньминь жибао он-лайн. 2 апр. 2009. — <http://russian.people.com.cn/31520/6627657.html>.

Яркая история дружбы и партнерства К 60-летию установления отношений между СССР/Россией и Вьетнамом

© 2010

А. Воронин, Е. Кобелев

На историческом фоне событий в АТР и ЮВА в статье рассмотрены советско-вьетнамские и российско-вьетнамские отношения со дня установления в 1950 г. дипломатических отношений между СССР и ДРВ по настоящее время. Показано значение советской помощи вьетнамскому народу на всех этапах выпавших на его долю двух войн Сопротивления, а также в мирном строительстве. Современный этап отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам характеризуется всесторонним взаимовыгодным сотрудничеством, которое успешно развивается на принципах стратегического партнерства, с учетом национальных интересов обеих стран.

Ключевые слова: Советский Союз, Вьетнам, Китай, американская агрессия, советская помощь и поддержка, Российская Федерация, отношения стратегического партнерства.

Победное для сил мира и прогресса завершение Второй мировой войны вызвало мощный подъем национально-освободительного движения в странах Востока. Одним из первых прорвал цепи колониального рабства вьетнамский народ. 2 сентября 1945 г. вождь вьетнамского народа Хо Ши Мин на многотысячном митинге в Ханое зачитал Декларацию независимости и провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии народно-демократического государства.

Однако Франция, почти сто лет владевшая Вьетнамом, не смирилась с таким ходом событий и решила вооруженным путем подавить молодую республику. Началась длительная война Сопротивления вьетнамского народа против колонизаторов. Почти пять первых лет ДРВ находилась в состоянии практически полной политико-дипломатической и экономической изоляции. Положение кардинально изменилось только после 1 октября 1949 г., когда была провозглашена Китайская Народная Республика, а части Народно-освободительной армии Китая вышли на границу с ДРВ. В Москве, как и в Пекине, началась подготовка к дипломатическому признанию ДРВ. 10 декабря 1949 г. вопрос о признании ДРВ в

Воронин Анатолий Сергеевич, старший научный сотрудник
Тел. 8 (499) 124-01-07.

Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. Тел. 8(499) 124-08-33.

закрытом порядке был вынесен на заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Предложение МИД СССР "об установлении дипломатических отношений... между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам" было одобрено.¹

В декабре 1949 г. — январе 1950 гг. в переговорах между советским и китайским руководством была достигнута договоренность о том, что первым заявлением об установлении отношений с ДРВ сделает КНР. 14 января 1950 г. было опубликовано Заявление правительства ДРВ, подписанное президентом Хо Ши Мином, в котором подчеркивалось, что оно "готово установить дипломатические отношения с правительствами всех стран, которые будут уважать принципы равноправия, территориальный и государственный суверенитет Вьетнама"². 15 января правительство ДРВ заявило о признании КНР и выразило готовность установить с ней дипломатические отношения. 18 января КНР, в свою очередь, признала ДРВ³.

Как свидетельствуют архивы, И.В. Сталин внимательно следил за развитием ситуации на Индокитайском полуострове. В письме Мао Цзедуну 6 января 1950 г. он, в частности, писал: "Я имел возможность просмотреть на днях материалы о Вьетнаме и тов. Хо Ши Мине. У меня получилось убеждение, что тов. Хо Ши Мин является твердым и толковым коммунистом, ведет свое дело хорошо и заслуживает всяческой поддержки"⁴.

30 января 1950 г. министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский направил Хо Ши Мину телеграмму в ответ на официальное обращение президента ДРВ. В ней говорилось: "Рассмотрев предложение правительства Демократической Республики Вьетнам и учитывая при этом, что Демократическая Республика Вьетнам представляет подавляющее большинство населения страны, советское правительство приняло решение установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам и обмениваться посланниками"⁵. 3 февраля 1950 г. Хо Ши Мин нелегально направился в Москву для переговоров с И.В. Сталиным.

Дипломатическое признание ДРВ со стороны СССР, КНР, стран народной демократии явилось большим достижением внешней политики Вьетнама. Это был прорыв внешнеполитической блокады молодого государства. Признание стало мощным фактором морально-политической поддержки борьбы вьетнамского народа за свою национальную независимость.

Тем временем французский экспедиционный корпус все глубже увязал в трясине военных действий во Вьетнаме. В политических кругах Франции зрели настроения в пользу скорейшего окончания бесперспективной войны.

С учетом создавшейся ситуации Советский Союз выступил с предложением о проведении Женевского совещания великих держав для рассмотрения индокитайского вопроса, которое было принято Францией и ее западными союзниками.

Для подготовки тактики предстоящих переговоров в Женеве в апреле 1954 г. в Москве прошла серия встреч с участием В.М. Молотова, Чжоу Эньлая и Хо Ши Мина. В консолидированном виде единая позиция была сформулирована В.М. Молотовым. Ее суть состояла в том, чтобы добиться признания независимости Вьетнама, Лаоса и Камбоджи со стороны западных участников переговоров, вынудить Францию прекратить военные действия⁶.

В ходе переговоров в Женеве поставленные задачи удалось, в основном, успешно реализовать, хотя представители американской администрации всячески противились поискам взаимоприемлемого решения. Успеху дипломатов ДРВ,

СССР и КНР способствовала блестящая победа Вьетнамской народной армии (ВНА). 7 мая 1954 г. в Женеву пришло сообщение о капитуляции французского экспедиционного корпуса в районе вьетнамского селения Дьенбьенфу. Здесь ВНА впервые и весьма успешно применила знаменитые “катюши”, которые СССР успел накануне поставить во Вьетнам⁷.

21 июля 1954 г. в Женеве была принята Заключительная декларация, согласно которой страны-участницы совещания обязались уважать суверенитет, независимость, единство, территориальную целостность государств Индокитая, не допускать вмешательства в их внутренние дела (п.12)⁸. Франция обязалась вывести свои войска из Индокитая. Во Вьетнаме до проведения в 1956 г. всеобщих выборов, которые должны были определить дальнейшую судьбу страны, устанавливалась временная демаркационная линия, проходившая несколько ниже 17-й параллели.

Развитие отношений с СССР — центральная задача внешней политики ДРВ

Окончание войны открывало новый этап в советско-вьетнамских отношениях. В борьбе за единство и независимость страны, развитие экономики, различных сторон общественной жизни правительство ДРВ рассчитывало опереться на поддержку и помощь СССР. Задача всемерного развития отношений с Советским Союзом и странами народной демократии выдвинулась в центр внешней политики ДРВ. Еще 10 марта 1952 г. Хо Ши Мин направил в Москву первого посла ДРВ. Это был Нгуен Лыонг Банг — соратник президента со времени совместной подпольной деятельности в 1920—30-е гг. 23 апреля 1952 г. он вручил верительные грамоты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику. 4 ноября 1954 г. советский посол А.А. Лаврищев вручил верительные грамоты Хо Ши Мину. Началась подготовка к первому официальному визиту президента ДРВ в СССР, в ходе которого по взаимной договоренности стороны должны были обсудить задачи стратегического взаимодействия в новой ситуации, сложившейся в Юго-Восточной Азии после принятия Женевских соглашений.

Визит состоялся 12—18 июля 1955 г. и стал крупным событием в истории отношений двух стран, на многие годы вперед задав направление и определив содержание сотрудничества между СССР и ДРВ. В ходе переговоров стороны подтвердили свою готовность добиваться осуществления Женевских соглашений по Индокитаю, заявили о взаимном стремлении “развивать и укреплять политическое, экономическое и культурное сотрудничество”. Советское правительство приняло решение выделить в качестве безвозмездной помощи для восстановления экономики ДРВ 400 млн руб., дало согласие на оказание содействия в проведении во Вьетнаме геолого-изыскательских работ, в осуществлении мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями⁹.

В 1950-е гг. СССР оказал содействие ДРВ в формировании новой для страны структуры экономики. Были заложены основы современной индустрии: тепло- и гидроэнергетика, машиностроение, химическая промышленность, промышленность строительных материалов, пищевая промышленность, другие отрасли, работающие на повышение жизненного уровня населения. В 1954—1964 гг. в ДРВ с участием около 2500 советских специалистов было построено около 80 предприятий, на которых в 1964 г. производилось 90% каменного угля, основные объемы электроэнергии, вся добыча олова и апатитов, производство

суперфосфатов, 80% выпуска металлорежущих станков, а также около половины продукции, идущей на экспорт. В высших учебных заведениях СССР в те годы получили образование более 1000 граждан ДРВ¹⁰.

Сотрудничество СССР и ДРВ шло на подъем, охватывая все новые сферы внутренней и внешней политики двух стран. В то же время, в конце 1950-х гг. появились факторы, оказывавшие негативное воздействие на развитие всестороннего советско-вьетнамского сотрудничества. Как известно, руководство КПК, и особенно Мао Цзэдун, негативно восприняли развенчание XX съездом КПСС культа личности Сталина. Вслед за этим между КПК и КПСС развернулась острая полемика, которая сказалась и на межгосударственных отношениях между двумя великими державами. Вьетнамское руководство оказалось в сложнейшей ситуации. На юге страны шла вооруженная борьба против американской агрессии. Выполняя роль тыла, ДРВ обеспечивала всем необходимым освободительное движение в южной части страны. В этих условиях вьетнамское руководство крайне нуждалось в помощи и поддержке как со стороны СССР, так и Китая. Тем временем оба участника идейно-политических споров, каждый по-своему, настойчиво пытались втянуть в идеологическую полемику и вьетнамское руководство.

Американская агрессия и помощь СССР сражающемуся Вьетнаму

После отстранения Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. от власти руководителям СССР и ДРВ удалось договориться о единстве действий в борьбе против агрессии США во Вьетнаме, отодвинув в сторону вопросы идеологического порядка. Чтобы предупредить дальнейшую эскалацию военных действий США против ДРВ, в Москве было принято решение направить в Ханой делегацию во главе с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным. Администрация США, естественно, знала об этом визите. Тем не менее, 7 и 8 февраля 1965 г., как раз в то время, когда в Ханое шли советско-вьетнамские переговоры, американская авиация подвергла массированной бомбардировке несколько северовьетнамских городов и сел.

Советская реакция была незамедлительной. 9 февраля 1965 г. правительство СССР выступило с жестким заявлением. В нем осуждались посягательства на суверенитет ДРВ, содержалась поддержка позиции правительства ДРВ, требовавшего от США остановить военные действия, обеспечить строгое выполнение Женевских соглашений 1954 г. По возвращении в Москву А.Н. Косыгин представил в Политбюро предложения о значительном увеличении помощи ДРВ. Первоочередное внимание было уделено поставке современных средств ПВО.

Несмотря на растущие сложности в отношениях между СССР и КНР, советское руководство не теряло надежды на организацию совместных или скоординированных действий с китайским руководством по оказанию помощи борющемуся Вьетнаму. На обратном пути из Ханоя в Москву А.Н. Косыгин сделал остановку в Пекине, где его принял Мао Цзэдун. Советский премьер изложил ему предложения по оказанию скоординированной помощи Вьетнаму. Однако эта инициатива поддержки не получила.¹¹

Тогда же ЦК КПСС и Советское правительство обратились к ЦК КПК и правительству КНР за содействием в осуществлении срочных мер по доставке советского вооружения в ДРВ через территорию КНР. Согласие было получено. Однако в 1966 г. в Китае разразилась "великая пролетарская культурная рево-

люция". Транспортные коммуникации КНР оказались во власти хунвэйбинов. Они чинили всяческие препятствия советским поставкам во Вьетнам.

Для укрепления обороноспособности ДРВ Советский Союз в срочном порядке начал поставлять ей современное оружие — боевые самолеты, зенитные ракеты, танки, артиллерию, материальные средства и боеприпасы. Поставлялось комплектное оборудование, транспортные средства, нефтепродукты, металлы, медикаменты, продовольствие. В ДРВ были командированы советские военные специалисты. С 11 июля 1965 г. по 31 декабря 1974 г. в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тыс. солдат и сержантов советских вооруженных сил¹². Военные училища СССР приняли большое число вьетнамских курсантов. За короткое время тысячи вьетнамцев овладели современными видами зенитно-ракетной техники, стали первоклассными пилотами современной истребительной авиации. Результаты совместных усилий не замедлили сказаться. К июлю 1965 г. в ДРВ была создана эффективная система ПВО.

В годы отражения Вьетнамом агрессии США окрепло сотрудничество вооруженных сил СССР и ДРВ. Была налажена координация действий военных органов, органов безопасности, разведки и контрразведки, отработано сотрудничество в обмене информацией и опытом, военно-техническими достижениями. В ВНА появилось много новых видов и родов войск. Она стала одной из наиболее боеспособных армий мира. Не менее эффективно действовало советское оружие в руках воинов Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама.

Движение поддержки борьбы вьетнамского народа превратилось в важный фактор политической жизни СССР. Вопросы солидарности с Вьетнамом присутствовали в деятельности всех политических и общественных организаций, высших органов государственной власти, средств массовой информации. Инициаторами массовых кампаний солидарности выступали профсоюзы, молодежные и женские организации, сторонники мира, Общество советско-вьетнамской дружбы, Советский комитет поддержки Вьетнама.

Ширилось международное движение протеста против американской агрессии. Его эпицентром все больше становились сами США. Бурные антивоенные демонстрации охватили всю страну. Особенно остро реагировали американцы на возрастающие людские потери. Война породила раскол в американском обществе. Оказавшись в политической изоляции, президент США Л. Джонсон 31 марта 1968 г., объявил об одностороннем частичном прекращении бомбардировок к северу от двадцатой параллели и о готовности вступить в переговоры с правительством ДРВ. Он пригласил в Белый дом советского посла А.Ф. Добрынина и просил передать советскому правительству, что надеется на "положительное влияние" СССР в решении вьетнамского вопроса. Правительство США, сказал президент, исходит из того, что Советский Союз играет особую роль и несет особую ответственность во Вьетнаме. Без советской военной помощи, сказал он, "наш противник долго не продержался бы"¹³.

Переговоры представителей ДРВ, НФО ЮВ, США и сайгонской администрации начались в январе 1969 г. Они проходили в Париже. Состоялось свыше 200 официальных и 24 конфиденциальных заседаний и встреч¹⁴. На протяжении всего переговорного процесса посол СССР во Франции В.А. Зорин поддерживал постоянный контакт с руководителями делегаций ДРВ и НФОЮВ. Это позволяло обеспечивать согласование позиций с целью усиления политического воздействия на американских партнеров. В Ханое посол И.С. Щербаков предостерегал

вьетнамскую сторону от опасности исключительно военного подхода, подчеркивал значение сочетания политического, военного и дипломатического воздействия на Вашингтон.

8 июня 1969 г. Конгресс народных представителей Южного Вьетнама провозгласил создание Республики Южный Вьетнам и Временного революционного правительства РЮВ. 13 июня 1969 г. СССР признал это правительство и принял меры по его поддержке, в том числе и на международной арене.

2 сентября 1969 г. ушел из жизни первый президент ДРВ Хо Ши Мин. На траурный митинг в Ханое собрались сотни тысяч вьетнамцев. Они поклялись довести до победного конца борьбу за свободу, независимость и единство родины. Советскую делегацию возглавлял А.Н. Косыгин. В беседе с ним Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан подтвердил курс ДРВ на дружбу и сотрудничество с СССР.

В марте 1972 г. южновьетнамские патриоты развернули мощное военное наступление. Были разгромлены более половины сайгонских дивизий, полностью освобождены восемь южновьетнамских провинций с населением около 5 млн чел. Президенту США Р. Никсону пришлось пойти на "реамериканизацию" войны. 8 мая 1972 г. он объявил, что начато минирование подходов ко всем северовьетнамским портам. Вооруженным силам США была дана команда принимать меры в пределах территориальных вод ДРВ, чтобы пресечь любые военные поставки извне.

Меры американской администрации по блокированию поставок советских грузов Вьетнаму, предпринятые накануне назначенной на 22 мая 1972 г. советско-американской встречи в верхах, были восприняты в Ханое и Москве как стремление Вашингтона изолировать борьбу вьетнамского народа от международной помощи, и продиктовать делегации ДРВ на переговорах свои условия урегулирования вьетнамской проблемы. В советских политических кругах активно обсуждался вопрос: соглашаться ли на встречу с Р. Никсоном в условиях усиления воздушной войны против союзника СССР. Вопрос был вынесен на обсуждение закрытого пленума ЦК КПСС, где было решено: президента США принять, но использовать встречу для его активной "обработки"¹⁵. Сразу же после переговоров с Р. Никсоном в Ханой вылетел Н.В. Подгорный. Он информировал вьетнамское руководство о содержании переговоров, передал стенограмму беседы по вьетнамскому вопросу. Были согласованы шаги по срыву агрессивных маневров США¹⁶.

На завершающей стадии "воздушной войны" США против Северного Вьетнама наиболее драматическая ситуация сложилась в декабре 1972 г. Пытаясь вынудить вьетнамское руководство подписать соглашения на максимально выгодных для США условиях, Р. Никсон бросил всю мощь авиации США в зоне Тихого океана против ДРВ. Стране был причинен серьезный ущерб. Однако окрепшие за годы войны ВВС и ПВО ДРВ выиграли единоборство с авиацией США. За 11 суток боев был уничтожен 81 американский боевой самолет, в том числе 34 В-52 и 3 F-111¹⁷.

В эти дни волна антивоенных демонстраций накрыла буквально весь мир. Особое негодование варварские акции американской авиации вызвали в Советском Союзе. От гнева кипела антивоенная общественность Америки. В результате 30 декабря 1972 г. Пентагон был вынужден прекратить бомбардировки крупных городов ДРВ. Делегация США вернулась за стол переговоров.

27 января 1973 г. Соглашение о восстановлении мира во Вьетнаме было подписано. В нем устанавливались сроки прекращения военных действий и вывода войск США и их союзников из Южного Вьетнама. США брали на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Южного Вьетнама, уважать право его населения самому определять политическое будущее посредством проведения подлинно свободных и демократических выборов. Подписание Соглашения означало международно-правовое закрепление победы вьетнамского народа, результатов его многолетней самоотверженной борьбы.

27 февраля 1973 г. в Париже открылась международная конференция с целью подписания на основе указанного Соглашения Акта по Вьетнаму. Глава советской делегации А.А. Громыко в своем заявлении отметил, что подписание Соглашения стало решающим шагом, направленным на то, чтобы “положить конец одной из самых продолжительных и жестоких войн нашего времени”¹⁸. 28 марта 1973 г. последний американский солдат покинул Южный Вьетнам.

Между тем, мир во Вьетнаме, установленный в результате подписания Соглашения, был непрочен. “Готовясь к политическому решению в Южном Вьетнаме, вьетнамские друзья не исключают и вооруженный путь”, — такой вывод сделал советский посол в Ханое И.С. Щербаков в политическом письме, направленном в Москву накануне визита в СССР партийно-правительственной делегации ДРВ¹⁹. Визит состоялся с 9 по 16 июля 1973 г. Ле Зуан и Фам Ван Донг информировали советское руководство о том, как политическое руководство ДРВ видит ближайшие задачи политического урегулирования вьетнамской проблемы. Советская делегация заявила о твердой поддержке политики ДРВ и ВРП РЮВ, направленной на “выполнение парижского соглашения”. Советская сторона выразила готовность восстановить разрушенные американской авиацией народно-хозяйственные объекты, построенные в ДРВ с помощью Советского Союза, а также оказать содействие в создании новых промышленных предприятий²⁰.

С приходом мира в ДРВ и приближающимся государственным воссоединением Вьетнама на передний край вышла кадровая проблема. В стране ощущался острый дефицит специалистов в сфере управления экономикой, квалифицированных рабочих. СССР расширил прием на переподготовку в высших учебных заведениях работников государственного управления ДРВ. 25 июля 1973 г. было подписано соглашение об оказании помощи Вьетнаму в подготовке квалифицированных рабочих²¹. Правительство ДРВ поставило вопрос о возвращении на объекты технического содействия советских специалистов, отозванных из Вьетнама в годы войны. Чуть позже специалисты из СССР были направлены также в министерства и ведомства ДРВ. Одновременно при советском содействии во Вьетнаме активизировалось создание собственной национальной системы подготовки руководящих управленческих кадров.

Одновременно в сфере советско-вьетнамского взаимодействия находились вопросы сотрудничества с ВРП РЮВ. 20 декабря 1973 г. Нгуен Хыу Тхо в беседе с Л.И. Брежневым информировал советское руководство о мерах, принимаемых ВРП РЮВ по обеспечению выполнения парижского соглашения. Он сообщил, что сайгонская администрация не выполняет основных положений документа, продолжает вооруженные провокации против освобожденных районов²².

Ситуация в Южном Вьетнаме становилась угрожающе похожей на 1950-е гг., когда сайгонская администрация, поощряемая Вашингтоном, сорвала выполнение Женевских соглашений о проведении выборов и воссоединении страны. С учетом этого руководство ПТВ приняло решение о подготовке гене-

рального наступления и всенародного восстания в Южном Вьетнаме. 11 марта 1975 г. под ударами сил освобождения в центральном Вьетнаме пал город Бан-метхуот. 26 марта была освобождена императорская столица Вьетнама Хюэ. 29 марта флаг ВРП РЮВ был водружен над мэрией города Дананга. Охваченная паникой сайгонская армия беспорядочно откатывалась на юг. Кольцо вокруг Сайгона сжималось. 26 апреля началась стратегическая военная операция по освобождению Сайгона под кодовым наименованием "Хо Ши Мин". 29 апреля к городу были стянуты танковые части. Летчики НВСО подвергли бомбардировке международный аэропорт Таншоннят. Президент США Дж. Форд отдал приказ о немедленной эвакуации всех американских служащих. В полдень 30 апреля танки Т-54 заняли главное административное здание режима — Дворец независимости. Над городом взвился флаг ВРП РЮВ²³.

Многоплановое сотрудничество в условиях мира

С освобождением Южного Вьетнама перед вьетнамским народом встали принципиально новые задачи — ликвидация последствий длительной войны, господства агрессоров на юге страны, восстановление и развитие современной промышленности и сельского хозяйства, осуществление социальных преобразований, повышение народного благосостояния. Открылась перспектива мирного объединения страны, создания единого вьетнамского государства.

Приступая к решению новых задач, вьетнамское руководство могло уверенно рассчитывать на помощь и поддержку со стороны Советского Союза. Об этом заявил Л.И. Брежнев в телеграммах руководителям ДРВ и РЮВ по случаю успешного завершения "операции Хо Ши Мин" и полного освобождения Южного Вьетнама²⁴. Стороны приступили к всесторонней подготовке нового раунда стратегического диалога на высшем уровне. Саммит состоялся в конце октября 1975 г. По его завершении Л.И. Брежнев и Ле Зуан подписали советско-вьетнамскую Декларацию. Это был беспрецедентный для отношений СССР и ДРВ документ. В нем впервые за всю практику советско-вьетнамских отношений стороны в развернутом виде изложили согласованные позиции не только по всему комплексу двусторонних отношений на новом этапе их развития, но и сформулировали совместное видение особенностей современной эпохи, расстановки сил на мировой арене, обозначили свои подходы к решению глобальных и региональных проблем.

СССР обязался оказать помощь в изучении технико-экономических аспектов строительства во Вьетнаме ряда крупных объектов. Было принято решение предоставить вьетнамской стороне кредит на льготных условиях и оказать в счет него техническое содействие в развитии энергетики, горнодобывающей, металлургической, химической, машиностроительной и других отраслей промышленности, в подъеме сельского и лесного хозяйства. Советская сторона заявила, что поставит во Вьетнам различное промышленное, строительное и сельскохозяйственное оборудование, механизмы, средства транспорта, металл, нефтепродукты, хлопок, продовольствие и другие товары. Были также подписаны соглашение об оказании экономической помощи ДРВ и протокол о результатах координации народнохозяйственных планов СССР и ДРВ на 1976—1980 гг.²⁵

Благодаря совместно принятым мерам по реализации подписанных соглашений, за пятилетие (1976—1980 гг.) советско-вьетнамский товарооборот вырос в три раза. К началу 1981 г. при советском содействии во Вьетнаме было введено в эксплуатацию около 200 крупных объектов. В эти годы стали зарождаться новые формы экономического сотрудничества, в том числе на компенсационной

основе. Это позволило вьетнамской стороне резко увеличить поставки на мировой рынок кофе, чая, каучука, тропических фруктов, морепродуктов. Для решения проблемы занятости в послевоенных условиях и расширения производства высококачественной продукции легкой промышленности для поставок на внешний рынок важную роль сыграло решение о налаживании сотрудничества на основе давальческого сырья.²⁶

В начале июля 1976 г. в Ханое состоялась сессия Национального собрания, депутаты которого были избраны как на Севере, так и на Юге страны. Сессия завершила процесс государственного объединения Вьетнама. 2 июля 1976 г. было провозглашено рождение Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). В телеграмме вьетнамским руководителям, направленной Л.И. Брежневым, Н.В. Подгорным и А.Н. Косыгиным в связи с успешным проведением объединительной сессии Национального собрания и образованием СРВ, подчеркивалось, что исторические итоги сессии и образование единой Социалистической Республики Вьетнам увенчали “многолетнюю героическую борьбу вьетнамского народа за утверждение коренных национальных прав на единство, независимость и территориальную целостность всей страны, против попыток иностранных агрессоров увековечить раскол Вьетнама и навязать югу страны свое господство”²⁷.

14—20 декабря 1976 г. в Ханое состоялся IV съезд Партии трудящихся Вьетнама, который принял решение о переименовании ее в Коммунистическую партию Вьетнама. Съезд проходил в обстановке высокого политического подъема, что отразилось и на политическом отчете Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана. “Вся наша партия, весь народ, вся армия, — говорил он, — преисполнены гордости, потому что они выполнили священное завещание Хо Ши Мина”. Съезд подтвердил курс вьетнамского руководства на всемерное развитие отношений тесного сотрудничества с Советским Союзом.

Практически вся война Соппротивления вьетнамского народа против агрессии США проходила в крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях. В соседнем Китае бушевала “культурная революция”. Затем наступил период, когда политика в Пекине определялась т.н. “бандой четырех”, впоследствии сурово осужденной в самом Китае. Естественно, что у этих великодержавно настроенных деятелей вызывали резкое неприятие образование единого Вьетнама, независимый внешнеполитический курс СРВ, который шел вразрез с их планами в отношении Юго-Восточной Азии.

Кроме того, в апреле 1975 г. в Камбодже к власти пришел режим Пол Пота — Иенг Сари, которые находились под большим влиянием идей китайской “культурной революции”. С первых же дней полпотовцы стали проводить антивьетнамскую политику. Несмотря на многочисленные попытки руководства СРВ урегулировать путем переговоров имеющиеся спорные проблемы, враждебность со стороны полпотовцев нарастала. Они вступили на путь систематических вооруженных провокаций на границе с Вьетнамом. В декабре 1977 г. Пол Пот объявил о разрыве дипломатических отношений с СРВ. К середине 1978 г. полпотовцы сосредоточили в пограничных с Вьетнамом районах 19 пехотных дивизий (из 23-х, которыми они располагали). Одновременно резко ухудшились отношения СРВ с КНР, которая оказывала полпотовскому режиму широкую военно-политическую поддержку²⁸.

Вьетнам оказался в крайне сложной военно-политической ситуации, когда сразу с двух направлений — юго-запада и севера с каждым днем нарастала угроза безопасности страны. В этих условиях вьетнамское руководство приняло

решение осуществить комплекс мер, направленных на укрепление внешнеполитических позиций страны, ее оборонного и экономического потенциала. СРВ обратилась в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) с просьбой о приеме в эту организацию (в июне 1978 года просьба была удовлетворена). Одновременно был предпринят ряд других внешнеполитических шагов как двустороннего, так и многостороннего характера.

3 ноября 1978 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Стороны договорились, что в случае, если одна из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, то они "немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран"²⁹. Договор вступил в силу 13 декабря 1978 г. А уже в конце того месяца, используя "законное право на самооборону", ВНА совместно с вооруженными силами недавно созданного Единого фронта национального спасения Кампучии развернула широкомасштабные военные действия против полпотовцев. 10 января 1979 г. преступный полпотровский режим пал. Была провозглашена Народная Республика Кампучия.

В ответ, пытаясь "наказать Вьетнам", войска КНР 17 февраля 1979 г. атаковали опорные пункты ВНА на всем протяжении китайско-вьетнамской границы. Через три дня они заняли вьетнамский город Лаокай. Советское правительство выступило с заявлением, потребовав "незамедлительного вывода китайских войск с территории СРВ"³⁰. В ответ на просьбу правительства ДРВ к границе с Маньчжурией было переброшено 29 мотострелковых дивизий Советской Армии³¹. Это был демарш с целью предотвращения дальнейшей концентрации китайских войск на границе с Вьетнамом. Предпринятые меры, а также растущие протесты мировой общественности вынудили руководство КНР дать приказ о начале отвода войск с занятых территорий ДРВ. 17 марта 1979 г. Ле Зуан, принимая советского посла Б.Н. Чаплина, выразил признательность СССР "за выполнение обязательств, вытекающих из советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве"³².

1980 г. стал первым по-настоящему мирным годом для СРВ. Объединенный Вьетнам получил возможность вернуться к реализации созидательных планов. 3 июля в Кремле прошла советско-вьетнамская встреча на высшем уровне, в центре которой находились вопросы экономического сотрудничества. Было подписано соглашение о сотрудничестве в проведении разведки и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама³³. 19 июня 1981 г. правительства СССР и СРВ подписали Соглашение об учреждении Совместного советско-вьетнамского предприятия "Вьетсовпетро". 26 июня 1986 г. "Вьетсовпетро" добыло на месторождении "Белый тигр" первую тонну нефти. Это событие отмечалось как большая победа, как день рождения нефтегазовой отрасли Вьетнама — надежного фундамента экономики страны.

В 1981 г. было положено начало сотрудничеству в использовании вьетнамской рабочей силы на предприятиях и стройках СССР. Между СССР и СРВ было подписано специальное межправительственное соглашение. За несколько лет была создана система по приему вьетнамских рабочих. В 1980-е гг. свыше 100 тысяч вьетнамцев прошли в СССР производственное обучение по 70 рабочим профессиям.

23 июля 1980 г. в Советском Союзе был запущен космический корабль "Союз-37", пилотируемый летчиком-космонавтом СССР В.В. Горбатко и кос-

монавтом-исследователем СРВ Фам Туаном. Была произведена стыковка корабля с орбитальным комплексом "Салют-6" — "Союз-36", осуществлены исследования космического пространства в соответствии с международной программой "Интеркосмос", членом которой Вьетнам стал в 1979 г. Совместный космический полет открыл новое направление научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ³⁴.

Особое внимание сторон к активному развитию научно-технического сотрудничества носило закономерный характер. Растущие масштабы экономического сотрудничества, возрастание сложности совместно решаемых задач, необходимость поиска наиболее эффективных форм взаимодействия на макроэкономическом уровне требовали резкого повышения качества управления этими процессами, подведения под них надежного научного фундамента.

Весной 1980 г. к работе приступила первая комплексная группа советских ученых, которая совместно с вьетнамскими коллегами готовила материалы к технико-экономическому обоснованию пятилетнего плана развития экономики СРВ на 1981—1985 гг. Одновременно велась работа над Генеральной схемой развития и размещения производительных сил Вьетнама до 2000 г. Мощный импульс динамичному расширению взаимодействия в области науки и техники был дан осенью 1983 г. в результате принятия Программы долгосрочного экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами.

Совместными усилиями решались многие проблемы, возникавшие при укреплении оборонного комплекса СРВ. В феврале 1984 г. в ответ на обращение вьетнамской стороны правительство СССР приняло решение о восстановлении и строительстве ряда объектов на базе Камрань. Здесь был создан Пункт материально-технического обеспечения, куда для пополнения запасов топлива, продовольствия и воды, производства мелкого ремонта, отдыха личного состава стали заходить корабли Тихоокеанского флота СССР. Здесь же были размещены части военно-воздушных сил СССР³⁵.

В первой половине 1980-х гг. связи между СССР и СРВ продолжали устойчивого и динамично развиваться. СССР последовательно занимал доброжелательную позицию в отношении Вьетнама, поддерживал его внутреннюю и внешнюю политику. Между обеими сторонами имелось взаимопонимание в оценках ситуации в мире и в АТР, важности нормализации отношений с Китаем.

Приход М.С. Горбачева к руководству СССР в марте 1985 г. был воспринят в СРВ как знак грядущих крупных перемен. Руководителям двух стран предстояло вновь "сверить часы". 26 июня 1985 г. в Москву прибыла делегация СРВ во главе с Ле Зуаном. Она была тепло принята М.С. Горбачевым, который уже успел заявить о себе как инициатор масштабных реформ. Лидеры СРВ в тот период эти настроения поддерживали. Они нуждались в "прорывных" идеях, реализация которых помогла бы скорейшему решению накопившихся во Вьетнаме проблем. Больше всего вьетнамцев беспокоил вопрос: как скажется советская перестройка на отношениях между двумя странами, и, прежде всего, в сфере экономики.

Расчеты показывали, что в 1986—1990 гг. экономическая помощь, предоставляемая Вьетнаму со стороны СССР, должна была быть равна объему помощи за все предыдущие тридцать лет сотрудничества и вдвое превысить объем помощи за 1981—1985 гг. Среди советских хозяйственников начали раздаваться голоса, что отношения с Вьетнамом носят неравноправный и обременительный для СССР характер. Эти дискуссии шли на фоне очередного крутого витка в гонке вооружений между СССР и США. Все новые запросы военно-промышленного

комплекса тяжелым бременем ложились на экономику Советского Союза, которая к тому времени изрядно “подсела на нефтяную иглу” и все более зависела от мировой конъюнктуры на нефть.

Тем не менее, итоги переговоров оказались в целом благоприятными для вьетнамской стороны: СССР принял решение увеличить экономическое содействие СРВ, предоставить ей на льготных условиях новый кредит на 1986—1990 гг., а также отсрочить выплаты по ранее предоставленным кредитам. Было также заявлено об увеличении поставок Вьетнаму таких важных для его народного хозяйства товаров, как нефтепродукты, удобрения, прокат и хлопок. Стороны договорились ускорить работы по разведке и добыче нефти и газа на шельфе юга Вьетнама, созданию объектов нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, завода по производству азотных удобрений, а также объектов энергетики, ряда машиностроительных предприятий, реконструкции железных дорог и повышению их пропускной способности, завершению технико-экономического обоснования строительства металлургического комбината³⁶.

Обстоятельному анализу подверглась ситуация в мире и, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Обе стороны подтвердили свою приверженность идее превращения Азии в зону мира и равноправного сотрудничества. Советская и вьетнамская делегации высказались за нормализацию отношений с КНР. Было отмечено, что этой цели способствуют предложения правительства ДРВ по обеспечению мира на вьетнамо-китайской границе, о заключении договора о мирном сосуществовании, а также другие инициативы, свидетельствовавшие о наличии у Вьетнама доброй воли и желания мирным путем решать существующие проблемы.

Вьетнам шел навстречу VI съезду КПВ. Его руководству предстояло дать ответ на огромное количество теоретических и практических вопросов. Начавшаяся в СССР “перестройка” подхлестнула дискуссию, каким путем идти дальше. В Москве и Ханое шли интенсивные консультации по основополагающим проблемам развития современного общества. Съезд открылся 15 декабря 1986 г. На нем была провозглашена программа “обновления”, над которой команда вьетнамских интеллектуалов, консультируясь с советскими специалистами, кропотливо работала в течение нескольких лет. Принятая съездом программа “обновления” стала качественным скачком в общественном развитии СРВ. Она открыла эпоху глубоких реформ и, что самое важное — реформ управляемых и контролируемых.

К концу 1980-х гг. сотрудничество Советского Союза и Вьетнама охватывало практически все сферы общественно-политической и народнохозяйственной деятельности двух стран. СССР был главным политическим союзником и экономическим донором Вьетнама. За четыре прошедших десятилетия при содействии СССР во Вьетнаме в общей сложности было построено, реконструировано и восстановлено 260 народнохозяйственных объектов. За эти годы СССР выделил Вьетнаму кредитов на сбалансирование взаимных расчетов по товарообороту, оказание технического содействия и другие цели на сумму 16,2 млрд руб. и предоставил безвозмездную помощь более чем на 300 млн руб. В СССР получили образование более 20 тыс. вьетнамских студентов, 3500 кандидатов и докторов почти по все отраслям естественных и гуманитарных наук. Поставки из СССР до конца 1980-х гг. на 100% обеспечивали потребности ДРВ в нефтепродуктах и хлопке, на 70% — в минеральных удобрениях, на 75% — в прокате черных металлов. На объектах, возведенных при содействии СССР, производилось 2/3

электроэнергии, 9/10 угля, более 1/3 цемента, около половины металлорежущих станков, 100% нефти, апатитов, суперфосфата и серной кислоты³⁷.

Однако в условиях нараставшего в СССР внутривластного кризиса и истощения финансово-экономических ресурсов в конце 1980-х гг. началось обвальное сокращение объемов его технико-экономической помощи Вьетнаму. Остался нереализованным ряд программ долгосрочной производственной кооперации. Из Вьетнама отзывались советские специалисты. Резко сократился товарооборот. На убыль пошло военно-техническое сотрудничество. В 1991 г. было приостановлено использование советскими вооруженными силами вьетнамской бухты Камрань.

Накапливались симптомы охлаждения отношений в политической сфере. Свою негативную роль вновь сыграл идеологический фактор. Вследствие необратимых перемен в Советском Союзе все более ослабевало, а затем и вовсе сошло на нет значение межпартийных связей между КПСС и КПВ. Чтобы понять, что происходит в СССР, попытаться снять или, по крайней мере, ослабить возрастающую напряженность в отношениях, Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Ван Линь в мае 1991 г. встречался в Москве с М.С. Горбачевым. Но тот уже слабо владел ситуацией в стране. На политическую сцену выходили неизвестные вьетнамцам силы. В декабре 1991 г. СССР прекратил свое существование.

Россия — Вьетнам: стратегическое партнерство

27 декабря 1991 г. Социалистическая Республика Вьетнам признала Российскую Федерацию правопреемницей Советского Союза. Россия и Вьетнам вступили в процесс глубокой трансформации двусторонних отношений. Поиск их новой модели шел болезненно. Огромный потенциал многогранного сотрудничества, созданный в предыдущие десятилетия, какое то время бездействовал. В 1991 г. российско-вьетнамский товарооборот упал практически до нуля. Прекратились общественно-политические связи.

Новые реалии настоятельно требовали придать межгосударственным отношениям прагматичный, взаимовыгодный, нацеленный на конкретные результаты характер. Решающим фактором, способствовавшим преодолению кризиса в двусторонних отношениях, их наполнению новым содержанием, стали традиции дружбы и взаимного уважения между народами России и Вьетнама. Важное значение в этой связи имел официальный визит в Москву в июне 1994 г. премьер-министра СРВ Во Ван Киета.

Визит закрывал собой "паузу" в российско-вьетнамских отношениях, образовавшуюся после распада СССР. В ходе визита был подписан Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.³⁸ Этот документ заменил собой Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ 1978 г. и подвел под российско-вьетнамские отношения новый политико-правовой фундамент.

Главная особенность нового Договора состоит в том, что за основу отношений были взяты универсальные принципы международного права. Своим содержанием Договор не направлен против третьих стран. Вместе с тем, он предусматривает обязательство "не заключать с третьими странами договоров и соглашений или предпринимать действия, которые нанесли бы ущерб государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности другой стороны" (ст. 3).

К началу XXI столетия руководству России и Вьетнама удалось, наконец, поставить барьер на пути негативных тенденций в двусторонних отношениях. Особое значение в этом плане имел официальный визит во Вьетнам тогдашнего президента Российской Федерации В.В. Путина (28 февраля — 2 марта 2001 г.). Главным достижением российско-вьетнамского саммита в Ханое стало подписание Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, в которой сформулированы долгосрочные цели и параметры совместного движения, как в торгово-экономической сфере, так и в области науки, техники, образования, обороны и безопасности, во внешней политике. Важнейшая особенность документа состоит в том, что в нем соблюден принцип преемственности в развитии потенциала дружбы и сотрудничества³⁹.

Российская Федерация стала первой страной, с которой Вьетнам установил отношения принципиально нового для своей внешнеполитической практики формата — отношения стратегического партнерства. В то же время и для России Вьетнам является единственной страной Юго-Восточной Азии, с которой наша страна развивает такого рода отношения. Эта особенность отражена в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 12 июля 2008 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым⁴⁰.

В целях реализации задач, поставленных в Декларации, руководители наших стран поддерживают регулярный политический диалог. Его важными вехами стали визит в РФ Генерального секретаря ЦК КПВ Нонг Дык Маня (октябрь 2002 г.), Президента СРВ Чан Дык Лыонга (май 2004 г.), премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга (сентябрь 2007 г.), Президента СРВ Нгуен Минь Чиета (октябрь 2008 г.)

20 ноября 2006 г. с официальным визитом Вьетнам вновь посетил В.В. Путин. По итогам этого визита было подписано большое число важных двусторонних документов. В ходе встречи в октябре 2008 г. в Москве с Д.А. Медведевым Президент Вьетнама Нгуен Минь Чиет заявил, что Вьетнам желает видеть Россию в числе великих мировых держав и развивать сотрудничество с ней по всем направлениям. Стороны констатировали близость позиций Москвы и Ханоя по ключевым вопросам международной повестки дня. В результате активного политического диалога под отношения стратегического партнерства России и Вьетнама за последние годы подведена широкая договорно-правовая база. Сегодня они регламентируются более чем 50 межправительственными соглашениями, а также целым рядом межведомственных соглашений⁴¹.

Регулярный характер приобрели межпарламентские контакты. В январе 2005 г. с официальным визитом СРВ посетил председатель Совета Федерации С.М. Миронов. В апреле 2009 г. состоялся визит в Россию председателя Национального собрания СРВ Нгуен Фу Чонга. В парламентах обеих стран образованы группы дружбы. На регулярной основе проходят встречи на уровне заместителей глав парламентов, профильных комитетов и комиссий. Стороны активно сотрудничают в международных и региональных парламентских организациях.

Ежегодно проходят встречи министров иностранных дел двух стран, а также межмидовские консультации в рамках стратегического диалога. Продуктивный характер носил официальный визит российского министра иностранных дел С.В. Лаврова во Вьетнам в июле 2009 г. Были рассмотрены пути активизации взаимодействия, направленного на реализацию договоренностей, достигнутых на высшем уровне.

В условиях, когда Россия и Вьетнам концентрируют свои основные усилия на решении задач поступательного развития, в центре внимания сторон находятся, естественно, проблемы экономики. Позитивные сдвиги в этой сфере налицо. Товарооборот в последние годы уверенно растет. В середине 1990-х гг. он составлял 350—400 млн долл. В 2002 г. — 700 млн долл., а в 2009 г. превзошел 1,5 млрд долл.⁴²

Однако, как считают в Москве и Ханое, этот уровень все же не отвечает постоянно растущему экономическому потенциалу сторон, уровню и характеру отношений между ними в политической сфере. Часть причин такого положения названа выше. К ним следует добавить наличие таких проблем, как узкая, десятилетиями не менявшаяся номенклатура взаимного товарооборота, низкое качество поставляемых товаров, слабые финансовые возможности многих субъектов сотрудничества, дефицит деловой информации, несовершенная инфраструктура.

Сегодня в СРВ реализуется 59 проектов с участием российского капитала с общей суммой инвестиций 370 млн долл. (без учета нефтегазовой отрасли)⁴³. Стороны заявляют, что в повестке дня экономического сотрудничества уже в ближайшие годы должны появиться крупные торгово-экономические и инвестиционные проекты, реализация которых привлечет к участию значительные сегменты деловых кругов двух стран⁴⁴.

Стороны работают над созданием “заделов” для сотрудничества в тех отраслях, которые в ближайшем будущем должны определять лицо новой экономики наших стран. Речь идет, в первую очередь, о высокотехнологичной, инновационной продукции, с большой долей добавленной стоимости. Активизация присутствия России на вьетнамском рынке высокотехнологичных товаров предполагает расширение сотрудничества в энергетике, судостроении, информационно-телекоммуникационных технологиях, а в перспективе — и в нанотехнологиях.

Российская сторона хотела бы в качестве генподрядчика взять на себя реализацию вьетнамской программы “ВИНАСАТ”. Увеличиваются масштабы сотрудничества в машиностроении. При участии ОАО “КАМАЗ” в северовьетнамской провинции Куангнинь открыто сборочное производство грузовиков этой марки. В Ханое организована сборка автомашин “УАЗ”. В числе проектов, в осуществлении которых намерены принять участие российские организации и предприятия, можно назвать строительство метро и других видов рельсового транспорта в Ханое и других крупных городах Вьетнама, освоение залежей железных и бокситовых руд и т.п.⁴⁵

Мощный, но пока слабо реализуемый потенциал сотрудничества содержит в себе развитие межрегиональных связей. Наибольшую заинтересованность в двусторонних контактах с регионами Вьетнама проявляют Москва, Санкт-Петербург, Приморский край. Интерес к сотрудничеству с провинциями СРВ отмечается также со стороны Республики Якутия, Хабаровского края, Республик Башкортостан и Татарстан, Брянской, Воронежской, Нижегородской, Свердловской, Ярославской областей. В межрегиональное сотрудничество начали включаться Омск и Челябинск. С вьетнамской стороны активность в установлении деловых контактов с российскими партнерами проявляют Ханой, Хошимин, Дананг и провинция Куангнам.

В 2007 г. правительство РФ утвердило Федеральную целевую программу развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г. В этом контексте представляется весьма перспективной идея, высказанная вьетнамским прези-

дентом Нгуен Минь Чиемом в беседе с Д.А. Медведевым 27 октября 2008 г., о принятии на уровне правительств программы сотрудничества провинций Вьетнама с дальневосточным регионом России⁴⁶.

Наметились позитивные сдвиги в межбанковском сотрудничестве. В 2000 г. было подписано соглашение между Внешэкономбанком РФ и Банком внешней торговли СРВ об организации расчетов по внешнеэкономическим связям. В июне 2007 г. между российским Внешторгбанком (ВТБ) и Банком инвестиций и развития Вьетнама подписан меморандум о взаимопонимании. Документом предусматривается поддержка развития созданного сторонами Вьетнамороссийского банка (ВРБ). Отделения ВРБ имеются во вьетнамских городах Вунгтау, Дананге и Хошимине. В октябре 2008 г. состоялась церемония выдачи лицензии Банка России на открытие представительства ВРБ в Москве. Это позволило двум компаниям наших стран приступить к реализации ряда крупных инвестиционных проектов, в том числе строительству торговых центров Ханоя и Хошимина в Москве, предприятия по переработке продукции тропического земледелия в СРВ с ее последующей поставкой в Россию.

На всех этапах сотрудничества наши страны уделяли приоритетное внимание взаимодействию в топливно-энергетической сфере, мощным локомотивом которого сегодня является совместное предприятие "Вьетсовпетро". За время деятельности СП усилиями его коллектива добыто более 180 млн т нефти. Благодаря этому российский бюджет пополнился на 7,5 млрд долл. СП постоянно наращивает свое производство. В 2008 г. добыча нефти составила 7,1 млн т, а газа — 1,4 млрд куб. м. Предприятие расширяет рамки своей деятельности. Российские и вьетнамские газовики и нефтяники ведут работу по созданию совместной компании "Русьветпетро" для реализации совместных проектов в России, в том числе в Ненецком автономном округе. Имеется договоренность о взаимодействии в третьих странах⁴⁷.

При содействии нашей страны в СРВ созданы тепло- и гидроэлектростанции общей мощностью более 4 тыс. мВт. Сегодня эти ГЭС и ТЭС обеспечивают производство около 80% вьетнамской электроэнергии. Сформирован "портфель" сотрудничества на предстоящие годы. 2 декабря 2005 г. в СРВ состоялась церемония начала строительства при российском участии ГЭС Шонла с проектной мощностью 2400 мВт, которую планируется пустить в эксплуатацию в 2010 г. В планах сотрудничества также строительство тепловых электростанций в Хайфоне и Камфе, участие российских организаций в модернизации вьетнамских объектов энергетики, построенных ранее при техническом содействии СССР и РФ⁴⁸.

Перспективным является взаимодействие в развитии атомной энергетики СРВ. 25 июля 2009 г. подписан Меморандум о намерениях между Государственной корпорацией по атомной энергии "Росатом" и Министерством науки и технологий Вьетнама о сотрудничестве в рамках национальной программы развития атомной энергетики СРВ⁴⁹.

Созданы хорошие заделы для развития сотрудничества в угольной промышленности. С участием СССР в ДРВ были построены шахты и разрезы общей проектной мощностью 12,7 млн т угля в год, а также завод по ремонту и производству горношахтного оборудования. В Ханое выражают заинтересованность в увеличении объемов поставок такого оборудования из России, а также содействии в модернизации созданных с помощью СССР предприятий угольной промышленности⁵⁰.

На всех этапах двусторонних отношений Россия и Вьетнам развивали контакты в военной и военно-технической областях. Эту сферу и сегодня отличает хорошая динамика сотрудничества. По данным Международного института стратегических исследований, ВВС Вьетнама постоянно пополняются российской авиационной техникой. На их вооружении состоит сегодня 140 истребителей МиГ-21-бис, 53 истребителя-бомбардировщика Су-22МЗ/М 4, а также 12 истребителей СУ-27 СК/УБК и 4 машины СУ-30 МКК. В соответствии с заключенным контрактом, Россия в 2010 г. начнет поставлять во Вьетнам истребители Су-30 МК 2. Поставки российской спецтехники осуществляются и в интересах ВМС СРВ. В учебных заведениях Министерства обороны РФ продолжают обучаться вьетнамские специалисты. Заинтересованные ведомства ведут совместную разработку продукции военного назначения.

Руководители России и Вьетнама неизменно уделяют особое внимание вопросам укрепления социальной основы сотрудничества. Приоритетное значение в этом отношении имеют связи в сфере образования. Их отличает высокий динамизм и многообразие. С 1951 г. в образовательных учреждениях СССР и России подготовлено более 30 тысяч вьетнамских специалистов с высшим и средним специальным образованием. Вьетнам и сегодня занимает одно из первых мест по количеству своих граждан, обучающихся в России (свыше 4000)⁵¹.

В сохранении и развитии дружеских связей между нашими народами особая роль принадлежит русскому языку, интерес к которому в последние годы во Вьетнаме заметно вырос. По данным МИД РФ в настоящее время русским языком в СРВ владеет более 550 тысяч человек⁵².

Во Вьетнаме с большой любовью и уважением относятся к русской культуре. Здесь с неизменным успехом проходят гастроли российских балетных трупп, симфонических оркестров, художественных коллективов различных жанров, включая современную эстраду. Большой популярностью пользуются фестивали советских и российских фильмов. Значительный вклад в расширение сотрудничества в гуманитарной области, в сфере образования и культуры вносит Российский центр науки и культуры в Ханое.

В развитии межличностного общения граждан двух стран в последние годы резко возросла роль туризма. Ежегодно десятки тысяч россиян совершают туристические поездки во Вьетнам. В 2008 г. их число превысило 70 тыс. чел.⁵³ С 1 января 2009 г. Вьетнам ввел безвизовый режим для россиян, приезжающих в СРВ на срок до 15 дней⁵⁴. Это решение способствовало расширению потока российских туристов в СРВ.

Важнейшая роль в укреплении социальной базы сотрудничества принадлежит политическим партиям, неправительственным организациям, средствам массовой информации обеих сторон. По мере роста сотрудничества в гуманитарной сфере, возрастания взаимных миграционных и туристических потоков в российско-вьетнамское взаимодействие включаются огромные массы людей со своими национальными и религиозными особенностями и традициями, уровнем образования и культуры. В этих условиях на СМИ и общественные организации ложится важнейшая функция — воспитание взаимоуважения и толерантности, содействие борьбе против организованной преступности и наркомании, осуждение проявлений экстремизма.

Особо важная роль принадлежит средствам массовой информации в популяризации знаний о наших странах, их культуре, истории и традициях. СМИ — важнейший канал налаживания межцивилизационного диалога,

привития населению, особенно молодежи России и Вьетнама традиционных чувств дружбы и взаимного уважения. Предстоит еще многое сделать, чтобы телевидение, радио, газеты шире освещали основные события, происходящие в наших странах.

Важная роль в развитии отношений стратегического партнерства принадлежит обществам российско-вьетнамской и вьетнамо-российской дружбы. В Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на этот аспект отношений обращается особое внимание⁵⁵.

На международной арене наши страны последовательно выступают за укрепление позитивных тенденций в мировом развитии, за формирование миропорядка, основанного на принципах равноправия и справедливости. Они зарекомендовали себя решительными противниками давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела.

С целью создания справедливого, демократического, многополярного мира Россия и Вьетнам согласовывают свои действия на международных форумах. Они тесно взаимодействуют в целях повышения роли и эффективности ООН в развитии международного сотрудничества, координируют свои усилия в борьбе против глобальных вызовов, в вопросах обеспечения безопасности в АТР и ЮВА. Высоко оценивая роль АСЕАН в укреплении мира и безопасности, в развитии интеграционных процессов в регионе, Россия и Вьетнам развивают взаимодействие в рамках диалогового партнерства Россия — АСЕАН.

* * *

Анализ потенциала отношений между Россией и Вьетнамом, факторов, определяющих дальнейший вектор стратегического партнерства двух стран, показывает, что у российско-вьетнамского сотрудничества большие перспективы. Две страны располагают широкими возможностями взаимно дополнять друг друга по многим важнейшим позициям, поддерживать друг друга в социально-экономическом развитии, в обеспечении мира, стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

-
1. Это незабываемое слово "Льен Со". М., 2006. С. 367.
 2. Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959. С. 7—8.
 3. Международная жизнь. 2003. № 8.
 4. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5, кн. 2. М., 2006. С. 260.
 5. Правда. 1950. 30 янв.
 6. Капица М.С. На разных параллелях: Записки дипломата. М., 1996. С. 262.
 7. Красная звезда. 1980. 30 янв.
 8. Правда. 1954. 22 июля.
 9. Правда. 1955. 19 июля.
 10. Иваньшин С., Осотов И. Первое в Юго-Восточной Азии. М., 1975. С. 69.
 11. Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2005. С. 85.
 12. Война во Вьетнаме: Как это было (1965—1973 гг.). М., 2005. С. 495.
 13. Добрынин А.Ф. Сугубо достоверно. М., 1969. С. 159.
 14. Придыбайло А.И. Вьетнамская народная армия. М., 1974. С. 75.
 15. Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 233—239.
 16. Огнетов И.А. На вьетнамском направлении. М., 2007. С. 236.

17. СССР/ Россия—Вьетнам. Дружба, проверенная временем. М., 2008. С. 61.
18. Правда. 1973. 28 февр.
19. Международная жизнь. 2007. № 11. С. 107.
20. Правда. 1973. 17 июля.
21. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1975.; Вып. 29. С. 149—150.
22. Правда. 1973. 21 дек.
23. Правда. 1975. 2 мая.
24. Там же.
25. Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Демократической Республики Вьетнам, 27—31 окт. 1975 г.: Документы и материалы. М., 1975.
26. Воронин А.С., Огнетов И.А. Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1981. С. 78.
27. Правда. 1976. 4 июля.
28. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979.
29. Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Социалистической Республики Вьетнам, 1—9 ноября 1978 г. М., 1978.
30. Правда. 1979. 19 февр.
31. Лесков Ю.С. СССР—КНР. От конфронтации к партнерству. М., 2007. С. 87.
32. Нян зан. 1979. 18 марта.
33. Правда. 1980. 4 июля.
34. Правда. 1980. 24 июля.
35. Это забываемое слово "Льен Со". М., 2006., С. 355.
36. Правда. 1985. 30 июля.
37. Капица М.С. Указ. соч. С. 293.
38. Дипломатический вестник. 1994. № 13—14. С. 26—27.
39. Нян Зан. 2001. 4 марта.
40. www.mid.ru/ns-osndoc.
41. ВВП. Москва. 2008. № 10. С. 18—19.
42. www.ministry of foreign affair of vietnam
43. Российская газета. 2009. 16 сент.
44. www.ministry of foreign affair of vietnam
45. Российско-вьетнамские отношения: проблемы и перспективы. М., 2006. С. 43.
46. Российская Федерация сегодня. М., 2008. № 21.
47. РБК. 2008. 28 окт.
48. Российско-вьетнамские отношения: проблемы и перспективы. М., 2006. С. 42.
49. www.mid.ru.brp
50. Российско-вьетнамские отношения: проблемы и перспективы. М., 2006. С. 42.
51. Там же. С. 77.
52. www.mid.ru
53. РБК. 2008. 22 окт.
54. www.mid.ru
55. Это забываемое слово "Льен Со". М., 2006. С. 409.

Военная дипломатия КНР на современном этапе

© 2010

П. Каменнов

В статье рассматриваются основные направления и роль военной дипломатии Китая на современном этапе в контексте широкого комплекса мер в сфере безопасности, направленных на обеспечение благоприятных внешних условий реализации национальной стратегии развития.

Ключевые слова: военная дипломатия, стратегические консультации, совместные военные учения, сотрудничество в рамках ШОС, анти-террористические учения.

В годы реформ и открытости внешнему миру в военной политике Китая, являющейся составной частью широкого комплекса мер в сфере безопасности, направленных на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, важное место занимает военная дипломатия.

Наряду с глобализацией проблем безопасности это в основе своей связано с культурным наследием страны, воплощающемся, в частности, в обращении к учению военного теоретика древности Сунь Цзы. В известном труде "Стратегия Сунь Цзы" (512 г. до н.э.), сохраняющем определенную актуальность и в наши дни, автор исследует проблему, как победить противника интеллектом, а не только материальной силой. Суть военной стратегии, по Сунь Цзы, заключается в комбинированном применении знаний и материальных ресурсов для достижения цели, причем знания и интеллект как невидимые ресурсы во многих случаях являются более важными, чем материальные (видимые) ресурсы. Войну он считал сложным многомерным явлением, включающим использование каждой из сторон всех средств борьбы, охватывающим политику, дипломатию, науку, культуру и другие сферы.

Взгляды Сунь Цзы нашли отражение в принятой китайским руководством в 80-х гг. прошлого века концепции "комплексной государственной мощи", согласно которой в современных условиях сила государства и его влияние на международные процессы определяется не столько военным потенциалом, сколько уровнем экономического и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом. "В конечном счете, — заявил в 1987 г. на международной конференции по взаимосвязи между разоружением и развитием тогдашний заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, — обеспечение национальной независимости и государственной безопасности зависит от экономического развития, национальной мощи и активного вовлечения в борьбу за защиту регионального и международного мира, но ни в коем случае не зависит от простого наращивания вооружений"¹.

В наши дни эти идеи получили развитие в официальных документах Госсовета КНР по проблемам национальной обороны. Согласно Белой книге "Национальная оборона Китая" 2006 г., военная политика КНР наряду с модернизацией вооруженных сил включает расширение военных контактов с другими странами на основе пяти принципов мирного сосуществования*, а также развитие отношений военного сотрудничества, которые не являются союзническими или конфронтационными и не направлены против третьих стран. Китай активно участвует в международном сотрудничестве по проблемам безопасности, поддерживает механизмы консультаций по стратегическим проблемам с мировыми державами и с соседними государствами, участвует в совместных военных учениях на двусторонней и многосторонней основах; способствует созданию механизмов коллективной безопасности и мер доверия в военной области. Вооруженные силы Китая участвуют в миротворческих операциях под эгидой ООН, а также в сотрудничестве с другими странами по борьбе с терроризмом².

В современном Китае военная дипломатия выступает в качестве атрибута глобальной политики и, по оценке аналитиков США, рассматривается Пекином как деятельность стратегического уровня³. Ныне эта сфера деятельности характеризуется высокой активностью и становлением в качестве важного компонента реальной государственной политики.

Важнейшее место в военной дипломатии занимают стратегические консультации с участием НОАК по проблемам безопасности с крупнейшими мировыми державами — Россией, Индией, США, а также стратегический диалог с другими государствами, которые, по оценке Китая, играют важную роль в формировании международной безопасности. К ним относятся Великобритания, Япония, Австралия, Южная Африка.

Конец XX — начало XXI вв. отмечен заключением между Китаем и Россией ряда важнейших соглашений в сфере безопасности, образующих уникальную систему мер доверия. Эти меры включают взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе. Пятисторонние соглашения между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем о мерах доверия в районе государственной границы (1996 г.) и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе государственной границы (1997 г.) являются беспрецедентными. Первое из них предусматривает "неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил, для нападения на другую сторону". Вторым соглашением устанавливаются предельные уровни численности личного состава и количества вооружений и боевой техники каждой из сторон в 100-километровой приграничной полосе⁴.

Важным шагом в укреплении мер доверия в российско-китайских отношениях, в том числе и в военной области, стало подписание 16 июля 2001 г. в Мос-

* Указанные принципы впервые были сформулированы в соглашении между Индией и КНР о торговле и связях Тибетского автономного района Китая с Индией 1954 г. и нашли отражение в решениях Бандунгской конференции 1955 г.: 1/ взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2/ ненападение; 3/ невмешательство во внутренние дела друг друга; 4/ равенство и 5/ мирное сосуществование (Прим. авт.).

кве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с Договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (статья 2), а также осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений (статья 7). Особое значение в контексте противодействия международному терроризму имеет статья 8 Договора, согласно которой стороны обязались не допускать создания и деятельности на своей территории организаций и групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой стороны.

В 2008 г. завершено юридическое оформление российско-китайской государственной границы. С подписанием между Россией и Китаем ряда документов, а именно — Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), дополнительного Соглашения о границе на ее Восточной части (2004 г.) и дополнительного протокола-описания линии российско-китайской границы на ее восточной части (2008 г.) — государственная граница между двумя странами определена договорными документами на всем ее протяжении. Последним Соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Уссури вблизи Хабаровска⁵.

В отношениях Китая с Индией — несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии (штат Джамму и Кашмир) и по так называемой “линии МакМагона” на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш — наметилась тенденция к развитию отношений стратегического партнерства, в основе которых — “Декларация о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Китаем и Индией” 1988 г., “Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль линии контроля на индийско-китайской границе” 1993 г., “Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии действительного контроля в приграничных индийско-китайских районах” 1996 г. В соответствии с последним соглашением стороны взяли на себя обязательства до окончательного решения вопроса о границе соблюдать линию фактического контроля в китайско-индийской пограничной зоне; в своей деятельности не пересекать фактически контролируемую линию; в соответствии с согласованными обеими сторонами лимитами сокращать или ограничивать группировку сухопутных сил, пограничных войск и военизированных частей; не проводить военных учений в противовес другой стороне в районах, прилегающих к линии фактического контроля; предотвращать опасную военную деятельность, ограничивать масштабы военных учений и уведомлять о военных учениях определенного масштаба в районах фактически контролируемой линии; предотвращать инциденты с вторжением военных летательных аппаратов; укреплять связи и сотрудничество военного персонала и подразделений в районах, прилегающих к фактически контролируемой линии.

В последующие годы отношения были осложнены резко негативной реакцией Пекина на выход Индии из режима нераспространения ядерного оружия. Однако в начале XXI в. стороны возобновили сотрудничество в целях мирного разрешения территориальных проблем, что нашло свое отражение в “Соглашении о политических параметрах и руководящих принципах решения китайско-

индийского пограничного вопроса" 2005 г., а также в "Совместном обзоре КНР и Индией перспектив в XXI веке" 2008 г.⁶ В последние годы отношения стратегического партнерства между двумя странами приобрели поступательный характер. Заключен ряд новых соглашений о сотрудничестве, в том числе в военной области, в частности, о проведении ряда совместных антитеррористических учений, а также учений военно-морских сил с отработкой действий по обеспечению безопасности морских коммуникаций.

В соответствии с "Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI веке" 2008 г. стороны приняли обязательство "путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия" и заявили о своей твердой приверженности "курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не поддавало под влияние этих разногласий".

В последние годы Китай предпринял шаги по возобновлению военных связей с США, прерванных после ракетных ударов НАТО по посольству КНР в Белграде в 1999 г. и инцидента со столкновением американского самолета-разведчика с китайским истребителем над акваторией Южно-Китайского моря в апреле 2001 г.

В сентябре 2001 г. состоялась китайско-американская встреча на о. Гуам в рамках соглашения о проведении консультаций по военно-морским проблемам, которая явилась шагом к возобновлению военных связей между двумя странами. Позднее, в сентябре 2002 г., договоренность о возобновлении обменов между КНР и США по военной линии была зафиксирована в результате встречи на высшем уровне.

Во время визита в октябре 2005 г. в КНР министра обороны США Д. Рамсфелда стороны изложили позиции по важнейшим международным и региональным проблемам. При этом была дана высокая оценка сотрудничеству США и Китая в борьбе с терроризмом и обеспечении безъядерного статуса Корейского полуострова. Вместе с тем, с американской стороны была выражена озабоченность военными расходами Китая, которые в США считают более значительными, чем те, о которых официально сообщает китайское руководство, и указано на необходимость большей открытости в этом вопросе с акцентом на то, что "скрытность" Пекина "вызывает всеобщие подозрения". Кроме того, была высказана озабоченность в связи с программой развития китайского ракетного оружия, в зоне досягаемости которого находится территория США. Выступая в Академии военных наук Китая, американский министр призвал Пекин давать более четкие объяснения относительно целей развития стратегических вооружений.

Признаком потепления китайско-американских отношений стало посещение министром обороны США одного из самых секретных объектов КНР — Главного штаба стратегических ядерных сил⁷. В итоге переговоров стороны пришли к соглашению относительно необходимости укрепления взаимного доверия и активизации обменов в военной сфере, в частности, приняты решения о развитии связей между военными вузами и об обмене визитами военных кораблей⁸. На основе этих договоренностей в апреле 2006 г. председатель КНР Ху Цзиньтао и президент США Д. Буш достигли соглашения о развитии военных контактов и сотрудничества. Был отмечен определенный прогресс в повышении уровня доверия и взаимопонимания по таким вопросам, как путь развития Китая, модернизация китайских вооруженных сил, прозрачность в обмене информацией, тайваньская проблема, попытки стратегического передела мира Соединенными Штатами и т.д.

В 2007—2008 гг. военные связи между двумя странами продолжали активно развиваться. Наряду с обменом между оборонными ведомствами поддерживались контакты китайских руководителей ЦВС и Министерства обороны КНР с представителями Тихоокеанского командования ВС США. Во время визита в Китай главы Тихоокеанского командования адмирала Тимоти Китинга в январе 2008 г. с американской стороны было отмечено наличие благоприятных возможностей для развития китайско-американских военных связей; в частности, было предложено активизировать контакты между военнослужащими молодого и среднего возраста, укреплять контакты между военно-морскими силами и др. Эти предложения были с одобрением восприняты китайской стороной⁹. Однако нормальному развитию отношений в данной области препятствуют трения между двумя странами по поводу тайваньской проблемы. Китай постоянно обвиняет США в нарушении совместного китайско-американского коммюнике от 17 августа 1982 г., согласно которому США обязались прекратить поставки вооружений на Тайвань и военные связи с ним.

В октябре 2008 г. Пекин прервал диалог по оборонным вопросам с Вашингтоном после того, как администрация Д. Буша объявила о продаже Тайваню крупной партии вооружений на сумму свыше 6 млрд долл.¹⁰ С тех пор китайские корабли несколько раз осуществляли опасное маневрирование близ американских кораблей, находившихся в нейтральных водах у китайского побережья. Китай также несколько раз не давал разрешения войти в гавань Гонконга кораблям ВМС США, в том числе двум судам, нуждавшимся в дозаправке во время шторма. Соглашение о возобновлении связей по военной линии между двумя странами было достигнуто только в апреле 2009 г. в ходе состоявшейся в рамках саммита «большой двадцатки» в Лондоне первой личной встречи председателя КНР Ху Цзиньтао с президентом США Б. Обамой¹¹. В ноябре 2009 г. во время китайско-американской встречи на высшем уровне в Пекине стороны подтвердили намерение предпринять конкретные меры с целью содействовать развитию двусторонних военных связей, что нашло отражение в совместной декларации¹².

Военная дипломатия регионального уровня направлена на развитие отношений Китая с приграничными и соседними странами с целью обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в Центральной Азии, предотвращения перерастания трений и напряженности в отношениях с некоторыми из них в вооруженные конфликты на границе КНР. В течение последнего десятилетия Китай предпринял энергичные усилия для урегулирования приграничных споров и нормализации отношений с соседними странами, в результате достигнуто существенное сокращение межгосударственного конфликтного потенциала.

Большое значение Китай придает участию в региональном форуме АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), а также — сотрудничеству по этим проблемам в форматах Китай—АСЕАН и АСЕАН+3 (Китай, Япония и Республика Корея), что выразилось в ряде инициатив, касающихся сотрудничества по проблемам безопасности в нетрадиционных областях, институционализации военного сотрудничества и военного обмена, взаимодействия при ликвидации последствий стихийных бедствий¹³. Наряду с этим, НОАК участвует в многосторонних форумах по проблемам безопасности, проводимых в пределах АТР, включая конференции на неправительственном уровне — Форум представителей оборонных ведомств стран АТР, Форум представителей стран западной части Тихого океана по военно-морским вопросам, «Диалог сотрудничества в Северо-Восточной Азии» и др.

Китай принимает активное участие в многостороннем сотрудничестве в рамках ШОС, что, в частности, выразилось в подготовке и подписании ряда совместных документов, образующих политическую и правовую базу деятельности Организации. Среди них: Договор о долгосрочных добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве 2007 г., Соглашение правительств стран-участниц ШОС о сотрудничестве по борьбе с незаконным обращением оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, Соглашение о подготовке специалистов-профессионалов по антитеррористической борьбе и другие.

Начало 1990-х гг. отмечено нормализацией отношений Китая с южным соседом — Вьетнамом. Вывод вьетнамских войск из Камбоджи в 1989 г. и принятие Пекином и Ханоем мирного плана ООН о камбоджийском урегулировании положили начало процессу перехода обеих стран от многолетней конфронтации и вражды к взаимопониманию и сближению. В 1991 г. был подписан совместный документ, в котором отмечалось, что положен «конец периоду отчуждения» и заявлено о полной нормализации отношений между СРВ и КНР. В настоящее время отношения между двумя странами строятся на основе сформулированных Пекином 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее». После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива¹⁴.

В 2007 г. наметились признаки постепенного выхода из тупика китайско-японских отношений по военной линии. При прежнем премьер-министре Японии Дзюинтиро Коидзуми в Пекине резко критиковали неоднократные посещения японским лидером храма Ясукуни, в котором почитаются все погибшие в войнах японские военнослужащие, в том числе и те, кто был после Второй мировой войны признан международным трибуналом военными преступниками. С приходом к власти в Токио премьера Синдзо Абэ в сентябре 2006 г. японское правительство предприняло шаги по нормализации отношений с КНР. Нынешнее потепление японо-китайских отношений, в том числе и по военной линии, вызвано в основном существенной активизацией в последние годы торгово-экономических связей двух стран. В этих условиях сохранение напряженности в двусторонних отношениях не отвечает интересам ни Пекина, ни Токио¹⁵.

В августе 2007 г. министр обороны КНР Цао Ганчуань впервые за последние 10 лет прибыл с официальным визитом в Японию, где провел переговоры с главой японского военного ведомства Масахико Комурой и посетил части и объекты японских Сил самообороны. В результате переговоров были достигнуты договоренности о мерах по снижению напряженности между двумя странами и обмену визитами военных кораблей.

Годом позже в рамках реализации положений совместного заявления Китая и Японии от 8 мая 2008 г. стороны договорились об активизации военных связей и выразили намерение изучить вопрос о путях их расширения, включая обмены между военно-учебными заведениями и военными научно-исследовательскими институтами¹⁶. Этот процесс получил дальнейшее развитие. В ноябре 2009 г. Китай и Япония достигли соглашения о проведении в 2010 г. совместных учений военно-морских сил с отработкой спасательных операций на море, а также — о начале переговоров по вопросам взаимодействия вооруженных сил сторон в чрезвычайных ситуациях, о сотрудничестве при проведении операций по поддержанию мира под эгидой ООН, об установлении механизма коммуникаций между оборонными ведомствами двух стран¹⁷.

Одной из форм военной дипломатии Китая является участие в международной практике обмена визитами военных кораблей, которое КНР активно использует для демонстрации флага своих развивающихся военно-морских сил.

В марте 1989 г. учебный корабль “Чжэнхэ” совершил визит в США, который стал первым визитом моряков китайских ВМС в Западное полушарие. Обмены визитами особенно активизировались в последние годы. В мае 2002 г. эскадра военных кораблей КНР нанесла визиты в Сингапур, Египет, Турцию, Украину, Грецию, Португалию, Бразилию, Эквадор, Перу¹⁸. В июле 2007 г. отряд кораблей китайских ВМС посетил Санкт-Петербург (Россия), Портсмут (Великобритания), Кадис (Испания), Тулон (Франция). В ноябре 2007 г. впервые в послевоенной истории Токийский морской порт посетил с дружественным визитом ракетный эсминец китайских ВМС “Шэньчжэнь”. Всего за последние годы (по 2007 г. включительно) 29 отрядов кораблей ВМС КНР совершили визиты в 34 страны¹⁹.

Заметным событием в этой сфере стали торжества, посвященные 60-летию создания военно-морских сил КНР, проводившиеся в апреле 2009 г. В морском параде в районе главной военно-морской базы Северного флота Циндао (пров. Шаньдун), по приглашению командования китайских ВМС, приняли участие более 20 боевых кораблей из 14 стран, в том числе эскадренный миноносец “Фитцджеральд” ВМС США.

Наибольшее внимание уделяется отношениям с приграничными государствами. К этой категории, наряду с Россией, КНДР, Южной Кореей, Монголией, Индией, Вьетнамом, Казахстаном и Таджикистаном, относятся Япония, Австралия, страны Юго-Восточной Азии. Следует отметить, что отношения с последними носят отпечаток нерешенности проблем, касающихся принадлежности островов Южно-Китайского моря, а также морских акваторий, и осуществляются в соответствии с “Декларацией о принципах деятельности в Южно-Китайском море” 2002 г. Ко второй категории относятся страны Западной Азии, Африки и Латинской Америки, на которые Китай в прошлом стремился распространить свое влияние, используя кадровых офицеров НОАК в качестве военных советников. Эти страны и сегодня сохраняют свое значение для КНР как источники сырья, прежде всего энергоносителей, а также как рынок сбыта китайских товаров. Третья категория включает Западную Европу, Канаду и США. Западная Европа представляет интерес для Китая как один из основных полюсов силы в многополярном мире, а также как источник современных технологий двойного (гражданского и военного) назначения. Военные связи НОАК призваны содействовать дипломатическим усилиям Пекина в установлении прочных отношений с этой частью мира, обладающей огромными экономическими и технологическими ресурсами.

Исключение из сферы дипломатической деятельности НОАК представляет Тайвань, который Пекин рассматривает как неотъемлемую часть территории КНР.

Наряду с обеспечением благоприятной обстановки в сфере военной безопасности и защитой суверенитета страны, военная дипломатия призвана содействовать модернизации китайских вооруженных сил²⁰. Основные усилия здесь направляются на получение доступа высшего и среднего звеньев командного состава НОАК к достижениям современной военной науки в области военной доктрины, военного искусства, организации оперативной и боевой подготовки штабов и войск, военной медицины, а также в ряде сопутствующих областей. На стажировку в зарубежные страны периодически направляется командный состав боевых частей НОАК звена “дивизия — бригада”, военных округов, центральных

органов управления, Генерального штаба НОАК. В 2005—2006 гг. свыше 500 китайских военнослужащих этих категорий направлялись на учебу в более чем 20 стран. Одновременно около 2000 военнослужащих из более чем 140 стран прошли подготовку в китайских военно-учебных заведениях²¹. Эта тенденция получила развитие в последующий период: в 2006—2008 гг. свыше 900 слушателей военно-учебных заведений Китая были направлены на учебу в более чем 30 стран и около 4000 военнослужащих из более чем 130 стран прибыли на учебу в Китай. Широко практикуются двусторонние связи китайских военно-учебных заведений с зарубежными; в настоящее время такие связи установлены с 20 странами, включая США, Россию, Японию, Пакистан²².

В данной области Китай активно развивает сотрудничество с Россией. Так, во время встречи министров обороны РФ и КНР в мае 2002 г., в частности, отмечалось, что за последние несколько лет в России прошли обучение 2000 офицеров НОАК и 200 офицеров продолжают учебу в российских военных учебных заведениях²³. В 2006 г. в российских вузах, включая Военную академию Генерального штаба, обучались свыше 140 китайских военнослужащих. Кроме того регулярно, под выполнение соответствующих контрактов на поставку вооружений и военной техники, в российских учебных центрах проходят подготовку экипажи кораблей и подводных лодок, самолетов, расчеты систем ПВО и др.²⁴

За последние два десятилетия определилась устойчивая тенденция расширения и диверсификации сферы внешних военных контактов, увеличения гибкости и разнообразия форм этой деятельности.

На сегодня Китаем установлены и поддерживаются отношения по военной линии более чем с 150 странами; аппараты военного атташе созданы и функционируют в 109 посольствах КНР, 98 иностранных государств создали аппараты военного атташе в Пекине. В 2007—2008 гг. военные делегации НОАК высокого уровня направлялись более чем в 40 стран; одновременно Китаем были приняты свыше 60 военных делегаций на уровне министров обороны и начальников генеральных штабов. Между военными ведомствами КНР и Российской Федерации, КНР и США установлены и действуют прямые телефонные линии связи. Достигнут прогресс в развитии военных связей между КНР и Японией²⁵.

Начиная с 2002 г., набирает силу процесс активного участия НОАК в совместных военных учениях с армиями других стран, а также — практика обмена наблюдателями за военными учениями. В период с 2002 по 2009 гг. НОАК принимала участие в 17 совместных учениях и 4 совместных тренировках с вооруженными силами соседних стран²⁶; военные наблюдатели Китая направлялись на учения ВС Турции, Таиланда, Пакистана, Индии, США, Австралии. В свою очередь, в сентябре 2005 г. по приглашению НОАК военные специалисты и наблюдатели из 24 стран присутствовали на учениях войск Пекинского военного округа "Северный меч — 2005"²⁷.

В мае 2007 г. китайские ВМС приняли участие в многонациональных военно-морских учениях в южной части Южно-Китайского моря, в ходе которых проводилась отработка совместных действий флотов разных стран по борьбе с пиратством и отражению террористических атак, а также — при ликвидации последствий стихийных бедствий. Кроме китайских ВМС в учениях были задействованы боевые корабли США, Индии, Франции, Японии, Сингапура, Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи²⁸. Интерес Китая к этим учениям связан с исключительной важностью для экономики страны мер по обеспечению безопасности в районе Сингапурского и Малаккского проливов, по которым в Китай поставляется до 80% импортируемой нефти.

Ныне эта зона находится под контролем сил береговой охраны Индонезии, Малайзии и Сингапура, действующих при поддержке военно-морских сил США²⁹.

В марте 2009 г. Китай принял участие в многонациональных антитеррористических учениях военно-морских сил США, Франции, Великобритании, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Японии. Учения проводились по инициативе Пакистана с целью отработки вопросов взаимодействия в операциях по обеспечению безопасности на море, включая борьбу с пиратством, и охватывали обширный район, включающий Аравийское море, Персидский залив, Аденский залив, Индийский океан, Малаккский пролив³⁰.

В 2005—2009 гг. были успешно проведены двусторонние антитеррористические российско-китайские военные учения “Мирная миссия — 2005” и “Мирная миссия — 2009”, а также многосторонние военные учения в рамках ШОС “Мирная миссия — 2007”, которые продемонстрировали способность вооруженных сил стран-участниц ШОС противостоять угрозам и вызовам XXI века, прежде всего — терроризму, сепаратизму, экстремизму. По оценке российской стороны, совместные практические действия российских и китайских вооруженных сил от учения к учению становятся все более эффективными³¹.

С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами—членами ШОС о проведении совместных военных учений создана правовая база для их подготовки и проведения в дальнейшем на регулярной основе. Достигнута договоренность о проведении в 2010 г. следующих совместных военных учений³².

Можно предположить, что усилия военной дипломатии, как составной части внешней политики КНР, будут направляться на обеспечение военной безопасности в мире и регионе, содействие модернизации оборонного потенциала, участие в борьбе с международным терроризмом и пиратством. Особое внимание будет уделяться противодействию реализации совместного американо-японского проекта создания системы ПРО ТВД с включением в нее Тайваня, что привело бы к нарушению баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создало препятствие в решении стратегической задачи Китая — урегулировании тайваньской проблемы.

Мировой финансовый кризис не оказал существенного влияния на рост военных расходов КНР, которые остались приоритетными и опережали темпы экономического роста: официальные военные расходы (бюджетные военные ассигнования) на 2009 г. были предусмотрены в сумме 70 млрд долл. против 61 млрд долл. в 2008 г. (увеличение на 14,8%), в то время как рост ВВП КНР в 2009 г. составит около 9%. Это позволило сохранить благоприятные условия для развития военной дипломатии, которая в 2009 г. оставалась весьма активной, превысив по охвату и количеству визитов показатели предыдущих лет и заложив основу для поддержания и развития существующих военных связей Китая с другими странами в 2010 г.³³.

Можно предположить, что в обозримой перспективе программа развития военных контактов КНР будет прогрессировать как в количественном, так и в пространственном измерениях. Наряду с мерами по созданию благоприятных внешних условий в сфере безопасности и содействию модернизации военного потенциала Китая военная дипломатия будет использоваться для развития и укрепления межгосударственных отношений КНР со странами Азии, Африки, Латинской Америки в интересах решения наиболее актуальной экономической проблемы — обеспечения потребностей растущей китайской экономики в источниках сырья и энергоносителей, рынках сбыта китайских товаров в условиях мирового финансового кризиса.

1. Юй Сяотун. Китайская стратегия национальной безопасности в АТР// Проблемы Дальнего Востока. №2007 г. N 3. С. 42.
2. Белая книга "Национальная оборона Китая" 2006 г. — <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
3. Kristen Gunness (The CNA Corporation). China's Military Diplomacy in an Era of Change//China's Global Activism: Implications for U.S. Security Interests. National Defense University. 2006. June 20.
4. Карасин Г. Россия — Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 26.
5. ИА "Интерфакс". 21.07.2008.
6. Синьхуа. 15.01.2008.
7. ИТАР-ТАСС ИНОТАСС. 20.10.2005.
8. ИТАР-ТАСС. 21.10.2005.
9. Жэньминь жибао он-лайн. 16.01.2008.
10. <http://rus.newsru.ua/world/07oct2008/tajvan.html>.
11. КНР и США возобновляют обмены в военной сфере.—/ <http://www.vz.ru/news/2009/4/3/271932.html>.
12. Синьхуа. 19.11.2009.
13. China's National Defense 2008; http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm.
14. Кобелев Е. Вьетнам: политике "мой дом" — 20 лет// Проблемы Дальнего Востока, 2007 г., № 1. С. 53—54.
15. Peacekeeper.ru. 30.08.2007.
16. Синьхуа. 09.05.2008.
17. Синьхуа. 28.11.2009.
18. Жэньминь жибао. 14.10.2002.
19. Синьхуа. 11.09.2007.
20. Чжунго гофан [Белая книга "Национальная оборона Китая" — 1998 г.]; Жэньминь жибао. 1998. 28 июля.
21. Белая книга "Национальная оборона Китая" 2006 г.; <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
22. China's National Defense 2008; http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm.
23. Цянь Сяюнь. Опасный миф о "китайской военной угрозе" // Азия и Африка сегодня." 2003. N 3. С. 33.
24. Ивашов Л.Г. Россия—Китай: перспективы военно-технического сотрудничества; www.fondsk.ru, 09.03.2006.
25. China's National Defense 2008. — http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm.
26. <http://www.partnery.cn>. 18.03.2009.
27. "Белая книга "Национальная оборона Китая" 2006 г. — <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
28. Военно-промышленный курьер. 2007. 30 мая—5 июня.
29. <http://www.dialogs.org.ua/.../print.php?....>
30. <http://www.riazhaq.com/2009/03/pakistan-naval-exercises-aman-2009-htm>.
31. China news.ru. 2009. 27 июля.
32. Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств-членов ШОС// Жэньминь жибао. 2008. 16 мая.
33. <http://www.partnery.cn>. 08.12.2009.

Экономика

Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса

© 2010

Б. Хейфец, Д. Селихов

Рассматриваются различные аспекты инновационного развития КНР. В русле перехода с чисто экспортной модели к ориентации на внутренний спрос происходит структурная перестройка экономики, замещение импорта технологий на внутреннее развитие инноваций, усиливается инвестиционная экспансия китайских компаний во вне. Мировой кризис становится дополнительным стимулирующим фактором выполнения поставленной еще в 2006 г. задачи — превращения Китая в инновационную страну к 2020 г.

Ключевые слова: Китай, антикризисная стратегия, инновационное развитие, модернизация науки и техники, замещение импортных технологий, инвестиционная экспансия.

Успех антикризисной стратегии Китая во многом связан с серьезной структурной перестройкой экономики, значительно ускорившейся в кризисный период. Не случайно главной целью китайской антикризисной программы, на реализацию которой было выделено почти 600 млрд долл., стал переход экономики с экспортной модели развития на модель, ориентированную в существенной мере на внутренний спрос, диверсификацию экономики и комплексное развитие инфраструктуры, наращивание собственных высокотехнологичных производств. По мнению некоторых экспертов, это позволит Китаю уже к 2015 г. перегнать США по объему промышленного производства (а не в 2020-м, как предполагалось ранее).¹

Процесс смены экономической модели начался задолго до мирового кризиса. На 6-м пленуме ЦК 16-го созыва (октябрь 2006 г.) и XVII съезде (октябрь 2007 г.) были изложены новые взгляды по широкому кругу вопросов экономической стратегии, включая характер и качество экономического роста, формирование инновационной экономики, ресурсосбережения, стратегию "выхода вовне", расширение внутреннего спроса как основы динамичного устойчивого развития.

В 2006 г. Госсовет КНР принял "Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006-2020 гг.", согласно которому Китай к 2020 г. должен стать инновационным государством (т.е. долю расходов на НИОКР предполагается довести до 2,5% ВВП, а вклад научно-технического прогресса в рост экономики должен достичь 60%).²

Хейфец Борис Аронович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Тел.: 8 910 4218678. E-mail: bah@mail.northnet.ru

Селихов Дмитрий Михайлович, старший лаборант Института экономики РАН. Тел.: 8 916 2313034. E-mail: dmitry_selikhov@gmail.com

В последние годы рост ВВП КНР составлял около 10%, а его абсолютные размеры достигли в 2008 г. 4,4 трлн долл. Обеспечение в 2009 г. 8-процентного прироста позволит КНР выйти на 2-е место в мире по размерам ВВП, хотя еще в начале XXI в. была на 6-м. К 2020 г. Китай намерен увеличить ВВП вчетверо против уровня 2000 г., и важная роль в достижении этой цели отводится развитию собственных высоких технологий. Хотя кризис может внести свои коррективы, это намерение выглядит реалистично (в 1980–2000 гг., например, план четырехкратного роста ВВП был превышен в полтора раза, а за три квартала 2009 г. ВВП Китая вырос более чем на 7%, что является наивысшим в мире показателем).

Серьезные успехи налицо. По данным из доклада американского исследовательского института ITIF (The Information Technology & Innovation Foundation), специализирующегося на инновационных стратегиях, Китай в конце 1-го десятилетия XXI в. первенствует по темпам развития передовых технологий. Об его успехах можно судить по некоторым индикаторам инновационности, рассчитываемым различными экспертами³ (см. табл. 1).

Как видно из этой таблицы⁴, китайская экономика пока еще не отличается сильным инновационным потенциалом, но среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой Китай является лидером, заметно опережая и Россию.⁵

Таблица 1

Инновационный потенциал экономик по странам мира в 2008–2009 гг.

Рейтинг инновационности за 2008–2009 гг. Всемирн. экономического форума (WEF) для 133 стран	Интегральн. рейтинг развития информ.технологий и инновационности 2008 г. экспертов ITIF для 40 стран	Междун. инновац. индекс 2009 г. экспертов Бостон консалтинг Групп (BCG) для 110 стран
1. США 2. Швейцария 3. Япония 4. Германия 5. Финляндия 6. Швеция 7. Дания 8. Тайвань 9. Нидерланды 27. Индия 32. Китай 42. Бразилия 73. Россия	1. Сингапур 2. Швеция 3. Люксембург 4. Дания 5. Республика Корея 6. США 7. Финляндия 8. Великобритания 9. Япония ... 33. Китай 35. Россия 38. Бразилия 40. Индия	1. Сингапур 2. Республика Корея 3. Швейцария 4. Исландия 5. Ирландия 6. Гонконг 7. Финляндия 8. США 9. Япония 27. Китай 46. Индия 49. Россия 72. Бразилия

Источник: составлено авторами по данным K. Schwab, M.E. Porter. *The Global Competitiveness Report 2008–2009*. World Economic Forum, 2008. Table 5. C.14–15; James P. Andrew, Emily Stover DeRocco, A. Taylor. *The Innovation Imperative in Manufacturing*. The Boston Consulting Group, 2009. C.25–27; Robert D. Atkinson, Scott M. Andes. *The Atlantic Century. The Information Technology & Innovation Foundation (ITIF)*, 2009. C.2.

Пока что высокие технологии не доминируют в Китае. В рейтинге его 500 крупнейших корпораций, который публикует China Enterprise Confederation and China Enterprise Directors Association, на компании из сферы новых и высоких технологий приходится чуть более 10% (общим числом 56). В рейтинге представлены как ТНК, так и компании, работающие на внутреннем рынке. К электронной промышленности относятся 27 компаний⁶, к фармацевтической — 15, к телекоммуникациям — 8, к ИТ — 3, к авиационной промышленности — 2, к космической — 1.⁷

Переход к новой инновационной модели в КНР подразделяется на 3 этапа:

- 1) до 2010 г. — создание государственной инновационной системы;
- 2) 2010-2020 гг. — осуществление модернизации науки и техники, достижение в этих сферах уровня среднеразвитой страны;
- 3) 2020-2050 гг. — всесторонняя модернизация науки и техники, предполагающая вхождение в один ряд с развитыми странами.

Осуществление этого намечено в нескольких направлениях (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные направления стратегического курса развития сферы новых и высоких технологий.

1.	2.	3.
Принятые Закон о научно-техн. прогрессе, Гос. средне- и долгосрочная программа развития науки и техники на 2000-2020 гг., Основные положения гос. программы развития науки и техники на 2006-2010 гг., включая программу НИОКР в области ключевых технологий (1982 г.), программу "Искра" о внедрении научно-техн. результатов в сельс. хозяйство (1986 г.), Закон о содействии распространению научно-технич. достижений (1990 г.), Решение ЦК КПК и Госсовета КНР об усилении технологических инноваций, развитии новых и высоких технол., осуществлении коммерциализации (1999 г.) охватывают экономическое строительство в целом	Программа "863" (1986 г.) и программа "Факел" (1988 г.) нацелены на развитие новых и высоких технологий и модернизацию промышленных отраслей. Целевая программа повышения международных конкурентоспособности КНР после вступления в ВТО (2001 г.) и последующие правительственные решения определили установки на упорядочение отраслевой структуры и технических инноваций	Программы фундаментальных исследований, включая государственную программу "973", определяют приоритеты в фундаментальных исследованиях.

Источник: *Экономическая реформа в КНР на рубеже веков. М.: ИДВ РАН, 2008. С.108-109.*

Активная технологическая модернизация, в русле которой находятся эти направления инновационной стратегии, заложена в одобренной в начале 2006 г. программе развития науки и технологий до 2020 г. и в действующем с июня 2002 г. законе о распространении науки и техники. Законы и тематические программы от 1982-2006 гг. определили многие политические и экономические решения инновационной политики, обретшей развитие в становлении курса на индустриализацию нового типа, в создании механизма реализации целей, поставленных по ходу реформирования госсектора и индустриального развития. С этапа планового развития, где доминирующую роль играла иерархичная (линейная) модель создания инноваций (государственные НИИ)⁸, сфера новых и высоких технологий КНР перешла на этап рыночных принципов развития, когда участники рынка новых и высоких технологий вносят основной вклад в развитие национальной инновационной сферы (рис.1).

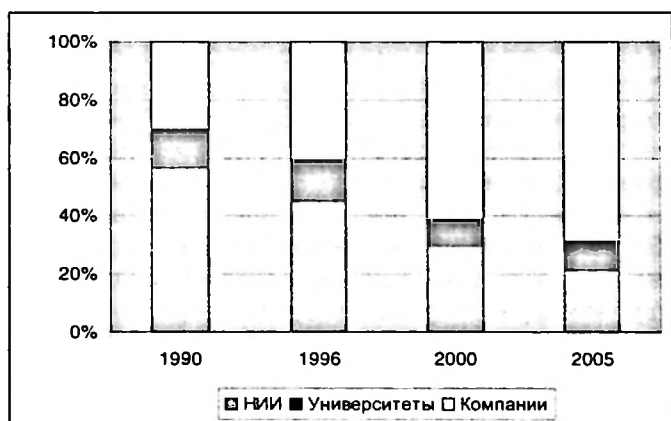

Рис.1. Доли основных субъектов в сфере новых и высоких технологий в затратах на НИОКР в Китае.

Источник: Лиу С., Лундин Н. Китай на пути к открытой и рыночной инновационной системе. М: Форсайт, 2007. № 4. С.23.

Доля НИИ и корпораций в затратах на НИОКР превышает 70%, что сопоставимо с показателем развитых стран.⁹ НИИ и университеты играют важную роль в передовых научно-исследовательских разработках, ибо их функционирование, как и зон технико-экономического развития (ЗТЭР) или зон развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ)¹⁰, регулируется государственными структурами. Это обязательное условие для начального этапа развития инновационной экономики в любой стране.

Особый вклад государства в формирование национальных инновационных систем связан с его ролью в развитии системы образования. До того, как в 1985 г. в КНР началась реформа системы высшего образования, в стране на базе изучения и заимствования советского опыта сложилась система управления высшим образованием, при которой центральные ведомства и местные правительства самостоятельно создавали вузы и руководили ими.

Во многих крупных городах КНР вузы, академические и отраслевые НИИ соседствуют друг с другом. Рядом с ними стали размещаться технологические компании, которым научные центры и университеты предоставляют молодых специалистов.¹¹ При создании ЗРНВТ преследовалась главная цель — сформировать на тер-

ритории регионов современные научно-технические комплексы, способные превращать открытия в разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство.¹² В этих районах действует особый преференциальный режим для зарегистрированных компаний, работающих в области новых и высоких технологий (в частности, предоставление налоговых льгот иностранным инвесторам). Подобная «инновационная инфраструктура» оказала большое влияние на формирование китайских высокотехнологичных компаний.¹³ Так, известная корпорация Lenovo была образована в пекинском районе Чжунгуаньцунь, где ранее были открыты первые НИИ Китайской академии наук, включая Институт вычислительной техники¹⁴. Подобная интеграция в Китае получила название «суобань гунши».¹⁵ Сегодня Lenovo входит в рейтинг 50 инновационных компаний в мире.¹⁶ Другой яркий пример успешного инновационного развития компании, возникшей в ЗРНВТ и выросшей в одну из ведущих ТНК Китая, — корпорация Haier. Ныне Lenovo и Haier имеют развитые глобальные сети продаж, зарубежные центры НИОКР. Их годовой оборот исчисляется десятками млрд долларов.

Несмотря на значительное усиление доли рынка, государство по-прежнему играет в КНР одну из основных ролей в развитии китайской системы новых и высоких технологий. Например, правительственные учреждения на различных уровнях в той или иной степени контролируют земельные ресурсы, крупные инвестиционные проекты, строительство инфраструктуры и доступ к рынкам определенных стратегических секторов промышленности и сферы услуг. Помимо этого существует Национальный инновационный фонд для поддержки малых и средних предприятий¹⁷, а также Национальный научный фонд, акцентирующий внимание на поддержке фундаментальных исследований.

Новые формы развития сферы новых и высоких технологий, создаваемые государством, направлены, главным образом, на стимулирование инновационного бизнеса. Так, в 2000–2006 гг. количество компаний, занятых в данной сфере, увеличилось более чем вдвое, а объем производства в стоимостном выражении — в 4,5 раза (табл. 3).

Таблица 3

Рост китайских высокотехнологичных компаний в 2000–2006 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Общее количество компаний	20796	24293	28338	32857	38565	41990	45828
Общее число занятых, млн ч.	2,51	2,94	3,49	3,95	4,48	5,21	5,74
Производство, млрд долл.	116,8	148,8	190,3	253,8	332,9	425,9	527,9
Добавл. стоим., млрд долл.	29,1	38,5	48,3	64,1	81,5	100,3	125,3
Экспорт, млрд долл.	2,7	3,3	4,8	7,5	12,1	16,4	20,0

Источник: по данным Чжунго кэцзи тунцзи шуцзюй (Статистич. доклад о науке и технологиях КНР, 2007 г., Министерство науки и технологий КНР, 2007. Табл. 3-1.

При значительном усилении доли рынка государство по-прежнему играет в КНР одну из основных ролей в развитии высоких технологий. Так, правительственные учреждения различных уровней контролируют в той или иной степени земельные ресурсы, крупные инвестиционные проекты, строительство инфраструктуры и доступ к рынкам определенных стратегических секторов промышленности и сферы услуг. Помимо этого существует Национальный инновацион-

ный фонд для поддержки малых и средних предприятий, а также Национальный научный фонд, акцентирующий внимание на фундаментальных исследованиях.

Новые формы развития сферы высоких технологий, создаваемые государством, нацелены, главным образом, на стимулирование инновационного бизнеса. Так, в 2000—2006 гг. количество компаний, занятых в этой сфере, увеличилось более чем вдвое, а объем производства в стоимостном выражении — в 4,5 раза.

Из таблицы 3 видно как увеличение количества компаний в инновационной сфере влияет на рост экспорта высокотехнологичной продукции (за данный период — почти 8-кратный) и на добавленную стоимость.

Появление китайских компаний в высокотехнологичных отраслях экономики способствует совокупному росту затрат на НИОКР. Примечательно, что наиболее быстрые темпы данного показателя пришлись на период приватизации (рис.2).

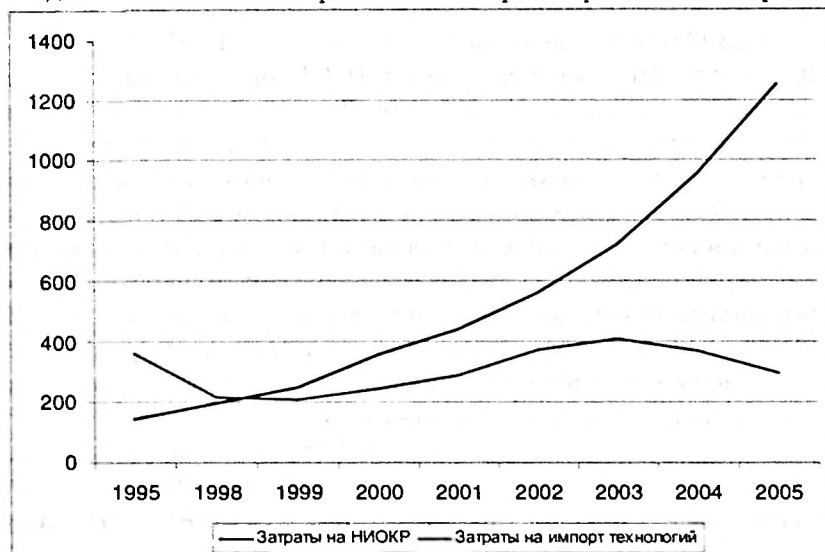

Рис.2. Динамика затрат на НИОКР и на импорт технологий в 1995–2005 гг., млн юаней.

Источник: Лиу С., Лундин Н. *Китай на пути к открытой и рыночной инновационной системе*. М: Форсайт, 2007. N 4. С. 24.

На рис. 2 видно, что импорт технологий, занимая значительную долю в сфере развития новых и высоких технологий, находится в стоимостном коридоре, потолок которого многократно меньше совокупных отечественных затрат на НИОКР.

За годы реформ Китай привлек большие объемы иностранных инвестиций, современных технологий и новые методы управления, что ускорило рост экономики, ее модернизацию, в т.ч. за счет развития инновационных отраслей. На Германию, Японию, США и Францию приходится более 70% всех покупаемых технологий; 28% их растущего импорта традиционно представляет собой оборудование (key equipment & production line).¹⁸ При этом в структуре импорта КНР возникла тенденция к снижению доли зарубежных патентов и лицензий.

Примерами получения иностранных технологий являются такие китайские ТНК как BYD, TCL, Hisense, ZTE. Первая из них, известная производством автомобилей, импортировала технологии, позволившие начать производство мобильных телефонов Motorola (RAZR), батарей для продукции американской

Apple, ПК низшего ценового сегмента для английской OLPC.¹⁹ Один из крупнейших производителей телевизоров и ЖК-дисплеев в Китае — корпорация TCL в 2005 г. купила у South Mountain Technologies (SMT) новую технологию по производству тонких дисплеев.²⁰ Ранее китайская корпорация Hisense (бренды Kelon, Hisense—Hitachi, SAVOR, Ronshen) получила технологию от Matsushita по производству цветных телевизоров, без которой предприятие вряд ли выросло бы в транснациональную корпорацию.²¹ А одна из крупнейших телекоммуникационных корпораций, ZTE благодаря технологиям американской Intel стала первым в КНР оператором беспроводного Интернета.²²

Впрочем, зависимость от импорта технологий ныне скорее сдерживает, чем способствует росту национальной инновационной сферы.

Финансирование исследовательских программ ТНК для принимающей страны осложняет процесс формирования и реализации ее собственной инновационной политики. Открывая центры НИОКР в Китае, ТНК устанавливают взаимоотношения с местными университетами и НИИ через предоставление грантов, партнерства или совместные исследования. Длительное взаимодействие постепенно усиливает влияние ТНК на систему национальных исследований и образования. При том неизбежна утечка информации и специалистов. Другой негативный момент: приобретение лабораторий национальных фирм иностранными компаниями также чревато угрозой использования научного потенциала конкурентами. При том перевод научно-исследовательской деятельности за рубеж вызывает обеспокоенность руководства некоторых стран базирования ТНК, опасаясь ослабления собственного научного потенциала и конкурентоспособности.

Ныне зависимость Китая от импорта технологий превышает 50%, но к 2020 г. Пекин намерен снизить этот показатель до 30%, т.е. до уровня развитых стран. Важнейший шаг в этом направлении был сделан в 2002 г., когда правительство приняло ряд законодательных мер, ужесточающих импорт и экспорт технологий. Все новые и высокие технологии были поделены на “запрещенные” (нельзя импортировать), “регулируемые” (необходима лицензия Technology Import License) и “свободноторгуемые” (freely-tradable).²³ Аналогичные меры были приняты в отношении экспорта технологий из Китая. А в конце августа 2009 г. Пекин огласил “перечень импортных технологий и продукции за 2009 г.”, по которому правительство сокращает список передовых технологий в “регулируемых” и “freely-tradable” группах до 370. Одновременно правительство готово поощрять налоговыми льготами или освобождением от налогообложения те предприятия и компании, которые приобретут какие-либо технологии из данного списка или получают права на использование интеллектуальной собственности.²⁴

Стоит отметить, что около двух третей притока иностранных инвестиций²⁵ приходится на предпринимателей китайского происхождения. Техническая поддержка поставщиков, опыт и передача технологической документации и информации персоналом с аналогичными менталитетом и социокультурными особенностями обеспечили технологический прорыв в электронике, в аппаратном и программном обеспечении ПК, в сфере коммуникаций — все это позволило поднять информационные технологии в стране на качественно новый уровень. Помимо импорта технологий и капитала важную роль для Китая играет привлекаемый в страну опыт большого числа этнических китайцев, получивших образование за рубежом и работавших в иностранных НИИ и ТНК.

Новым направлением импорта технологий становится приобретение зарубежных активов, где один из важнейших приоритетов — инвестиции в активы, обладающие передовыми технологиями. В Китае еще на 3-м пленуме ЦК КПК 16 созыва (2002 г.) была одобрена стратегия “выхода во вне” (“цзоучуцзюй”), предполагающая ускорение процесса транснационализации китайских компаний, нацеленной на освоение зарубежных рынков и на продвижение узнаваемости китайских брендов.

Многие китайские ТНК рассматривают приобретение иностранных активов как способ получить в свое распоряжение новейшие технологии управления и торговую марку с последующим наращиванием объемов экспорта. К примеру, Lenovo, купившая подразделение по производству персональных компьютеров IBM, не могла до этого вывести собственный бренд на мировой рынок. Теперь компания продает свою продукцию под несколькими торговыми марками в ведущих странах мира. При этом приобретение ПК-подразделения IBM позволило Lenovo получить технологию создания ноутбуков. Благодаря этой сделке компания завладела не только запатентованными технологиями IBM, но и научно-исследовательскими мощностями, специалистами.

Наступательную позицию в поисках возможностей покупки зарубежного бренда занимают китайские автомобилестроители, рассчитывая с их помощью выйти на новые зарубежные рынки. Так, в 2004 г. Nanjing Automobile Corporation приобрела завод в MG Rover, наладив в Китае производство таких марок как Rover 25, Rover 45 и Rover 75. Особенно активизировались китайские компании по ходу кризиса, из-за которого серьезно пострадала мировая автоиндустрия. В 2009 г. они предприняли попытки поглощения ряда известных в мире автомобильных брендов: Hummer, Saab, Volvo, Opel.

Получение знаний в компании-“источнике”, зачастую затруднена, ибо таковые неохотно делятся принципиальными инновациями. Так, хотя китайская компания SAIC создала СП с концернами GM и Volkswagen, основные детали совместной продукции приходится импортировать. Поэтому SAIC дополнительно приобрела корейский концерн SsangYong, чтобы получить такие технологии, как, например, гибридные двигатели. Кроме того, как отмечается в докладе Института исследования быстроразвивающихся рынков Московской школы управления “Сколково” (“Российские и китайские транснациональные компании: операционные трудности и вызовы кризиса”), далеко не все преимущества таких приобретений — даже при создании за рубежом научно-исследовательских центров — удастся материализовать. Причины: культурные различия и сложность процесса управления знаниями. Чтобы эффективно применять эти знания, интегрировать их в свою структуру, должна измениться сама организация.²⁶ Как негативный пример в данном исследовании названа китайская компания TCL, которая в 2003 г. приобрела две трети убыточного бизнеса французской Thomson по производству телевизоров. Вскоре после этого она достигла аналогичной договоренности с компанией Alcatel еще одним проблемным французским производителем электроники, чтобы производить и выводить на западные рынки мобильные телефоны. Однако в конце 2005 г., когда реорганизация обоих предприятий уже должна была завершиться, TCL объявила об убытках в 320 млн юаней (около 40 млн долл.), большую часть которых породили проблемы с двумя новосозданным китайско-французским СП. Дело в том, что продукция Thomson и Alcatel от-

носились к категории эксклюзивных товаров, рассчитанных на обеспеченную клиентуру, а продукция TCL сводилась к низкокзатратным моделям с невысоким технологическим уровнем. Попытки вывести торговую марку TCL на Запад, интегрируя в корпорацию французские бренды, повлекли их дискредитацию, а во все не рост рыночной доли. Потребители восприняли это не как модернизацию TCL, а как снижение качества Thomson и Alcatel. После нескольких неуспешных лет работы китайская компания выкупила акции французских партнеров и закрыла большую часть своих предприятий в Европе.

Есть примеры незавершившихся слияний и поглощений иностранных высокотехнологичных компаний со стороны китайских ТНК, причиной чему становился политический резонанс, превзошедший экономические интересы сторон. Именно по этой причине в 2005 г. китайской Haier не удалось приобрести американский Maytag.²⁷ Иногда по адресу китайских компаний звучат упреки в недобросовестном заимствовании технологий, что особенно развито в автомобильной промышленности. Так, китайские внедорожники Shuanghuan внешне чересчур похожи на BMW X5, а созданная корпорацией Geely Group модель GT Concept — на Maybach Exelero. Таких примеров много, но еще ни разу зарубежной компании не удавалось доказать через суд факт заимствования технологий.²⁸

Огромные возможности для новых приобретений зарубежных высокотехнологичных активов дает кризис, в условиях которого ряд западных компаний испытывает серьезную нехватку финансовых ресурсов, а Китай, имея крупные золотовалютные резервы, стремится снизить риски ослабления основной мировой резервной валюты — доллара. При этом, хотя сохраняется определенный протекционизм Запада в отношении китайских инвестиций, возможности его преодоления в условиях кризиса значительно возросли. Кроме того, в мире есть немало стран и компаний, готовых принять китайские инвестиции. Не случайно, что по итогам 2008 г., Китай стал абсолютным лидером на рынке СиП в АТР (44 сделки).²⁹ Ныне он стремится расширить свою инвестиционную экспансию по всему миру. Ее главное острие направлено в топливно-сырьевой сектор, но и отрасли с передовыми технологиями постоянно в поле зрения китайских инвесторов.

Итак, в условиях глобального кризиса экономическая стратегия Китая все больше ориентируется на рост внутреннего потребления и повышение конкурентоспособности отечественных предприятий. Уже сейчас реализация такой стратегии позволяет сгладить многие негативные последствия глобального кризиса, опередить многих лидеров докризисной эпохи.

-
1. The Wall Street Journal Europe. 02.08.2009.
 2. В начале 2009 г. данные показатели составили соответственно 1,5% и 30%.
 3. Каждый из этих индикаторов носит достаточно условный, оценочный характер, учитываемые при их составлении факторы часто не совпадают, а если совпадают, то различаются по весу фактора в общем интегральном индексе. Различается и количество оцениваемых в рейтингах стран, что сказывается на итоговом результате. Однако, такие индикаторы позволяют нащупать некоторые количественные параметры, по которым производится сопоставление отдельных стран.
 4. Индекс ITIF включал следующие показатели: человеческий капитал (доля лиц с высшим образованием в возрасте 25-34 года, количество научных исследований на 1000

- занятых); объем инноваций (доля компаний в расходах и госрасходы на НИОКР, доля научных публикаций в мире); предпринимательство (венчурные инвестиции, новые компании); ИТ-инфраструктура (электронное правительство, широкополосные телекоммуникации, корпоративные инвестиции в ИТ); условия развития (простота ведения бизнеса, налоговые барьеры для ведения бизнеса); макроэкономика (торговый баланс, приток предприятий с иностранным капиталом, производительность). Индекс BCG состоит из 2 субиндексов: Innovation Input Score (фискальная политика, поддержка инноваций, инновационный климат); Innovation Performance Score (результаты НИОКР, вклад инноваций в экономику, поведение бизнеса). В рейтинге Всемирного экономического форума не учитывается: объем инноваций; качество научных исследований; корпоративные расходы на НИОКР; сотрудничество университетов и НИИ с корпоративными центрами НИОКР; государственная политика; "доступность" ученых и инженеров (количество и их доля); патенты; защита прав на интеллектуальную собственность.
5. James P. Andrew, Emily Stover DeRocco, Andrew Taylor. *The Innovation Imperative in Manufacturing*. The Boston Consulting Group, 2009. С. 25.
 6. Без компаний, которые специализируются только на электротехнике (т.е. только на white goods).
 7. По классификации, принятой в КНР, к высокотехнологичным производствам относятся: авиационная и космическая промышленности, программное обеспечение, электронная промышленность (в т.ч. производство ПК), телекоммуникации и фармацевтическая промышленность.
 8. Государство само формировало заказ и осуществляло контроль над национальной инновационной деятельностью.
 9. Еще в 1998 г. Госсовет КНР принял решение о трансформации 242-х НИИ национального уровня в технологические предприятия либо агентства по оказанию технологических услуг.
 10. В Китае насчитывается 53 ЗРНВТ государственного уровня. Они занимают 0,01% территории страны и производят до 4% ВВП Китая. В них действуют 25 тыс. современных предприятий, на которых создано около 3 млн рабочих мест для квалифицированных специалистов. ЗРНВТ являются особой формой научно-технического сотрудничества вузов, НИИ, малых инновационных компаний, консалтинговых компаний, обслуживающих организаций, местной администрации и крупных промышленных предприятий.
 11. В настоящее время в Китае ежегодно выпускается из высших учебных заведений более 640 тыс. инженеров (для сравнения в Индии — 415 тыс.; в США — 70 тыс.).
 12. Создание и функционирование ЗРНВТ определяется следующими нормативными документами: "Порядок и процедура предоставления статуса предприятий новых и высоких технологий в ЗРНВТ", "Временное положение о некоторых направлениях политики в ЗРНВТ", "Положение о налогообложении в ЗРНВТ".
 13. Leiming B. *The China Advantage — A Competitive Analysis of Chinese High-Tech Industries*. Massachusetts Institute of Technology, 2006. С. 99-103.
 14. Институт вычислительной техники.
 15. Управляемое институтом предприятие.
 16. J. P. Andrew, Knut Haanas, D.C. Michael, H.L. Sirkin, A. Taylor. *Innovation 2009: Making Hard Decisions in the Downturn*. The Boston Consulting Group, 2009. Exhibit 13. С. 21.
 17. Бюджет около 73,5 млн долл. в год.
 18. Martin Shaaper. *Measuring China's Innovation System: National Specificities and International Comparisons*. Statistical Analysis of Science, Technology and Industry. OECD. 2009. С. 60-68.
 19. Fortune. 13.04.2009.
 20. <http://www.encyclopedia.com/doc/1G1-132720585.html>.
 21. До этого Hisense производила только черно-белые телевизоры и радио.
 22. В настоящее время у ZTE 16 центров НИОКР по всему миру, включая совместные лаборатории с Texas Instruments, Intel, Agere Systems, HHNEC, IBM и Microsoft (China).

23. T. Loke-Khoon, J. Simone, W. Zee, C. Smith. Intellectual Property: Recent Adjustments to China's Technology Import and Export Regulatory Regime. Baker & McKenzie. Hong-Kong. 2009. С. 2.
24. <http://russian.cri.cn/881/2009/09/01/1s305062.htm>.
25. Включая новые и высокие технологии.
26. Российские и китайские транснациональные компании: операционные трудности и вызовы кризиса. Препринт. М.: Институт исследования быстроразвивающихся рынков Московской школы управления "Сколково", 2009. Июнь. С. 18-19.
27. <http://www.forbes.com/feeds/afx/2005/07/20/afx2149707.html>.
28. К примеру, менеджмент японского производителя электроники Sony признал, что в 1953 году компания купила транзистор у американской Western Electric, а потом добавила к нему копию Transistor Technology от Bell Laboratories. Таким образом, после адаптации транзистора в японской лаборатории мировая наука узнала о создании первого карманного радио.
29. Asia Pacific's New Corporate Landscape: Asian Outbound M&A. KPMG, 2009. С. 25.

Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис

© 2010

С. Сазонов

Долгое время проблематике сбалансированного развития транспорта в Китае уделялось недостаточно внимания, транспорт был "узким местом" в системе народного хозяйства. Лишь с 1980-х гг. стали разрабатываться новые направления совершенствования этого комплекса с упором на повышение качества транспортной сети, на создание высокоскоростных железнодорожных и автомобильных трасс, на внедрение технологий, обеспечивающих повышение пропускной и провозной способности, на экономию топлива, совершенствование транспортной логистики. В условиях мирового финансового кризиса этот комплекс выдвинулся, как ни парадоксально, на роль "антикризисного стимулятора", помогающего развитию всей национальной экономики.

Ключевые слова: Китай, транспорт, скоростные магистрали, подвижной состав, ТРАСЕКА, Транс-Евразийский мост.

Выработка стратегии

Недостаточность внимания к проблематике сбалансированного развития транспорта в первые три десятилетия КНР проистекала из неправильной оценки экономической эффективности капиталовложений в развитие данной отрасли. По существу не учитывалось, что основной ее эффект измеряется не столько доходами транспортных предприятий, сколько экономией, получаемой в отраслях материального производства за счет их более рационального развития и размещения, снижения потерь продукции. К основным недостаткам транспортного обслуживания народного хозяйства и населения, которые с особой остротой стали проявляться в 1970-е гг., можно отнести несогласованность в работе и несбалансированность в развитии различных видов транспорта; недостаточные для экономики КНР темпы развития транспортной сети; несовершенство структуры, низкое качество и нехватка подвижного состава и транспортной техники. Транспорт оказался одним из самых слабых звеньев в народном хозяйстве, сдерживающим его развитие; общий ущерб из-за несовершенного транспортного обслуживания исчислялся десятками млрд юаней.

Развернувшаяся в 1980-х гг. дискуссия китайских экономистов и специалистов из Министерства коммуникаций способствовала выработке важных направлений совершенствования работы. Руководство КНР стало осознавать необ-

ходимость повышения роли финансов в достижении высоких конечных результатов хозяйствования. Эта необходимость, в равной мере назревшая для всех отраслей, имела, по мнению китайских экономистов, огромное и специфическое значение применительно к транспортному комплексу — важнейшей инфраструктурной системе, через которую только и может реально взаимодействовать множество хозяйственных единиц, участвующих в общественном воспроизводстве.

По оценкам китайских экономистов, соотношение роста грузооборота с ростом валового продукта промышленности не превышало “1” (показатель сбалансированности одной из важнейших народнохозяйственных пропорций), составляя 0,7 в 1970—1975 гг. и лишь 0,5 — в 1976—1980 гг.¹ В предложениях ЦК КПК по плану 7-й пятилетки содержался акцент на транспорт: “Государству следует увеличить капиталовложения в его строительство, отдавая предпочтение ведущим строительным объектам и инфраструктурным сооружениям, строительство местных железных и шоссейных дорог, а также речных сооружений должно вестись на средства местных органов, но государство будет оказывать необходимую финансовую помощь”.² В документе делался упор на качество транспортных магистралей, на внедрение технологий, обеспечивающих повышение пропускной и провозной способности, на экономию топлива.

Таблица 1

Капиталовложения в основные фонды транспорта

Капиталовложения	Годы											
	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Объем капиталовложений (млрд юаней)	6,2	17,8	21,1	28,7	36,4	41,1	55,0	62,8	76,4	96,1	121,3	128,4
% от капвложений в основн. фонды	8,9	6,0	8,0	6,6	9,05	9,01	9,83	8,75	8,62	9,1	9,1	10,7
По видам транспорта (%)												
Порты и портовое оборудование					2,4	3,2	3,1	4,9	5,5	8,0	9,0	
Внутренний водный транспорт					1,6	1,3	0,9	1,1	1,2	1,6	2,3	
Строительство автомагистралей					68,9	69,1	72,1	74,8	76,3	76,0	76,4	
В том числе, скоростные					32,2	29,7	29,1	27,4	28,4	35,8	43,6	
Автодороги 1-4 категорий					27,6	30,1	32,0	31,0	27,7	20,8	21,2	
Уездные и сельские автодороги					9,1	9,3	11,1	16,5	20,2	19,4	22,4	
Железные дороги					23,5	23,2	21,6	16,7	13,7	10,7	8,3	
Источники финансирования (исключая железнод. транспорт)												
Госбюджет					12,4	15,4	19,3	15,5	14,3	15,2	15,2	
Внутренние заимствования					34,2	38,4	41,0	41,3	40,4	45,1	45,4	
Иностранные капиталовложения					3,7	3,1	2,7	2,6	1,3	2,0	2,0	
Самофинанс. и др. внебюджетн. влож.					49,8	43,1	37,0	40,6	44,0	37,6	39,6	

Источник: Чжунго тунзци няньцзянь 2007. Пекин, 2008. С. 43; World Bank Report: An Overview of China's Transport Sector in 2007, Washington, 19 Dec. 2008 — Final Report, p. 1.

С 1980-х гг. доля транспортного комплекса в госинвестициях неуклонно повышалась, хотя и неравномерно, что обусловили процессы, сопровождавшие развитие экономики КНР. Этот период характеризовался высокой инвестиционной активностью местных властей, а подчас и предприятий, получивших дополнительные права в ходе начавшихся экономических преобразований, что повлекло инвестиционный бум. По некоторым оценкам, в годы 6-й и 7-й пятилеток объемы капиталовложений почти на треть превысили плановые показатели. Чтобы избежать большого бюджетного дефицита, руководству КНР пришлось сократить целевое бюджетное финансирование (на развитие транспорта, в том числе). В конце 1998 г. был расширен перечень отраслей, в которые инвестиции направлялись в первоочередном порядке (нефте-, угледобыча и др.), что негативно сказалось на объемах транспортного строительства. В результате за 6-ю пятилетку ежегодно прокладывалось лишь около 400 км новых линий и электрифицировалось по 500 км путей.

Показатели 7-й пятилетки оказались еще ниже: при плане построить 3600 км вступило в строй лишь 1300 км, электрифицировано 2700 км (при плане — 4000 км).³ Но уже в 9-й пятилетке начался быстрый рост с упором на качество. На железнодорожном транспорте акцент — наряду с прокладкой новых дорог — стали делать на укладке вторых путей и электрификации. Расширение автодорожной сети сочеталось с прокладкой скоростных магистралей. Особенностью развития морского транспорта стало увеличение пропускной способности портов, совершенствование их транспортной логистики.

Касаясь резкого роста спроса на транспортные услуги, стоит отметить некоторые устойчивые тенденции. В грузоперевозках внутри страны налицо явное лидерство железнодорожного транспорта, перевозящего около 75% внутренних грузов (исключая каботажные перевозки). Это связано, прежде всего, с тем, что экономика страны в большой степени зависит от балкерных грузов (уголь, цемент, руда, химикаты, зерно), для транспортировки которых он наиболее пригоден.

Таблица 2.

Протяженность транспортных путей по видам транспорта (тыс. км)

Годы	Длина железных дорог	В т. числе электрифицированных	Длина автомобильных дорог	В том числе скоростных	Длина внутренних водных путей	Длина авиалиний ГУ-ГЭК	В т. числе международных	Длина нефте- и газопроводов
1980	53,3	1,7	883,3		108,5	195,3	81,2	8,7
1985	55,0	4,2	924,4		109,1	277,2	106,0	11,7
1990	57,8	6,9	1028,3	0,5	109,2	506,8	166,4	15,9
1995	59,7	9,7	1157,0	2,1	110,6	1129,0	348,2	17,2
2000	68,7	14,9	1402,7	16,3	119,8	1802,9	508,4	24,7
2005	75,4	19,4	3345,2	41,0	123,3	1998,5	855,9	44,0
2006	77,2	23,4	34547,0	45,3	123,4	2113,5	966,2	48,2
2007	78,0	24,0	35837,0	53,9	123,5	2343,0	1047,4	54,5
2008	79,7		373020	60,3	122,8	2461,8		58,3

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. с. 606; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин. 2009. с. 154.

Таблица 3

Грузооборот транспорта КНР (100 млн т/км)

Годы	Всего	Железнодороги	В том числе:			Автомобильн. трансп.	Водный трансп.	В числе морской	Гражданская авиация	Нефтегазопроводы
			Национальн. сеть	Местн. железнодороги	с участ. иностр. капитал					
1980	12026	5716,9	5707,3	9,6		764,0	5052,8	3532	1,41	491
1985	18365	8125,7	8111,6	14,1		1903,2	7729,31	5329	4,15	603
1990	26207	10622,4	10601,2	21,2		3358,1	11591,9	8141	8,20	627
1995	35909	13049,5	13015,3	34,2	122,5	4694,9	17552,2	11938	22,30	590
2000	44321	13770,5	13444,0	43,6	282,9	6129,4	23734,2	17073	50,27	636
2005	80258	20726,0	19533,4	99,2	1093,5	8693,2	49672,3	38552	78,90	1088
2006	88952	21954,4	20557,2	105,7	1291,6	9754,2	55485,7	42577	94,28	1664
2007	99180	23797,0	22112,5	132,7	1551,8	11257,6	62182,2	48686	116,4	1827,3
2008	110301	25106,0				32868,0	50263,0	32851	119,6	1944,0

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. С.608; Жэньминь жибао. 29.02.2008; Чжунго тунцзи чжайяо 2008. Пекин. 2009. С. 157.

По грузообороту железнодорожного транспорта КНР с 1980 г. — 3-я в мире, с 2005 г. — 2-я (по пассажироперевозкам — 4-я с 1980 г. и 1-я с 2005 г.). По совокупному пассажиро- и грузообороту железнодорожный транспорт Китая — мировой лидер. Укрепились позиции внутреннего водного транспорта (как 2-го по внутреннему грузообороту). Сеть внутренних водных путей КНР лидирует в мире по протяженности и по количеству перевозимых грузов. По зарубежным грузоперевозкам лидирует морской транспорт (более 85% экспорта КНР). Воздушный транспорт — наиболее динамичный сегмент рынка транспортным услуг: в 1995 — 2008 гг. его грузооборот увеличился вчетверо, объем перевезенных грузов — в 3,5 раза, пассажирооборот — втрое. КНР ныне — 2-я после США по авиаперевозкам.

Разработана и уже осуществляется единая транспортная стратегия на период до 2020 г. — за счет структурной модернизации, повышения скорости перевозок, обеспечения доставки товаров “от двери до двери”, улучшения сервиса и управления. К 2020 г. предстоит создать эффективную систему транспорта, отвечающую нуждам устойчивого экономического роста. Для привлечения инвестиций предстоит реформировать систему капиталовложений и финансирования транспорта: открыть транспортный рынок, поэтапно отменить все ограничения на иностранные инвестиции, диверсифицировать объекты и методы инвестиций, усовершенствовать рынок инвестиционных проектов. Там, где это возможно и целесообразно, придать рыночным механизмам главную роль в распределении ресурсов.

Железнодорожное строительство

Преобразования на железнодорожном транспорте выразились прежде всего в изменении системы управления. В 1983—1984 гг. были ликвидированы 7 (из 20) управлений дорог. Укрупнение позволило сократить административный аппарат, расширить сферу использования подвижного и тягового составов. Когда в 1986 г. была выдвинута задача превращения предприятий страны в относительно самостоятельные хозяйствующие субъекты, Госсовет заключил с МЖД

контракт, определивший производственные планы для подразделений министерства при закреплении на 5-летний срок прав и обязанностей сторон. В этот период начинается широкомасштабное строительство местных железных дорог, причем к финансированию стал привлекаться капитал местных властей и госпредприятий, даже международных валютных организаций, правительственных органов зарубежных стран. Для привлечения иностранного капитала и ведения переговоров с источниками финансирования местных дорог в 1988 г. была создана Китайская экспортно-импортная железнодорожная корпорация. Из таблицы 3 явствует, что железные дороги КНР еще в 80-е гг. добились заметного прогресса (хотя и отставали от экономического роста страны).

Ключевым объектом (завершенным в 1995 г.) явилась магистраль Пекин — Цзюлун, протяженностью 2381 км, — самая до недавних пор крупная в истории Китая по масштабам работ и объемам капиталовложений. Инвестиции превысили 40 млрд юаней. Было построено 1045 мостов общей протяженностью 183 км и 150 туннелей (56 км). Соединившая север и юг страны, эта магистраль пересекает 7 провинций, несколько железных дорог и крупных водных артерий, что делает ее важнейшим звеном транспортной системы Китая.

По данным НИИ МЖД КНР, расходы на капитальное строительство в отрасли в 1996 г. составили 32,4 млрд юаней, на реконструкцию и обновление путей — 12,1 млрд юаней, на закупки подвижного состава — 12,5 млрд юаней. В 1997 г. эти показатели составили соответственно 34,5; 14,1 и 12,5 млрд юаней.⁴ Согласно программе развития железнодорожного транспорта на 1998 — 2002 гг., подготовленной по указанию ЦК КПК и Госсовета, предусматривалась активизация преобразований, повышение эффективности работы и, как главное, — переход в течение трех лет от убыточности к прибыльности. Ставилась цель довести в 2000 г. протяженность железных дорог до 68 тыс. км, а в 2002 г. превысить 70 тыс. км; увеличить скорости движения поездов (в 1-ю очередь на существующих магистралях) с расчетом повысить конкурентоспособность железных дорог на транспортных рынках. На эти цели выделялось 250 млрд юаней. Предпринятые меры уже в 2000 г. привели к значительному увеличению числа перевезенных пассажиров и грузов. Железные дороги КНР добились роста прибыли и вновь стали рентабельными. Доходы от перевозок составили около 110 млрд, прибыль — 400 млн юаней. В 2007 г. эти показатели выросли соответственно до 2604 млрд и 122,2 млн юаней⁵. Острота напряженности на железных дорогах впервые была снята.

Очень важно, что железные дороги наряду с авиатранспортом и рядом других жизненно важных отраслей остались в ходе экономических реформ в системе госсобственности, бюджетного финансирования и госконтроля. Сегодня 98% собственности железнодорожной сети принадлежит государству.⁶ Резкое изменение форм собственности в 1990-е гг. имело бы негативные последствия, новые собственники вряд ли смогли бы справиться с трудностями. Точно так же определенная осторожность, проявленная МЖД при реорганизации органов управления отраслью, была оправданной, так как исключила дезорганизацию столь большого и сложного механизма, как железнодорожное хозяйство. В Китае пошли на некоторое допущение частного капитала (в том числе, иностранного) в железнодорожный транспорт лишь в некоторые сферы и в ограниченных масштабах. В апреле 2006 г. первая частная компания Shenzhen Zhongji Industrial Group Co Ltd приобрела на аукционе за 42 млн юаней 100% собственности местной железной дороги протяженностью 138 км (Чунван, пров. Гуандун — Чэнси,

Гуанси-Чжуанский автономный район).⁷ О широком разгосударствлении отрасли пока речи не идет. Планы и перспективы, намеченные на ближайшее будущее, также подтверждают вывод, что основные направления развития железнодорожной сети в КНР связаны с государственными проектами.

На 10-ю и 11-ю пятилетки была поставлена задача довести эксплуатационную протяженность сети железных дорог до 80 тыс. км, из них двухпутных — 28 тыс. км, электрифицированных — более 25 тыс. км. Основной упор был сделан на западные регионы, что отвечало государственной стратегии масштабного освоения западной части территории страны, как исторически самой отсталой. За годы реформ положение не улучшилось — напротив, разрыв уровней развития приморских восточных районов с внутренними возрос. А ведь эти районы чрезвычайно богаты полезными ископаемыми. Поскольку в этой части страны обитают нацменьшинства, ее скорейшее развитие исключительно важно и для укрепления межнациональной солидарности, поддержания социальной стабильности. Особую роль в решении этой стратегически важной задачи отводилось созданию транспортной инфраструктуры, в том числе расширению сети железных дорог. Об острой необходимости этого, в частности, свидетельствует тот факт, что в Юго-Западном Китае (пров. Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и Тибетский автономный район), площадь которого составляет четверть всей страны, плотность железных дорог в 2000 г. составляла лишь 26 км на 1 кв. км (в Восточном Китае — 158 км)⁸. В годы 10-й пятилетки в Юго-Западном Китае развернулось строительство нескольких небольших (по 150—500 км) веток, велись работы по электрификации некоторых участков на ранее построенных дорогах. Осуществление этих проектов позволило вдвое (до 100 млн т) увеличить пропускную способность сети региона.

Одним из главных объектов в этот период стало завершенное 2 июля 2008 г. строительство Цинхай — Тибетской железной дороги на участке Голмуд — Лхаса, которая стала самой высокогорной в мире (один из ее участков проложен на высоте более 4 км над уровнем моря). Ее участок Синин — Голмуд (пров. Цинхай) был введен в эксплуатацию в 1984 г. Проходящая параллельно Цинхай — Тибетскому шоссе, магистраль (протяженностью 1956 км) строилась 8 лет, государственные капиталовложения превысили 28 млрд юаней. По мнению специалистов МЖД КНР, эта дорога позволит на 50% снизить себестоимость перевозок грузов и на 100—120% поднять доходы от туризма в Тибет⁹. В дальнейшем предусмотрено, что магистраль пройдет через Шигадзе и далее в провинцию Юньнань. Другим приоритетным проектом, связанным с развитием западной части страны, явилось ускоренное строительство транспортных коридоров Восток-Запад (в первую очередь, — магистрали Нанкин — Сиань (1129 км).

В другой части Западного Китая — северо-западном районе следует выделить Южно-Синьцзянскую дорогу. Ее строительство было начато в 1980-е гг, однако к 1984 г. был построен лишь участок Турфан¹⁰ — Корла (477 км). Работы возобновились в 1995 г. К началу 2000 г. было построено 974 км путей и открыто движение на участке Корла — Кашгар. Прокладка новых путей и мероприятия по реконструкции и электрификации уже проложенных линий продолжают высокими темпами. Ускорение строительства объясняется не только необходимостью развития западной части Китая, но и связано с особенностями политической обстановки, сложившейся здесь в конце 1990-х гг. Рост исламского сепаратизма и международного терроризма — особенно, в соседних с КНР странах весьма беспокоит Пекин, ибо это сказывается на внутривнутриполитических процессах в Китае, прежде всего, в Синьцзяне. Следовательно, дорога имеет и военно-политическое значение.

Борьба за скорость

В качестве главного стратегического направления реконструкции на железных дорогах КНР было избрано повышение скорости. В середине 1990-х гг. средняя участковая скорость пассажирских поездов составляла 50 км/ч, а грузовых — 30 км/ч. Для осуществления поставленной задачи требовалось осуществить широкий комплекс работ, начиная с реконструкции путей, оснащения их автоматической сигнализацией и кончая созданием более мощных, скоростных локомотивов, новых типов вагонов и т.д. Необходимость решения подобной задачи диктовалось не только международной практикой, но и опытом эксплуатации в конкретных условиях Китая железной дороги Гуанчжоу — Шэньчжэнь. Ее строительство было начато в 1991 г. (протяженность — 147 км). В 1993 г. по ней было перевезено 28 млн пассажиров, однако после ввода в эксплуатацию скоростного шоссе по тому же маршруту количество пассажиров на железной дороге стало падать. Было решено ее реконструировать и электрифицировать, сделав первой в Китае скоростной. Начав с эксплуатации двух пар скоростных поездов, в 1998 г. компания довела их число до 29 пар. В том числе 5 пар развивали скорость до 200 км/час. Кроме того, были введены различные виды поездов: поезда воскресного дня, экскурсионные (когда поезд отбывает утром, а возвращается вечером), повысилась плотность движения, улучшилось обслуживание. Все это, несмотря на более высокие в сравнении с другими линиями тарифы привело к увеличению притока пассажиров и позволило дороге быть прибыльной, успешно конкурировать с автотранспортом.

В конце 1995 г. на линии Шанхай-Нанкин были проведены испытания пассажирского и грузового поездов на повышенной скорости. Одновременно испытания прошли на других линиях. В 1996 г. на линии Шанхай-Нанкин открылось движение пассажирского поезда со скоростью 152 км/час, что позволило сократить время поездки между этими городами с 4 часов до 2 часов 30 минут.

По результатам научных исследований и испытаний Министерство железных дорог разработало технические нормы реконструкции линий и обновления подвижного состава, соответственно которым была проведена модернизация некоторых дорог и участков. 1 апреля 1997 г. вступил в силу новый график движения поездов, по которому возросла скорость на трех главных магистралях: Пекин-Шанхай, Пекин-Гуанчжоу и Пекин-Харбин. В среднем она была повышена с 70-80 до 90 с лишним км/час, а на ряде участков — до 140 км/час. По новому графику число скорых пассажирских поездов возросло на 14%. Количество грузовых составов несколько уменьшилось, но стало больше тяжеловесных поездов. Новый график исходил из необходимости ежедневно в среднем подавать под погрузку свыше 80 тыс. вагонов. С 1 октября 1998 г. на этих магистралях вновь было проведено повышение скорости. На участках длиной около 1500 км она составляла 140 км/час, а на участках протяженностью более 500 км — 160 км/час. В октябре 2000 г. вступил в силу пересмотренный график, по которому была повышена скорость поездов, в основном, в западной части Китая. По этому графику в КНР курсировало 1250 пар пассажирских поездов в сутки, в том числе 117 пар скорых (со скоростью 140 км/час) и 138 скорых “ночных”. В результате средняя участковая скорость повысилась до 65 км/ч, а средняя техническая — до 70 км/ч. По некоторым оценкам, осуществленные меры принесли дополнительно 150 млн пассажирских мест в год. Общая протяженность линий, позволявших курсирование поездов с повышенной скоростью, достигла 10 тыс. км. После 2000 г. скорость движе-

ния поездов существенно повышалась 4 раза. Максимальные скорости экспресс-поездов повысились с 120 км/час до 200 км/час. К 2003 г. уже около 10 тыс. км железнодорожных линий было реконструировано для движения со скоростью 140 км/час и более 1100 км — для скорости 160 км/час.

В итоге в Китае к 2009 г. сформировалась сеть скоростных железнодорожных линий, названная “4 вертикали, 4 горизонтали и 3 межгородские экспресс-линии”, скорость поездов на которых превышает 200 км/час. “4 вертикали” включают дороги Сучжоу—Чжэнчжоу—Ланьчжоу (1400 км) между северо-западом и востоком Китая; трассу Ханчжоу—Наньчан—Чанша (880 км), соединяющую центр и восток страны; Циндао—Шицзячжуан (770 км) между севером и востоком; Наньцзинь—Ухань—Чунцин—Чэнду (1600 км) между юго-западом и востоком. “4 горизонтали” включают магистраль Пекин—Шанхай (1318 км), объединившую 2 экономических региона вокруг Бохайского залива и дельты Янцзы; дороги Пекин—Ухань—Гуанчжоу—Шэньчжэнь (2260 км) между севером и югом Китая и Пекин—Шэньян—Харбин (1700 км), которая привязывает к центру северо-восток страны; трассу Ханчжоу—Нинбо—Фучжоу—Шэньчжэнь (1600 км), объединяющую дельты Янцзы и Чжуцзян с прибрежными районами юго-востока Китая. “3 межгородские экспресс-линии” соединяют города в районе Бохайского залива, дельт Янцзы и Чжуцзян.

В период 11-й пятилетки одной из наиболее важных задач модернизации и повышения эффективности железных дорог считалось ускорение научно-технического прогресса и разработка новых технологий. Для резкого повышения скорости поездов потребовался широкий комплекс работ, начиная с реконструкции путей и оснащения их автоматической сигнализацией, и кончая созданием более мощных, скоростных локомотивов, новых типов вагонов и т.д. Движение по первой в Китае 120-километровой высокоскоростной магистрали Пекин—Тяньцзинь было открыто 1 июля 2008 г. Время проезда между двумя мегаполисами ныне составляет примерно полчаса. В строительство этой дороги, начавшееся в июле 2005 г., было инвестировано 13 млрд юаней (1,86 млрд долл.), а скорость движения поездов впервые в истории Китая достигла 350 км в час. Составы, состоящие из восьми вагонов, способны ежедневно перевозить по маршруту из 5 станций около 60 тыс. пассажиров. Эта магистраль не только решила извечную проблему перегрузки пассажиропотоков между двумя городами, но и ускорила перевозку грузов в Тяньцзинь, улучшив тем самым транспортно-логистическую обстановку в порту. Несмотря на более высокие тарифы в сравнении с другими линиями это привело к увеличению притока пассажиров, позволило дороге быть прибыльной и успешно конкурировать с авто-¹¹ и авиатранспортом, так как при стоимости авиабилета 700 юаней (100 долл. США), цена железнодорожного — лишь 200 юаней.¹²

18 апреля 2008 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао объявил о начале строительства самой протяженной высокоскоростной железнодорожной магистрали “Цзиньху” (Пекин—Шанхай) протяженностью 1318 км. Скорость движения по ней составит до 350 км/ч. Проектирование длилось 18 лет, суммарный объем капиталовложений запланирован на уровне 220,9 млрд юаней (31,6 млрд долл.) — это самый дорогостоящий объект капитального строительства в КНР с 1949 г. Магистраль соединит пекинский Южный железнодорожный вокзал с шанхайским аэропортом Хунцяо и пройдет через Тяньцзинь, провинции Хэбэй, Шаньдун, Аньхой и Цзянсу. Она соединит две основные экономические зоны — Бохайский залив и дельту реки Янцзы, на долю которых приходится 6,5% всей

территории страны. Здесь проживает четвертая часть населения КНР, а размер регионального ВВП составляет 40% общенационального.¹³ Новая магистраль, насчитывающая 21 станцию, пройдет параллельно существующей железной дороге Пекин-Шанхай. Срок строительства: 5 лет. Переезд из столицы в Шанхай займет 5 часов. Нынешние скоростные поезда преодолевают это расстояние за 11,5 часов, тогда как перелет занимает 2 часа. Хотя цена билета на самолет вдвое дороже железнодорожного, китайские и иностранные бизнесмены предпочитают авиатранспорт. С введением в строй новой магистрали транспортные приоритеты несомненно изменятся (если учесть время поездки до аэропорта, прохождение формальностей и ожидание в аэропорту). По словам пресс-секретаря Министерства железных дорог КНР Ван Юнпина, новая скоростная магистраль не только стимулирует перевозки угля и других минеральных ресурсов из северных провинций в восточную дельту, но и значительно снизит их себестоимость. Нынешняя железная дорога, по словам заместителя министра МЖД Лю Чуньфана, всегда имела большие проблемы с перевозками: в праздничные дни большинству пассажиров было трудно приобрести билет на поезд, магистраль удовлетворяла потребности в грузоперевозках лишь на 35%. С пуском новой магистрали грузовые и пассажирские потоки пойдут по отдельным железнодорожным путям. Примечательно, что первый произведенный в стране состав, способный развивать скорость 350 км/час, вышел в апреле 2008 г. из сборочного цеха города Тяньшаня, где расположен завод Китайской северной корпорации по производству локомотивов и другого подвижного состава. Три подобных состава уже в августе 2008 г. прошли испытания на линии Пекин-Тяньцзинь, к концу 2009 г. планировалось построить еще 57 таких поездов¹⁴.

Преимущества рельсовых трасс

Итак, железнодорожный транспорт, несмотря на снижение в начале XXI в. его доли в объеме перевозок, остается важнейшим в Китае. По общей протяженности действующих железных дорог Китай занимает 3-е место в мире (уступая лишь США и России) и 1-е место в Азии. Загруженность их самая высокая в мире. На Китай приходится лишь 6% мировой железнодорожной транспортной сети, но по ней осуществляется 25% мировых железнодорожных перевозок грузов. Этим объясняется самая высокая в мире плотность железнодорожных грузовых и пассажирских перевозок, которые здесь в 2007 г. составляли 45 млн тонно-километров на 1 км железнодорожного пути и 10 млн пассажиро-километров на 1 км пути¹⁵. Плотность грузовых перевозок вдвое превышает российскую (23,8), значительно выше, чем в США (16,1), Индии (15,5) и странах Европы (3,7). Средняя дальность перевозки грузов по железной дороге (757 км в 2007 г.) — один из высших показателей в мире¹⁶.

Чтобы снизить загруженность дорог, Госсовет КНР одобрил в 2004 г. предложенный МЖД средне- и долгосрочный планы развития железнодорожной сети. Планируется к 2020 г. довести операционную длину железных дорог до 100 тыс. км (при 50 тыс. км электрифицированных). На самых напряженных направлениях высокоскоростные пассажирские и грузовые пути будут разделены¹⁷. Общая протяженность железных дорог КНР в 2007 г. составила 78 тыс. км, из них электрифицировано 24 тыс. км, в том числе государственные железные дороги составляют 63,4 тыс. км (40% имеют вторые пути), дороги региональных и ведомственных железнодорожных компаний — 8,5 тыс. км, остальное — дороги

местного значения.¹⁸ В 2008 г. было построено 1719 км железных дорог, электрифицировано — 1955 км, проложено 1935 км вторых путей. Большая часть сети имеет стандартную ширину колеи — 1435 мм.

Каркас железнодорожной сети состоит из шести меридиональных и пяти широтных магистралей. Основные меридиональные: Харбин — Шэньян — Пекин (с веткой Шэньян — Далянь); Пекин — Тяньцзинь — Цзинань — Шанхай — Ханчжоу — Нинбо (с веткой на Цзинань — Циндао); Пекин — Хэцзэ — Фуян — Цзюцзян — Наньчан — Гуанчжоу — Цюаньвань/Сянган; Пекин — Чжэнчжоу — Ухань — Чанша — Гуанчжоу; Баотоу — Сиань — Анькан — Чунцин — Гуйян — Лючжоу — Юйлинь — Чжаньцзян — Хайань (с паромной переправой на Хайнань) — Хайкоу — Санья; Чжунвэй — Баоцзи — Чэнду — Куньмин — Хэкоу (далее на Ханой). Основные широтные магистрали: Ланьчжоу — Иньчуань — Баотоу — Цзинин — Тунляо — Сыпин — Чанчунь — Цзилинь — Тумэн; Лунхайская (Ляньюньган — Чжэнчжоу — Сиань — Ланьчжоу) и Синьцзянская железные дороги (Ланьчжоу — Увэй — Хами — Урумчи — Алашанькоу); Нанкин — Хэфэй — Наньян — Сиань; Шанхай — Ханчжоу — Интань — Чжучжоу — Хуайхуа — Гуйян — Куньмин; Фучжоу — Наньпин — Чжанпин — Мэйчжоу — Гуанчжоу — Маомин — Бэйхай — Наньнин — Куньмин — Дали. От этих магистралей отходят ответвления к периферийным районам.

Среди железнодорожных тоннелей самые протяженные: Ушаолин (длина свыше 21 км, две трубы открыты в 2006 и 2007 гг.), Циньлин (18,46 км), Даяошань (14,3 км).

Метрополитен действует в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Шэньчжэне, Нанкине, Ухани, Сянгане; сооружаются линии метро в Чэнду, Харбине, Циндао, Сиани, Шэньяне.

Бурное развитие других видов транспорта не может заменить ведущую роль железных дорог в Китае. В последнее время КНР, как и многие страны, сталкивается с ухудшением экологической обстановки и необходимостью экстренных мер по охране окружающей среды; с ограниченностью энергетических природных ресурсов и потребностью перехода к энергосберегающим формам хозяйствования; наконец, что особенно актуально для Китая, налицо нехватка обрабатываемых земель. Исследования ученых показали экологические преимущества железнодорожного транспорта: его доля во вредных выбросах значительно ниже, чем у автомобильного и авиационного. По мере дальнейшей электрификации дорог она будет далее сокращаться.

При том энергетическая эффективность железнодорожного транспорта в 2 — 3 раза выше, чем автомобильного, не говоря уж об авиации, где стоимость грузового достигает 35 — 40% общей себестоимости перевозок¹⁹. В условиях, когда Китай принимает меры по наращиванию мощностей ГЭС и АЭС, конкурентоспособность железных дорог будет возрастать.

Практика европейских стран показывает, что при строительстве железных дорог отчуждается существенно меньше земли, чем автомагистралей. Так, сеть автомобильных дорог общего пользования в 2007 г. занимала 1,6% территории Европы, а железные дороги — 0,04%. Вместе с тем, провозная способность двухпутной железнодорожной линии при меньшей ширине отвода земли выше провозной способности автомагистралей. В будущем значение вышеперечисленных факторов будет нарастать, способствуя повышению конкурентоспособности железных дорог, их дальнейшему развитию.

Стоит также отметить, что железнодорожный транспорт является крупнейшим работодателем в стране — в 2007 г. численность его персонала составляла 1,75 млн чел.²⁰

Прокладка “новых Шелковых путей”

К числу приоритетных объектов железнодорожного строительства КНР в последние годы относится трансконтинентальная железнодорожная магистраль Азия-Европа.

Ранее единственным сухопутным мостом, соединяющим страны Запада и Востока, в течение столетия была Транссибирская железнодорожная магистраль. Еще граф С.Ю. Витте в бытность министром путей сообщения говорил о ней как о “части будущего трансевразийского пути от Гавра до Владивостока и маньчжурских портов”. Действительно, эта транспортная транзитная система имеет ряд преимуществ. Во-первых, к ним относится быстрота доставки грузов (в сравнении с транспортировкой по морю); во-вторых, наличие работающей системы транзитных коридоров с запасом пропускной способности (нуждающихся лишь в модернизации с учетом перспективных грузопотоков); в-третьих, транзитная территория России представляет собой единое правовое, экономическое и административное поле (освоение альтернативных маршрутов чревато поиском сложных политических и экономических компромиссов, вплоть до урегулирования региональных конфликтов); в-четвертых, российские транзитные коридоры находятся в зонах фактического или перспективного освоения, тогда как многие альтернативные пути проходят по пустынным необжитым местам.

Однако, Россия пока что не только не реализовала свои транзитные возможности, но даже не достигла уровня СССР. В 1980-е годы по Транссибу перевозилось до 100 млн т. грузов и 140 тыс. контейнеров, но после распада Советского Союза и последующих кризисных явлений в экономике РФ грузоперевозки резко сократились, имеющиеся возможности используются сегодня лишь на одну треть. Недостаточная загруженность этой магистрали для транзита обусловлена, в частности, дороговизной железнодорожных тарифов в сравнении с транспортировкой грузов морем²¹. Тарифы на перевозку (по нашей территории) внешнеторговых грузов выше транзитных тарифов, и поэтому экспорт товаров в КНР и Восточную Азию через дальневосточные порты с доставкой к ним по Транссибу обходится дороже, чем через порты в европейской части страны или через порты ближнего зарубежья. Сказываются и низкое качество сервиса, технологические слабости дальневосточных железных дорог и портов. Транссиб и БАМ привлекают азиатских партнеров в 1-ю очередь не как транзитные магистрали, но как средство доступа к сибирским и дальневосточным ресурсам и как пути в европейскую часть России...

В то же время над проектом китайского “Транс-евразийского моста” работа кипит, рождаются все более смелые идеи. “Стальной Великий шелковый путь”, как его иногда называют в Китае, начинается на тихоокеанском побережье в порту Ляньюнган, пересекает в широтном направлении территорию страны, через пограничный переход Алашанькоу—Дружба соединяется с железнодорожной сетью Казахстана и далее — через железные дороги России — выходит на Западную Европу (общая протяженность трассы — 10800 км, из них на территории КНР — 4100 км). С середины 1991 г. начались перевозки грузов по временной схеме, а в июне 1992 г. было открыто регулярное сообщение по маршруту Урумчи—Алма-Ата. Масштабные работы были проведены на конечных участках ма-

гистрала: порт Ляньюнган стал в результате реконструкции внутренним, многократно возросли его акватория и общая длина причалов, главное же — построена почти 7-километровая дамба, позволяющая увеличивать, по мере необходимости, количество причалов, что превратило порт в один из крупнейших на тихоокеанском побережье КНР. Одновременно шло обустройство железнодорожного пограничного перехода Алашанькоу—Дружба на китайской территории: построены станционные и складские помещения, приемоотправочные пути (10 для широкой колеи и 16 для китайской) для замены колесных пар или перегрузки вагонов.

Задумано и ответвление от трассы Ляньюнган—Роттердам, ведущее через Узбекистан, Туркмению и паромом через Каспий в Закавказье (а через ветку Теджен—Серахе—Мешхед открывающее путь к Персидскому заливу и турецким портам на Средиземном и Черном морях). Этот маршрут, конкурирующий с Транссибом, способен улучшить условия функционирования и скорость доставки пассажиров и грузов.

К 1998 г. вся китайская часть магистрали стала двухпутной. По уровню электрификации она превосходит другие дороги КНР, а вдоль всей трассы действует автоматизированная система связи и слежения за движением грузов. При доставке грузов в Среднюю Азию маршрут обладает рядом преимуществ, включая возможность взаимодействия с китайскими же морскими перевозчиками. Кстати, после введения в 2004 г. платы за охрану груза в пути по Транссибу часть корейского груза на Среднюю Азию, более 90% которого прежде обслуживалось Транссибом, перешла на Транскитайский маршрут. Нельзя, однако, не учитывать: хотя китайская альтернатива и создала уже серьезную конкуренцию Транссибу, но в условиях нехватки транспортных железнодорожных сетей у самого Китая этот маршрут может оказаться перегруженным внутрикитайскими грузами.

В 2002 г. Китай, Киргизия и Узбекистан приступили к еще одной стройке — 2-му трансазиатскому мосту, идея которого уже давно выдвигалась Киргизией. Пекин обеспокоен ростом исламского экстремизма и международного терроризма — особенно, в соседних с КНР странах, ибо это сказывается на внутриполитических процессах в Синьцзяне. Здесь отмечался рост антикитайских настроений, вплоть до сепаратистских выступлений, в ходе которых (в 1997 и 2009 гг.) властям пришлось применить вооруженную силу. Поэтому было ускорено строительство Южно-Синьцзянской железной дороги, которая отходит от основной магистрали, идет вдоль границы КНР и носит стратегический характер. В 2003 г. была достигнута окончательная договоренность о маршруте “2-го моста”, который от Кашгара (КНР) пойдет к китайско-киргизской границе (166 км), далее по территории Киргизии на Желал-Абад (256 км), где выходит на Узбекистан и Туркмению. Этот путь на 1200 км короче, чем через ст. Дружба. Строительство китайской части дороги закончилось. Китайская сторона настолько заинтересована в этом проекте, что согласилась вести работы и в Киргизии, даже частично профинансировать ее стройку.

По словам главы провинции Юньнань Цинь Гуанжуна, эта магистраль, объединяющая железные и автомобильные дороги, *“придаст новый импульс торговле, создаст альтернативный транспортный коридор, обеспечивающий экономическую и энергетическую безопасность Китая”*. Согласно плану, магистраль начнется в портовых городах дельты реки Чжуцзян, включая Шэньчжэнь, пройдет на запад до провинции Юньнань, а затем через территорию Мьян-

мы, Бангладеш, Индии, Пакистана, Ирана и Турции достигнет Европы и закончится в Роттердаме. Магистраль пересечет территорию 17 стран, ее общая протяженность — 15000 км. В Турции намечено ответвление от основной трассы — оно пройдет по территориям Сирии и Палестины и закончится в Египте, стимулируя транспортные потоки из Китая в Африку. 2-й “евроазиатский мост” будет на 6000 км короче морского маршрута. По заявлению Министерства железных дорог КНР, на китайской территории понадобится построить лишь около 1000 км новых железных и автомобильных дорог и 300 км в Мьянме (которой Китай уже выделил кредит).

Есть и другие альтернативные проекты формирования транспортных коридоров, минуя Россию: например, ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe—Caucasus—Asia), инициатор которого — ЕС (чьих лидеров страшит перспектива хоть в чем-то оказаться в зависимости от России). Проект предусматривает реконструкцию железнодорожных, автомобильных, воздушных и морских перевозок между Европой, Кавказом и Центральной Азией. Намерение повлиять на геополитические интересы России очевидно: транспортировки в обход нашей страны подпитывают независимость азиатских республик, отнимают на некоторых участках грузы у Транссиба, скрепляющего единство России. Интерес к такой магистрали проявляет и КНР, усматривая в ней возможность выхода к Персидскому заливу. Впрочем, пока что эффект ТРАСЕКА — почти нулевой. Ведь он не сможет рассчитывать на обширный транзитный поток: соответствующие показатели Транссиба многократно выше. Эксперимент, проведенный железнодорожниками России, зафиксировал своеобразный рекорд — от Находки до Бреста грузовые вагоны дошли меньше, чем за 9 суток, что вряд ли достижимо для коридора ТРАСЕКА с его паромными и сменами колесных пар²². Нормально функционируют лишь отдельные участки трассы, выполняющие, в основном, региональные перевозки. По сути, ТРАСЕКА в нынешнем виде и в обозримом будущем может обслуживать лишь экспорт-импорт стран-участниц. Налицо и угрозы “форс-мажора” морской стихии. Наконец, высоки политические риски — в первую очередь, в Средней Азии.

Лоббирование Китаем трансконтинентальных железнодорожных трасс Азия — Европа в обход России имеет геостратегический подтекст. Новый “Шелковый путь” не сводится к проблематике транспорта: это не только альтернатива российскому транзиту, но и инструмент экономического и политического влияния КНР на страны Центральной и Южной Азии. Шансы нашего Дальнего Востока стать для стран Восточной Азии “вратами в Европу” могут быть утрачены. Налицо объективный вызов России, если она не предпримет активных действий по модернизации и повышению коммерческой выгодности Транссиба.

Железнодорожные погранпереходы и вектор России

Между Транссибом и “новым Шелковым путем” возможны, впрочем, не только конкуренция, но и взаимовыгодное сотрудничество. Важным для России представляется развитие транспортной сети Китая вблизи и вдоль границ России. Пока здесь имеется только три трансграничных железнодорожных перехода — мало для столь протяженной общей границы. Чтобы не утратить свои очевидные транзитные преимущества, России следовало бы безотлагательно уделить внимание созданию новых трансграничных соединений сетей железных дорог обеих стран. Это позволит интенсифицировать экономические контакты соседних регионов по обе стороны границы, тем самым

стимулируя и побуждая Китай к императивному транзиту его товаров в Европу через территорию России. Это означает, что необходимо сооружение новых прямых железнодорожных контактов во всех разумных (по затратам и конфигурации) пограничных пунктах.

КНР осуществляет прямое железнодорожное сообщение с Россией, Казахстаном, Монголией, КНДР, Вьетнамом. Имеется 10 пограничных железнодорожных переходов. Их работа зачастую осложнена разницей ширины колеи²³. Поэтому приходится производить перегрузку, либо переставлять вагоны на колесные пары другой ширины, что влечет задержки при пересечении границы (в Китае не применяются раздвижные колесные пары).

На российско-китайской границе действуют два перехода (Забайкальск и Гродеково), завершены работы по открытию рабочего движения поездов на новом переходе Махалино (Приморский край), который предполагается ориентировать на транзитные перевозки через территорию России грузов КНР.

Значительное место принадлежит переходу Алашанькоу—Дружба в Казахстане. Наиболее быстро там растут контейнерные перевозки, по которым Алашанькоу с большим отрывом лидирует среди железнодорожных погранпереходов КНР. По этому маршруту, в основном, перевозятся контейнеры из Южной Кореи, Японии, Гонконга в страны Центральной Азии и обратно.

Международное железнодорожное сообщение с Монголией через переход Эрлян-Замин-Ууд было открыто в 1956 г. В начале 1990-х гг. перевозки резко снизились из-за уменьшения внешнеторгового оборота двух стран. Сейчас они постепенно растут.

Перевозки грузов между КНР и КНДР были начаты в 1954 г. и осуществлялись через три пограничных перехода, достигнув наибольших объемов в 1970-е гг., но сокращение взаимной торговли в последние годы повлекло их уменьшение.

Грузовое сообщение с Вьетнамом, начатое в 1955 г., было прервано военными столкновениями на границе в 1978 г. и восстановилось только в 1996 г. Но объемы перевозок по железным дорогам незначительны (прежде всего, из-за конкуренции автомобильного транспорта).

Находящиеся в поле тяготения российской транспортной системы северо-восточные провинции Китая (Дунбэй) обладают огромным грузообразующим потенциалом. В настоящее время внешняя торговля северо-востока Китая осуществляется, в основном, через Далянь. Однако перегруженность этого порта и железной дороги Харбин — Далянь (особенно, на участке Харбин—Шэньян), а также удаленность промышленных центров региона от Даляня вынудили искать для Дунбэя выход к морю далеко на юге КНР. В то же время ДВЖД, будучи замыкающим звеном Транссиба, дает выход грузам к морскому побережью, где созданы крупные транспортные узлы — Ванино, Находка, Находка-Восточная, Владивосток, Посыет, Зарубино, а также к трем пограничным железнодорожным пунктам пропуска с КНДР и КНР: Хасан — Туманган, Гродеково — Суйфэньхэ и Махалино — Хунчунь. Без российских транспортных коридоров и сырьевых ресурсов Дунбэй вряд ли сможет сравниться с наиболее развитыми провинциями КНР. Поскольку его порты перегружены, российские порты и железная дорога могли бы послужить важными вратами для китайского Северо-Востока.

Сдерживающий фактор развития торгово-экономического и транзитного сотрудничества, о необходимости решения которого говорится с 1990-х гг., преж-

де всего, — неразвитость приграничной инфраструктуры, которая на многих переходах в ветхом состоянии. Отсюда задержка с оформлением таможенных документов, ограниченность пропуска товаров. Мощности пограничных переходов не соответствуют реальным объемам грузопотоков и пассажирских перевозок.

Китайская сторона не прочь участвовать в строительстве современной инфраструктуры на российском Дальнем Востоке, имея в виду не только пограничные переходы, но и автомобильные дороги, портовые сооружения, жилье²⁴. В дальнейшем развитие Дунбэя во многом будет зависеть от транспортной ситуации в регионе и доступа к портам. Хорошие перспективы может иметь проект международного транзита контейнеров между штатами Западного побережья США и северо-восточными провинциями КНР через дальневосточные морские порты РФ с использованием российской транспортной системы. Один из путей выхода Дунбэя в Японское море — железнодорожная линия Хуньчунь—Махалино, позволяющая ускорить процесс доставки грузов в Японию, Республику Корея и Северную Америку через российские порты с возможностью довести транспортный потенциал этого маршрута до 1,2 млн т ежегодно.

Развитие транспортной сети России на востоке может идти по следующим возможным вариантам: увеличение числа действующих паромов Совгавань — Холмск и проведение второго железнодорожного пути на линии Совгавань — Комсомольск — Хабаровск с электрификацией (при невозможности построить мост или тоннель под Татарским проливом). В случае строительства такого тоннеля следовало бы проложить железнодорожные подходы от Ногликов и от Комсомольска в двухпутном варианте, а также перешить Транссахалинскую магистраль с 1067 мм на 1520 мм (что по затратам сопоставимо с прокладкой восточного участка БАМа) и строить железнодорожный тоннель между Хоккайдо и Сахалином с привлечением японской стороны. Наконец, если бы дело дошло до создания Транскорейского продолжения Транссиба, следовало бы провести реконструкцию однопутной железнодорожной линии Уссурийск — Хасан — Туманган (с укладкой второго пути и электрификацией) и уложить совершенно новую двухпутную электрифицированную линию с колеей 1520 мм от Тумангана через Чхончжин — Ким-Чхэк — Хамхын — Вонсан до Сеула (где можно создать огромный трансмодальный комплекс) — своеобразный российский щупалец с нашей колеей, проникающий в “сердце” Кореи.

Китайские планы строительства новых железнодорожных коридоров принуждают всерьез задуматься об угрозах утраты Россией ее лидирующего положения на формирующемся рынке евразийских сухопутных транзитных перевозок. Пока еще Китай сконцентрирован на решении проблем резкого повышения пропускной способности и надежности железнодорожной сети в восточной части страны (включая прокладку самой дорогостоящей высокоскоростной магистрали Пекин — Шанхай), но уже видны перспективы трансконтинентальных трасс в обход России. Необходимы срочные государственные инициативы по активизации двустороннего сотрудничества в перевозках с акцентом на российские железные дороги. Очевидна обоюдная выгода ускорения перевода части международного транзитного потока на сухопутные коридоры (каковым на сегодняшний день, безусловно, является Транссиб). По китайским железным дорогам должна идти “подпитка” Транссиба с вероятным последующим переключением части грузопотоков на китайские магистрали, поскольку его пропускные возможности пока ограничены. При этом рост числа соединений китайских и российских

железных дорог (из Дунбэя в Россию) не противоречит закономерностям формирования транспортных циклов на межгосударственном уровне.

(окончание следует)

1. Цзяотун юньшу цзинцзи. 1985. № 4. С. 42.
2. Жэньминь жибао. 28.09.1985.
3. Чжунго тунцзи няньцзянь 2000. Пекин. 2001. С. 514.
4. Цзяотун юньшу цзинцзи, юдянь цзинцзи. Пекин. 1999. № 6. С. 46.
5. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. С. 619.
6. Тедао юньшу юй цзинцзи. 2009. № 1. С. 4.
7. Beijing Review. 31.08.2006.
8. Тедао юньшу юй цзинцзи, 2001, № 2. С. 6.
9. Цзяотун юньшу цзинцзи, юдянь цзинцзи. Пекин. 2008. № 4. С. 25.
10. Станция на магистрали Ланьчжоу — Урумчи.
11. Beijing Review. 17.07.2008.
12. Beijing Review. 18.12.2008.
13. Beijing Review. 10.11.2008.
14. Beijing Review. 06.06.2009.
15. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. С. 620.
16. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. С. 609.
17. World Bank Report: An Overview of China's Transport Sector in 2007, Washington, 19 December 2008 — Final Report, p.22.
18. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008с. 606.
19. World Bank Report. p. 34.
20. Чжунго тунцзи няньцзянь 2007. Пекин. 2008. С. 603.
21. Поразительно, но в настоящее время множество российских грузов экспортируется и импортируется Россией через иностранные порты (на чем она теряет более 1,5 млрд долл. в год). В результате существенная часть импорта из КНР, Японии и других стран Восточной Азии поступает в нашу страну не короткими маршрутами через российские дальневосточные порты и далее по Транссибу, а извилистым морским путем через Суэцкий канал и порты Европы. Так же обстоит дело и с экспортом.
22. На маршруте ТРАСЕКА — Каспийское и Черное моря, преодолеваемые весьма дорогим видом транспорта — паромами (затраты энергоносителей при этом 30-кратно выше, чем на железной дороге).
23. В КНР ширина колеи — 1435 мм, в России — 1520, в Монголии — 1524, во Вьетнаме — 1535 и 1000 мм.
24. Правительство провинции Хэйлунцзян разработало программу до 2020 г. по строительству 145 объектов своей транспортной инфраструктуры для развития экономического взаимодействия с Россией.

Политика приоритета армии в КНДР: экономический аспект

© 2010

И. Панкина

В конце прошлого века генеральным государственным курсом КНДР была провозглашена политика приоритета армии (политика сонгун). В данной статье рассматривается комплекс причин, как внешних, так и внутренних, которые повлекли за собой подобную смену государственного курса, а также делается попытка объяснить политику сонгун и формы ее проявления. Подробно рассматривается роль армии в деле восстановления народного хозяйства, и преодоления существующего в стране экономического кризиса.

Ключевые слова: КНДР, политика сонгун, армия, Северная Корея, экономика.

На протяжении долгих лет (начиная с 1970-х гг.) не публикуются официальные данные хотя бы об основных показателях экономического развития КНДР. Официальный Пхеньян объясняет свою позицию просто: КНДР находится в жестком противостоянии с империалистическими державами (в первую очередь имеются в виду США), и обнародование подобной информации в открытом доступе, с точки зрения северокорейских властей, может сыграть на руку США, которые воспользуются ею во враждебных целях. Придерживаясь подобной позиции, северокорейцы, видимо, не учитывают или не хотят учитывать одного факта — не имея достоверной информации, располагая лишь обрывочными и косвенными сведениями, каждый может интерпретировать их в своих целях, которые не всегда будут совпадать с интересами КНДР. Есть и другое логичное объяснение позиции северных корейцев — положение дел в стране можно назвать удручающим, и публикация (пусть даже приукрашенных и подкорректированных) данных в открытом доступе попросту невыгодна, так как продемонстрирует, в каком тяжелом положении находится страна.

Сегодня ученым, занимающимся проблемами КНДР в общем и экономикой страны в частности, зачастую приходится отталкиваться от статистики, публикуемой несевторокорейскими источниками (обычно южнокорейскими или американскими), которые, как правило, недостоверны, содержат предположительные и оценочные данные.

Таким образом, объективный анализ состояния экономики Северной Кореи крайне затруднен в силу вышеназванных причин, но необходим для лучшего

понимания тех процессов, которые протекают не только в экономической сфере жизни КНДР, но и в социально-политической.

Со второй половины 90-х гг. прошлого века генеральным государственным курсом КНДР является политика приоритета армии (кор. — *сонгун*). Провозглашение нового курса имело целый комплекс причин. Дело в том, что Ким Чен Ир, придя к власти после смерти Ким Ир Сена в 1994 г., столкнулся с серьезными экономическими и социально-политическими трудностями.

Во-первых, одним из важнейших событий 90-х годов прошлого века, повлиявших на ситуацию в КНДР, стала смерть Ким Ир Сена 8 июля 1994 г. Ким Ир Сен пользовался большой популярностью и безграничным доверием у народа (пусть эти популярность и доверие и были в большой степени результатом деятельности пропагандистского аппарата КНДР), и на этом фоне любой преемник, даже его родной сын, проигрывал. Кроме того, политическая система государства держалась во многом благодаря усилиям и непоколебимому авторитету Ким Ир Сена и не могла не пошатнуться после его кончины. Таким образом, Ким Чен Иру, возглавившему государство после смерти отца, нужна была серьезная поддержка для усиления собственного авторитета в глазах народа.

Иным фактором, усугубившим кризис в Северной Корее, принято считать стихийные бедствия 1995—1997 гг., когда наводнения уничтожили большую часть урожая, вызвав масштабную эрозию почв, что впоследствии привело к неурожаю. Реальный ущерб от стихийных бедствий оценить до сих пор очень трудно — северокорейская сторона не публиковала официальной статистики на этот счет, и количество погибших от голода, по оценкам разных экспертов, колеблется от 250 тыс. до 2 млн чел.¹ Для неустойчивой экономики КНДР наводнения стали серьезным испытанием — в 1995 г. официальный Пхеньян впервые был вынужден признать, что страна переживает острейший продовольственный кризис, и обратиться к мировой общественности с просьбой о гуманитарной помощи.

Во-вторых, в развитии современной ситуации в КНДР большую роль сыграл внешний фактор. Исчезновение СССР в 1991 г. и начавшийся еще до этого кризис социалистического лагеря и социалистического рынка оказали серьезное негативное влияние как на экономическое, так и на политическое положение в Северной Корее. Переход на мировые цены и конвертируемую валюту, которой на тот момент не имел в достатке ни СССР, ни тем более КНДР, основательно подкосил северокорейскую экономику.

После распада СССР его правопреемница Россия свернула практически все связи с Северной Кореей. Это также стало одной из причин серьезного экономического спада в стране. К примеру, если в 1990 г. объем торговли между СССР и КНДР составлял 2,5 млрд долл., то в 1991 г. он упал до 365 млн долл. и продолжал снижаться, достигнув к 2000 г. минимума — 38,5 млн долл. (с этого момента ежегодный объем торговли между РФ и КНДР постепенно увеличивался, достигнув в 2005 г. отметки в 228 млн долл., однако с 2006 г. вновь начался спад, и в 2007 г. объем торговли между двумя странами составил всего лишь 86,9 млн долл.)². Соответственно резко вырос объем внешнего долга КНДР: к концу 1990-х гг. он составил 12 млрд долл., что практически равнялось ВВП страны³. Развал СССР и соцлагеря оказали серьезное влияние и на внешнеполитическое положение КНДР — страна лишилась одного из своих сильнейших союзников. Кроме того, северные корейцы испытали от произошедшего сильное моральное потрясение: распад крупнейшей социалистической державы продемонстрировал несостоятельность социалистического строя в других странах и заставил усом-

ниться в собственном социализме. Необходимо иметь в виду и усилившуюся после распада СССР политическую и экономическую блокаду КНДР со стороны развитых стран, в первую очередь США и Японии, которая способствовала осложнению обстановки и усугубляла кризис внутри страны.

Еще одним существенным фактором, повлиявшим на ситуацию в КНДР, стало расширение и активизация контактов между Северной и Южной Кореей. Отношения КНДР и РК имеют довольно специфический характер: и Север, и Юг особо подчеркивают, что отношения двух Корей не носят характер международных, и определяют их статус как “внутринациональный”.

В течение 90-х гг. XX в. и в начале XXI в. Республика Корея постепенно становится крупнейшим торговым партнером КНДР и главным поставщиком гуманитарной помощи северному соседу. Если в 1991 г. товарооборот между Северной и Южной Кореей составлял всего 100 млн долл., то к 2005 г. он уже превысил 1 млрд долл и продолжал расти, составив в 2007 г. 1 млрд 797 тыс. долл., а в 2008 — 1 млрд 820 тыс. долл.⁴ С 1995 г. по конец 2006 г. в КНДР из Южной Кореи было поставлено продуктов питания, медикаментов, предметов одежды и др. в общей сложности более чем на 1,5 млрд долл.⁵ Стоит отметить и разработку разнообразных межкорейских проектов — таких как объединение железных дорог Севера и Юга с последующим присоединением Транскорейской железной дороги к Транссибу, или создание свободных экономических зон, самая крупная из которых — в Кэсоне, где уже функционирует более 100 южнокорейских предприятий, давших работу примерно 40 тыс. северокаорейских рабочих. К 2012 г., при ожидаемой полной загруженности, эта зона должна была бы обеспечить работой уже несколько сотен тысяч северных корейцев. Однако стоит отметить, что на современном этапе в развитии Кэсонского промышленного комплекса возникли трудности, продиктованные политической ситуацией на Корейском полуострове. Ухудшившиеся отношения двух Корей, подготовка и запуск северокаорейского спутника привели к тому, что власти КНДР начали вводить ограничения и ужесточать правила работы южнокорейских компаний на территории комплекса. Так, после объявления о подготовке к запуску были введены ограничения на единовременное пребывание южан на территории комплекса, которые были сняты лишь в середине апреля 2009 г.⁶ Также северокаорейские власти объявили о своем намерении изменить условия функционирования южнокорейских компаний.

Кроме этого, начались и контакты на т.н. “неофициальном уровне”. Это, в первую очередь, встречи членов разделенных семей, различные конференции, участие в которых принимают специалисты из обеих Корей, а также, пусть и очень ограниченные, контакты северных корейцев с южнокорейскими туристами в туристической зоне Кымгансан.

Важным политическим шагом на пути сближения двух государств на Корейском полуострове явились межкорейские саммиты 2000 и 2007 гг. (в 2000 г. Ким Чен Ир встречался с Ким Дэ Чжуном, а в 2007 г. — с Но Му Хёном), которые продемонстрировали лояльность стран друг к другу на высшем уровне, позволили расширить межправительственные контакты, и способствовали ослаблению недоверия и враждебности между северными и южными корейцами. Были подписаны совместные декларации, в которых стороны обязались предпринять меры по снижению военной напряженности и достижению мира и процветания на Корейском полуострове.

Межкорейские контакты особенно активизировались с началом XXI в. Пожалуй, во многом это стало возможным как раз именно из-за кризиса в КНДР,

когда северокорейское руководство оказалось в тупиковой ситуации и было вынуждено принять помощь Юга, а вместе с ней и другие формы сотрудничества. Однако уже на момент прихода к власти Ким Чен Ира начинающаяся трансформация межкорейских отношений и зарождающийся межкорейский диалог оказывали влияние на обстановку внутри КНДР.

Кроме расширяющихся контактов с Югом, необходимо отметить и тот факт, что в КНДР постепенно начали происходить изменения, которые с определенной долей осторожности можно назвать “рыночными”. Среди них открытие (во многих случаях — фактическая легализация) рынков, где северные корейцы могут продавать свою продукцию, частичное снятие государственного контроля за ценами на ряд товаров, разрешение северокорейским предприятиям использовать по своему усмотрению часть валютной выручки от торговли с другими странами, ослабление системы планирования и предоставление большей свободы субъектам экономики, минимальный допуск иностранного капитала в страну в виде совместных предприятий и др.

Все эти преобразования привели к тому, что северокорейской экономике пришлось приоткрыться, а ее народу — столкнуться с возможностью иного образа жизни, иных ценностей и свобод. На протяжении более полувека северным корейцам непрестанно внушалось, что их южные собратья влачат полунищенское существование под игом капитализма. Естественно, возможность ознакомиться хотя бы отрывочно с состоянием дел на Юге должна была вызвать у северян сильный шок и заставить их задуматься о том, что все эти годы их, мягко говоря, вводили в заблуждение.

Таким образом, Ким Чен Ир, придя к власти, вынужден был не только справляться с серьезнейшими экономическими проблемами (что само по себе уже являлось сложной задачей), но и преодолеть возникшее недоверие людей к власти и подавить зарождавшееся недовольство. Ким Чен Иру необходима была новая опора, которая позволила бы справиться с нараставшими трудностями. Именно в такой обстановке и выдвигается новая политическая концепция Северной Кореи — политика сонгун, или политика приоритета армии (или военного дела — даже сами корейцы дают два варианта перевода). Армия официально становится главной “движущей силой революции”, а по сути, главной опорой северокорейского режима.

Цели, которые преследует новая политическая линия Пхеньяна, сходны с теми, которые ставились руководством страны еще при Ким Ир Сене: “построение могучей процветающей социалистической державы, объединение Родины и ... окончательное свершение революционного дела чучхе”⁷. Особенностью курса стало то, что именно армия, а не рабочий класс, была провозглашена “стержневым отрядом” и “движущей силой революции”⁸. Подобная “смена ролей” имеет серьезные причины.

Тяжелые жизненные условия, в которых рабочий класс находился на протяжении 1990-х гг., привели к тому, что он оказался физически и морально уставшим и, по сути, утратил свой революционный запал. К тому же за последние полвека рабочий класс сам по себе качественно изменился, так как тяжелый физический труд все чаще стали выполнять машины. Подобные изменения в жизни рабочих привели к значительной дезорганизации и ослаблению политической активности, к потере контроля над ними со стороны руководства страны. Армия же оставалась достаточно управляемой и дисциплинированной, чтобы стать опорой для правительства в той сложной ситуации, в которой оказалась страна.

Важную роль в замене рабочего класса на военных в качестве опоры строительства социализма сыграла и политическая обстановка вокруг КНДР. В начале 90-х гг. прошлого века Россия с не поддающейся никаким логическим объяснениям поспешностью свернула все свои контакты и сотрудничество с Северной Кореей, в т.ч. и военное. Такое ее поведение поставило северокорейское руководство в очень сложное положение — Пхеньян остался без своего главного союзника в противостоянии капиталистическому миру. Единственным государством, находившемся на стороне КНДР на тот момент, был (и остается до сих пор) коммунистический Китай, который не расторгнул с КНДР Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1961 г. Пекин заинтересован в сохранении северокорейской государственности хотя бы по той причине, что КНДР является своеобразным буфером между США, имеющими свои военные базы в Южной Корее, и КНР. Однако при этом следует иметь в виду, что Китай преследует собственные цели и интересы на Корейском полуострове, и они не всегда совпадают с северокорейскими.

Естественной реакцией на сложившуюся ситуацию со стороны северокорейского руководства было усиление военной мощи своей страны, концентрация всех средств государства на укреплении армии. Помимо этого, важной причиной выбора армии в качестве основной силы революции стал факт крушения социализма в Советском Союзе и восточноевропейских государствах. Северокорейские политики и ученые говорят о том, что, несомненно, существует множество причин, из-за которых социализм в этих странах потерпел поражение, но главная из них связана с тем, что армия там оказалась не готовой к защите и отстаиванию социалистического строя. Очевидно, что руководство КНДР сделало надлежащие выводы из международного опыта и сконцентрировалось на выдвигании армии в качестве опоры режима.

Придание армии главной роли в деле революции социалистического строительства привело к возникновению нового принципа, на котором зиждется структура северокорейского общества: “армия есть партия, государство и народ”, а политика сонгун “надежно гарантирует... самостоятельность [КНДР]”⁹. Это означает, что в отрыве от армии государство и партия не могут выполнять свою миссию, а народ — жить свободно и благополучно, и даже само их существование ставится под угрозу. Кроме того, армия действительно не чужда северокорейскому народу и не стоит от него в стороне: ведь в каждой корейской семье есть кто-то, кто находится на службе в армии. Пока на всей планете не победил социализм, и существуют враждебные северокорейскому режиму государства именно армия является гарантом и оплотом независимости и самостоятельности страны и нации. Однако в подобной формулировке армии не просто отдается главная роль в революции и строительстве. Армия объявляется базовой структурой всего общества, а армейские принципы становятся не только примером для подражания, но и образцом для организации общества. Это принципиальный пересмотр идеологических позиций официального Пхеньяна, так как при новых установках рабочий класс теряет свою ведущую роль, уступая армии, которая ставится “перед рабочим классом” в качестве “стержневого отряда”, “главной движущей силы” революции¹⁰. Происходит отказ от классового подхода в определении движущей силы революции: он считается морально устаревшим, “не оправдывающим себя”¹¹.

Такие кардинальные изменения в идеологии объясняются самим Ким Чен Иром следующим образом: “Вопрос о главной движущей силе в революции не может быть постоянным, неизменным в любой период, в любом обще-

стве и любой революции, и к тому же этот вопрос не следует решать лишь на основе классовых отношений”¹².

Логичной является и задача по усилению популярности и авторитета армии в северокорейском обществе. Об армии постоянно упоминается в прессе, слаются песни и т.п. Удлинилась сама история Корейской народной армии, было заявлено, что Ким Ир Сен “основал армию раньше каких-либо других политических институтов”¹³, еще в апреле 1932 г.¹⁴ К этому же времени стали относить и истоки политики сонгун (хотя сначала корейские СМИ датировали возникновение этого политического курса 1995 г.). Цель такого удлинения истории сонгун ясна: власти необходимо доказать легитимность своих действий и показать политику сонгун как логичное продолжение идей чучхе, а не как нечто совершенно новое, не связанное со старыми установками. С определенной точки зрения, политика сонгун действительно является продолжением идей чучхе — сохраняется принцип опоры на собственные силы, который считается главным в концепции идей чучхе, просто этими силами стали военные, а не рабочий класс, как полагали раньше. Политика сонгун провозглашается “новой эпохой революции чучхе”, “более высокой стадией [ее] развития”¹⁵.

Политика сонгун стала определяющим вектором всех сфер жизни страны, в том числе и экономической. Новый политический курс продиктовал новые задачи для экономики страны.

До провозглашения политики сонгун основной упор в развитии экономики КНДР делался на тяжелую промышленность с одновременным развитием легкой промышленности и сельского хозяйства. С вступлением страны в эпоху сонгун “партия провозгласила новую линию экономического строительства, отвечающую требованиям эпохи сонгун и ставящую во главу угла развитие оборонной промышленности с последующим за ней одновременным развитием легкой промышленности и сельского хозяйства”¹⁶.

Учитывая тот факт, что оборонная промышленность тесно связана с тяжелой промышленностью, нельзя говорить о принципиально новом повороте в развитии экономики страны; скорее, можно сказать о смещении акцентов в соответствии с требованиями времени.

Главной задачей нового направления развития экономики провозглашается укрепление во что бы то ни стало военной мощи страны, ведь только при выполнении этого условия возможно строительство сильной, независимой и процветающей социалистической державы в современном мире. Однако при этом отмечается, что развитие оборонной промышленности должно происходить не за счет ущемления или игнорирования нужд легкой промышленности и сельского хозяйства, а при параллельном их развитии, так как народ не должен испытывать недостатка в материальных благах. Новый курс в экономике, по официальной версии северокорейского руководства, не только даст возможность улучшить материальную сторону жизни людей за счет развития легкой промышленности и сельского хозяйства, но и позволит народу жить счастливо, ничего не боясь, так как сильная, технически укомплектованная армия должна обеспечить его безопасность¹⁷.

В соответствии с новым курсом началась модернизация военно-промышленного комплекса, которая в итоге позволила провести запуск в августе 1998 г. трехступенчатой баллистической ракеты. И хотя руководство КНДР настаивало на том, что основной целью этого запуска являлся вывод на орбиту Земли северокорейского научно-исследовательского спутника, на деле этот запуск демонстрировал достижение серьезных результатов в развитии ракетной промышленно-

сти. Запуск баллистических ракет летом 2006 г. и испытание ядерного устройства осенью того же года, а также повторный запуск искусственного спутника в апреле 2009 г. вновь продемонстрировали мировой общественности технические достижения ВПК КНДР.

Модернизация проводится не только в ВПК страны, хотя, вероятно, его она затронула в большей степени. Так, по сообщениям северокорейских СМИ, правительство КНДР сделало ставку на развитие в первую очередь наукоемких областей производства, на новаторские решения экономических задач; была намечена цель построить к 2022 г. научно-техническую державу¹⁸. Широко внедряется компьютеризация производства, для этого проводится соответствующая подготовка квалифицированных кадров, издается учебная литература по пользованию ПК и программированию.

Новаторство касается и сельского хозяйства, так как страна в силу неблагоприятных климатических условий на протяжении последних полутора десятков лет испытывает хронический недостаток продуктов питания. Постоянно ведутся лабораторные исследования по выведению сортов более выносливых растений, улучшению семенного фонда, часть посевных площадей отведена не под рис, а под менее капризную кукурузу и т.д.

Таким образом, хотя в современной Северной Корее приоритет отдается развитию оборонной промышленности, руководство страны старается развивать легкую промышленность и сельское хозяйство, повышать общий уровень жизни населения. Похоже, оно прекрасно понимает, что нельзя полностью пожертвовать легкой промышленностью или сельским хозяйством, и старается не допустить свертывания этих жизненно важных отраслей экономики в интересах развития военно-промышленного комплекса. Однако скромный набор возможностей, которыми располагает экономика КНДР, не позволяет вести одинаково широкую модернизацию во всех областях экономического хозяйства, и понятно, что упор на развитие оборонной промышленности не может не сказаться отрицательно на состоянии других сфер экономики.

Конечной целью развития народного хозяйства страны является создание независимой от внешних факторов мощной и процветающей экономики, более 70% которой должны опираться на внутренние ресурсы¹⁹. Были выработаны основные принципы, которые призваны помочь достижению поставленных задач. Во-первых, это форсированная модернизация народного хозяйства при сохранении особенностей национальной экономики. Во-вторых, принесение реальной пользы народу при осуществлении экономических проектов. И в-третьих, мобилизация внутренних ресурсов и материалов при развитии внешнеторговых отношений.

Кроме того, из-за изменения роли военных в общественно-политической жизни изменилась и сама структура государственного устройства. Возросло значение Государственного Комитета обороны, статус которого определяется еще и тем, что его с 1993 г. возглавляет сам Ким Чен Ир. Если раньше ГКО был в подчиненном положении по отношению к Президиуму ВНС, Кабинету министров, а также по отношению к судебной и исполнительной власти, то теперь он по своему статусу стал выше этих органов²⁰. Благодаря конституционным поправкам, ГКО «является высшим руководящим военным органом, общим руководящим органом управления обороной... и занимает центральное место в системе государственного управления»²¹. Несмотря на то, что по Конституции КНДР Верховное Народное Собрание по-прежнему является «высшим органом государственной власти», к ГКО переходит все больше полномочий, которые раньше были в ведении ВНС:

управление всеми вооруженными силами, военно-промышленным комплексом, обороной страны в целом. Министерство Народных вооруженных сил и другие военные организации перешли в подчинение ГКО²², а представители ГКО были внедрены в каждое министерство КНДР.

Военные стали занимать ключевые посты в северокорейской структуре власти²³. Таким образом, ТПК постепенно отошла на второй план в вопросах руководства государством, а военные официально получили возможность непосредственно влиять на развитие всех сфер жизни страны, в том числе и экономической.

На сегодняшний день по уровню экономического развития КНДР принадлежит к странам третьего мира. Экономика КНДР является индустриально-аграрной: более 40% ВВП составляет доля промышленности, около 25% — доля сельского хозяйства²⁴. Оценки ВВП страны очень сильно разнятся и всегда являются оценочными: по оценкам российской стороны, ВВП КНДР по паритету покупательной способности на 2004 г. составил 30,88 млрд долл.²⁵, по оценкам американских источников — 40 млрд долл. (на 2008 г.)²⁶, а от северокорейских ученых автору приходилось слышать оценку ВВП КНДР в 110 млрд долл. Несомненно, последняя цифра очень сильно завышена, и оценки северокорейских ученых ближе к истине.

Население КНДР по данным 2008 г. составило 23,5 млн чел., из которых 1,1 млн находятся на службе в армии²⁷, а еще 4,7 млн чел. составляют армейские резервы, которые в случае военной угрозы могут моментально встать на защиту родины²⁸. Северокорейская армия по численности входит в пятерку самых крупных армий в мире. Высок и уровень боевой подготовки служащих — не только физической, но и моральной, благодаря хорошо отлаженному аппарату пропаганды и идеологической “закалке” бойцов²⁹. Служба является обязательной как для мужчин, так и для женщин, и по различным оценкам, ее срок составляет от 5 до 9 лет. Правда, система определения срока службы в армии КНДР довольно сложна и имеет много тонкостей: достаточно сказать, например, что после 2-х лет обязательной службы девушки могут поступать в ВУЗ, а по его окончании далеко не все они “восстанавливаются” в армии. Так же могут сделать и юноши, но только после 3-х лет обязательной службы. При такой многочисленной армии и стремлении развивать в первую очередь оборонную промышленность, значительная часть бюджета должна уходить на обслуживание военного комплекса страны. Оценки бюджетных расходов также очень разнятся, и некоторые ученые говорят даже о 60—70% ВВП, но большинство не склонны оценивать эту долю ВВП больше 25%³⁰, а северокорейская сторона приводит еще меньшую цифру — до 15%³¹.

Содержание КНА, такой многочисленной по отношению к общему количеству населения, должно было бы лечь непосильным бременем на государство, если бы она сама не выступала как активный участник экономического строительства КНДР. Решение северокорейского руководства сохранить такую многочисленную армию, возможно, было продиктовано экономическими нуждами страны — армия стала ударным отрядом, который используется для достижения экономических прорывов в деле восстановления народного хозяйства КНДР.

Как уже говорилось, в середине 1990-х гг. экономика страны сильно пострадала от стихийных бедствий, что вкупе с неблагоприятной политической обстановкой вокруг КНДР и экономической блокадой страны стало причиной серьезнейшего экономического кризиса. В 1995 и 1996 гг. страна потеряла большую часть урожая из-за наводнений, а в 1997 г. — из-за засухи. Реальный ущерб, вызванный этими бедствиями, подсчитать сложно, так как сами северные корейцы не дают официальной статистики, и за три года он оценивается в сумму порядка

20 млрд долл.³²(сюда входят убытки от повреждения лесных и сельскохозяйственных угодий, разрушения строений, потери зерна и гибели домашнего скота). В этот сложный период решающую роль в восстановлении народного хозяйства сыграла армия. Самой острой проблемой была проблема снабжения населения продовольствием, и именно на ее решение были брошены силы КНА. Народноармейцы занялись восстановлением сельского хозяйства страны, активно участвовали в строительных работах, ремонте сельхозоборудования и ирригационных систем, посевах и сборах урожая.

Восстановление народного хозяйства после кризиса требовало от государства тех сил и ресурсов, которыми оно не располагало. Правительство оказалось перед выбором: допустить в страну иностранный капитал, который дал бы возможность оправиться после кризиса, но при этом наверняка оказал бы пагубное влияние на идейно-политический строй КНДР, или же попытаться справиться своими силами, что было крайне рискованно ввиду слабости национальной экономики³³. Очевидно, что первый вариант был неприемлем для правящих кругов Северной Кореи, и Пхеньян, как это часто бывает, выбрал игру на грани фола, бросив армейские силы на восстановление народного хозяйства страны. Помимо сельского хозяйства, необходимо было восстановить угольное производство, электроэнергетику, железнодорожное сообщение и другие важнейшие отрасли промышленности. К сожалению, северокорейские источники не дают общей картины участия северокорейских военных в восстановлении народного хозяйства (да это было бы и довольно затруднительно), однако они приводят множество конкретных примеров трудовых подвигов солдат.

Народноармейцы работали в шахтах вместе с шахтерами и занимались строительством самых сложных и важных объектов — таких, например, как Анбенская гидроэлектростанция “Молодежная”. Ввиду острой нехватки электроэнергии строительство данной ГЭС было остро необходимо для энергообеспечения провинции Канвон. Работы по строительству ГЭС были начаты в 1986 г. и продолжались 10 лет, а по их завершении в стране появилась одна из самая крупных ГЭС мощностью 800 тыс кВт.

Яркими примерами активного участия народноармейцев в строительстве объектов народного хозяйства являются Имчжинганская электростанция № 1, мост Чхонню, Кымнынский туннель. Силами воинов КНА были проложены многие километры дорог: например, трасса Пхеньян — Хансан или “дорога молодых героев”, которая являет собой драматический пример самоотверженности северных корейцев. Строительство этой трассы, соединяющей Пхеньян и Нампхо, главный порт на западном побережье КНДР, осуществлялось в середине 1990-х гг., в самый разгар кризиса. У правительства не было денег, чтобы оплачивать работу строителей; средств не хватало даже на то, чтобы обеспечить их необходимой техникой и инструментами, и дорога прокладывалась с огромным трудностями, практически голыми руками народноармейцев.

Силами КНА также были построены многие километры ирригационных сооружений (крупнейшим проектом стало сооружение ирригационной магистрали Кэчхон — водохранилище Тхэсон), птицефабрик (самая известная среди них — страусиная ферма в Пхеньяне), рыбных хозяйств и многое другое. Народноармейцы помогали строить и жилые дома — так, например, с их помощью было построено жилье в селах Мигок и Поман, которые “превратились в обетованный край социализма”³⁴.

В тяжелые годы кризиса ни рабочий класс КНДР, ни крестьянство, не смогли бы справиться с возложенной на них задачей восстановления экономики КНДР, слишком уж деморализованы и дезорганизованы они оказались, а вот армия явила собой ту дисциплинированную, легко мобилизуемую и дешевую рабочую силу, которую власти Северной Кореи стали успешно использовать при проведении масштабных работ. Армия оказалась удобным и эффективным орудием экономического строительства, “совершила трудовые подвиги и показала другим яркий пример”³⁵.

Кроме непосредственного вклада в развитие экономики страны, КНА вносит еще и косвенный — ее воины являются примером для рабочих и крестьян. Рабочий класс и здесь уступил свое место армии, из “идейного воспитателя” северокорейского народа превратившись в “воспитуемого”. Официальная пропаганда постоянно подчеркивает, что все трудовые подвиги были совершены корейским народом именно “под руководством армии”. Рабочих и крестьян постоянно призывают совершать трудовые подвиги в духе армейских, поддерживать “дух Канге” (по названию уезда, где было совершено множество трудовых подвигов за счет использования местных резервов), не опускать “факел Сонгана” (по названию передового сталелитейного объединения), участвовать в развертывании второго поступательного движения чхоллима (Чхоллима в корейской мифологии — крылатый конь, “способный преодолеть тысячу ли в день”. Первое движение чхоллима было провозглашено Ким Ир Сеном после Корейской войны, когда северокорейский народ должен был как можно скорее преодолеть разруху и восстановить хозяйство страны. Движение чхоллима было движением за ускорение темпов экономического строительства, досрочное выполнение планов и т.п. Второе движение чхоллима было провозглашено в конце 1990-х гг., когда КНДР вновь пришлось столкнуться с задачей восстановления экономики). Восхваляются целые города и районы, где “стиль жизни и борьбы воинов... стал движущей силой”³⁶: это, например, Тхэчхон, где был создан крупный электроэнергетический комплекс, состоящий из нескольких ГЭС, провинция Южная Хамген, где силами провинции была возведена ГЭС, ударными темпами восстановлено производство на нескольких заводах, открыты фермы и т.д.

Непрестанно говорится о том, что армия выполняет самые трудные и ответственные задачи экономического строительства; кроме того, в самые кризисные моменты армия готова брать на себя не только обеспечение безопасности государства, но и разрешение этих самых кризисных моментов. Политика приоритета военного дела предполагает, что в самые тяжелые годы армия должна не только “защищать главный фронт революции от опасности, но еще и брать на себя и выполнять больше работ”³⁷.

Кроме того, армия во многом находится на самообеспечении. Так, в северокорейской прессе постоянно упоминаются подсобные хозяйства, лесопитомники, птицефермы и рыбные хозяйства, принадлежащие различным частям КНА³⁸. Это позволяет сделать вывод о том, что если не целиком, то в большей мере народноармейцы сами снабжают себя продовольствием. Также военные зачастую своими силами строят для себя казармы, обеспечивают себя в бытовом плане (стирка, починка одежды и т.п.).

Следствием активной пропаганды армии и армейского духа, а также проникновения военных на ключевые управленческие позиции и активного участия их во всех сферах жизни общества стала милитаризация всего северокорейского общества.

Роль КНА в экономической жизни КНДР в будущем нельзя оценить однозначно. Военное управление в определенной мере и в определенный период может служить прекрасной опорой для экономики в годы кризиса — это доказывает и опыт других стран, в частности, Южной Кореи, где только благодаря жесткому правлению генерала Пак Чон Хи страна смогла совершить гигантский экономический рывок, именуемый теперь “корейским экономическим чудом”. Возможно, решение опереться на военных было единственно правильным с точки зрения сохранения северокорейского режима. Однако сейчас, когда перед выходящей из кризиса страной встают новые задачи модернизации и развития экономики, военная структура может оказаться нефункциональной, т.к. она слишком жесткая и негибкая. Кроме того, армия непригодна в деле развития межкорейских контактов — а именно по этому пути и пошла Северная Корея, решившись, например, на создание свободной экономической зоны в Кэсоне. Кроме того, что военная структура не предназначена для решения подобных задач, тем более на международном уровне, политика приоритета военного дела может просто-напросто отпугнуть иностранных (в первую очередь южнокорейских) инвесторов, решивших сотрудничать с КНДР.

Интересно, что сами северные корейцы придерживаются диаметрально противоположной точки зрения. Считается, что именно политика сонгун положительно влияет на процесс объединения страны и “заботится о Юге и его экономике”, обеспечивая мир и безопасность и предотвращая возникновение войны на Корейском полуострове.

Можно сделать вывод, что для успешной модернизации экономики страны и ее развития необходима помощь извне, главным образом со стороны Южной Кореи, а это требует изменений в самой государственной системе, и в первую очередь — отказа от милитаризированной структуры экономики и общества. Однако также несомненно, что властям КНДР было бы очень сложно сделать подобный шаг, так как это свидетельствовало бы об отказе от главной опоры режима. Военные, оказавшиеся сейчас наверху государственного аппарата, тоже не захотят так просто выпустить власть из своих рук и приложат максимум усилий, чтобы ее удержать. Вокруг страны на сегодняшний день действительно сложилась напряженная политическая ситуация: негативные высказывания со стороны властей США и РК, совместные военные учения Америки и Южной Кореи, которые проводятся на границе Севера и Юга и т.п. Этот момент как раз и используется правящей верхушкой в своих целях: в обществе (и небеспричинно) нагнетается страх перед угрозой военного нападения США, говорится о том, что без армии северные корейцы не смогли бы мирно строить свою жизнь, и т.п.

Таким образом, экономика Северной Кореи сейчас находится на перепутье — сохранение присутствия военных на всех структурных уровнях северокорейской экономики может стать тормозом в процессе дальнейшего развития, а “изъятие” военной составляющей из экономики КНДР может оказаться невозможным.

1. Так, например, в исследовании Института Мира США говорится о том, что количество жертв достигло 2—3 млн чел. — <http://www.usip.org/pubs/specialreports/sr990802.html>; официальной северокорейской статистики на этот счет не существует.
2. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-05.htm.
3. Деловая КНДР. М., 2008. Т. 8. С. 5.

4. Рассчитано по данным Министерства Объединения Кореи. — http://www.unikorea.go.kr/eng/default.jsp?pgname=AFFexchanges_statistics&brd_cd=eng0202&cat_cd=&main_uid=&file_nm=&page_n=1&sch_word_type=0&sch_title=&sch_attach=&sch_word=&sch_dt_type=&sch_begin_dt=&sch_end_dt=&contents_sub_board_list_search_item=0&contents_sub_board_list_search_value=#files.
5. По данным Министерства объединения РК. — www.unikorea.co.kr.
6. http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=20044.
7. *Ким Чен Ир*. Линия сонгунской революции — это великая революционная линия нашей эпохи, всепобеждающее знамя нашей революции. Пхеньян, 2007. С. 1.
8. Там же. С. 2.
9. Там же. С. 18.
10. Там же. С. 6.
11. Там же. С. 10.
12. Там же.
13. Нодон синмун. 2001. 25 апр.
14. Раньше в Пхеньяне утверждали, что первой организацией, основанной Ким Ир Сеном, являлась Трудовая партия Кореи (ТПК), созданная 10 октября 1945 г., а годом основания КНА считался 1948 г.
15. *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 3.
16. *Ким Бон Хо*. Великая эпоха сонгун. Пхеньян, 2004. С. 108 (на кор. языке).
17. Там же. С. 109—110.
18. Корея сегодня. 2007. № 1. С. 22.
19. *Ким Бон Хо*. Указ. соч. С. 112.
20. Vantage point. 2007. V. 3. March. P. 46.
21. Корея сегодня. 2007. № 4. С. 16.
22. *Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006. С. 85.
23. Vantage Point. 2008. January 2008. P. 44—55.
24. Дается по: CIA Factbook, доступна по адресу <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html>; а также по: Вооруженные силы и военная экономика стран Азии и Северной Африки. М., 2002. С. 309.
25. Деловая КНДР. М., 2008. Т. 8. С. 5.
26. <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html>.
27. <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kn.html>.
28. Вооруженные силы и военная экономика стран Азии и Северной Африки. М., 2002. С. 310.
29. *Курбанов С. О.* Основные положения северокорейских “идей приоритета армии” — сонгун // Корея: полуостров и вызовы глобализации. Сб. ст. М., 2006. С. 79.
30. См., напр.: *Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен, М., 2006. С. 83.
31. *Аптеева О.В.* Сонгун — политика военного социализма // Корея: взгляд из России. Сб. ст. М., 2007. С. 115.
32. *Нада Такаси*. Корея эпохи Ким Чен Ира. Пхеньян, 2000. С. 59—60.
33. *Ким Чхоль У.* Военноориентированная политика Ким Чен Ира. Пхеньян, 2002. С. 95.
34. Корея сегодня. 2008. № 5. С. 4.
35. *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 20.
36. Корея сегодня. 2008. № 5. С. 3.
37. *Ким Чхоль У.* Указ. соч. С. 92.
38. См., напр.: Корея сегодня. 2003. № 6. С. 39.

Теория и методология

Запад и Восток: два подхода к выживанию Синтез противоположностей по мере роста дефицита ресурсов

© 2009

Л. Бадалян, В. Криворотов

"Те, кто помнят прошлое, становятся мастерами будущего."

Сьма Цянь,

Первый великий историк Китая (са 145-86 до н.э.)¹

В статье показано, что идет синтез западной и восточной парадигм, формируя новую экономику малых серий. Новые суперточные технологии роботики и нано, родившиеся на Западе, открывают дорогу для возрождения восточной ресурсосберегающей парадигмы на новом витке развития.

Ключевые слова: нефть, энергия, демографическая плотность, глобализация, Запад-Восток, экология.

Введение. Хорошо известно, что многие достижения западной технологии, включая порох, книгопечатание, компас и т.п., пришли с Востока, прежде всего из Китая и стран арабского мира. Парадоксальным образом эти открытия привели к военному и технологическому доминированию Запада, но не предоставили аналогичных преимуществ Востоку. Мы показываем, что это связано с фундаментальным различием приоритетов в отношениях между обществом и технологиями. Технологии и связанный с ними рост производительности труда находились в центре внимания на Западе, в то время как на Востоке основной упор ставился на сохранение общественного спокойствия.

Исторически восточные и западные общества решали одну и ту же проблему — прокорма увеличивающегося населения. Однако их методы кардинально различались, как показано известным географом Джаредом Даймондом (Diamond, 1996), в значительной мере, под влиянием геоклиматических особенностей территорий. Как правило, последовательные западные общества были сформированы "под" доминантную технологию своего времени — см., например, разницу между современным потребительским обществом типа США, где основ-

Люси Бадалян, научный сотрудник Лондонской школы экономики. E-mail: badalien00@gmail.com.

Виктор Криворотов, научный сотрудник Лондонской школы экономики. E-mail: badalien00@gmail.com

ной ресурс — нефть, и индустриальной Британией, где правил уголь. Восточные общества намного более консервативны и зачастую жертвовали технологическим прогрессом из соображений социальной стабильности. Так, Индия Моголов мирно сосуществовала с более ранней кастовой системой.

Вплоть до XVI в. восточный путь развития можно считать более успешным, поскольку он предоставлял более высокий уровень благосостояния на фоне значительной плотности населения. Однако, как показано рядом авторов (Clark, 2007, Findlay, O'Rourke, 2008), начиная с 1850-х гг., развитие западного типа стало приносить более высокий уровень эволюционного успеха. После скачка в производительности труда, достигнутого благодаря растущей энергоемкости ведущих технологий, индустриальное общество преодолело мальтузианские ограничения, что выразилось в опережающем росте зарплат по отношению к земельной ренте. Это было достигнуто за счет значительной территориальной экспансии, экономий масштаба и использования невозобновляемых ресурсов, зачастую изъятых из колониальных и постколониальных территорий Востока.

Сегодня удивительный успех Китая привлекает новое внимание к традиционной восточной модели, подчеркивая ее драматическое отличие от Запада.

Перечислим ведущие узлы расхождений:

1. Рост мощностей как антитеза росту точности энергетического применения. Исторически вместо того, чтоб наращивать масштабы использования энергии, как это происходило на Западе, восточные общества привлекали свои значительные ресурсы труда. Так, новые потребности в энергоемкости покрывались не путем увеличения мощности и затрат энергии, а путем роста точности применений.

2. Большое как антитеза малому. Уникальный западный институт примогенитур, где только старший сын получал землю в наследство, стимулировал экспансию младших сыновей наружу, на захват и освоение новых территорий. В отличие от этого традиционные формы наследования дробили размер земельных владений на Востоке. Это толкало к поиску способов повышения эффективности использования. Тренд на дробление хозяйств диаметрально противоположен западному тренду на укрупнение и экономию масштаба. В частности, в Китае необходимость выжить на крошечных наделах привела к удивительной гибкости в использовании особенностей каждой геоклиматической ниши.

3. Хозяин природы как антитеза временному владельцу. Восток и Запад различались также в отношении к окружающей среде. Конечно, в обоих случаях экономическая активность привела к невосстановимым изменениям экологии. Например, и на Востоке и на Западе были сведены леса с вытекающей отсюда эрозией. Однако восточная традиция выращивания взаимозависимых культур оказалась более щадящей для окружающей среды, если сравнивать с западным стилем хозяйства, зависимого от немногих монокультур. В традиционном Китае эрозия начального сведения лесов в долине Яньцзы была значительно смягчена за счет строительства террас и прочих форм аккомодации к особенностям среды.

4. Территориальная экспансия как антитеза большим многопоколенным семьям. В соответствии с конфуцианской идеологией, в Китае не щадили ресурсов труда на улучшение семейного участка с целью передачи его следующему поколению. В противоположность этому механизация западного типа требовала униформности полей. В рамках экспансионистской западной парадигмы с человеком как хозяином природы, по мере истощения имеющихся, на горизонте всегда манили новые земли для освоения.

5. Монокультурная экономика в отличие от тщательно отобранных групп взаимозависимых культур. В целом монокультурная и крупномасштабная экономика Запада представляет собой разительный контраст многокультурной микромасштабной экономике Востока. Последняя процветала за счет культивации многих взаимозависимых специализированных культур на крошечном семейном участке. Так, рисовые чеки одновременно служили для выращивания рыбы и прочих источников остро необходимых белков.

Вплоть до сегодняшнего дня стандартизация и механизация, требующие монокультурности хозяйства и экономий масштаба, открывали путь к драматическому росту производительности, необходимому для выживания растущего населения планеты. Однако сегодня нарастающее давление на окружающую среду на фоне глобального потепления и нехватки невозобновимых ресурсов указывает на достижение экзогенных пределов для экономики западного типа. В работе показано, что рост технологически развитой экономики малых серий может позволить возрождение шатающегося отношения к экологии, типичного для традиционных экономик. Это предполагает снижение роли доминирующих сегодня ресурсо- и энергозатратных монокультур.

Подчеркнем, что возникновение новой экономики малых серий в нашем будущем предполагает не победу одного над другим, а, скорее, **слияние** западного и восточного экономических стилей. Современные точные орудия труда и малой механизации, основанные на роботике и нанотехнологиях, созданы в рамках западной парадигмы. При изменении парадигмы освоения с упором на суперточные, шатающиеся технологии они создают возможности для создания принципиально новой экономики супер-продуктивных “малых серий”. Потенциально это открывает возможности освоения слабозаселенных территорий. В настоящее время они остаются непригодными для культивации, по причине отдаленности или слабой производительности, недостаточной для оправдания затрат на освоение в рамках современной экономики. Новые технологии предоставляют возможности для значительного удешевления коммуникаций, в частности, путем построения “отделенных” поселений вне централизованных электро и прочих линий передач. Это открывает путь к самообеспечению энергией и ресурсами “на местах”. Тем самым возникают возможности для культивации “дикой” природы, а также драматического улучшения почвы, соединяя воедино новое и хорошо забытое старое².

Возрождая традиционный восточный стиль хозяйства, но на принципиально новом уровне технологической оснащенности, традиционно связываемом с Западом, новый экономический стиль “малых серий” может привести к значительному росту производительности на теперешних “неудобьях” благодаря росту точности применений энергии. Эта альтернатива массивному расходу ресурсов и энергии становится крайне привлекательной на фоне процессов глобального потепления. Ее потенциал становится все более очевидным на практике стран Востока (*Gill Unal, 2008*). Особо важным становится поддержание социальной стабильности под ударом растущих дисбалансов глобализации.

Часть I. Западный путь.

1.1. Экзогенные пределы нефтяной экономики и наше будущее

Растущие дефициты нефти в настоящее время смягчены паузой дефляционной депрессии. Однако, невзирая на ее длительность и тяжесть, нефть остается доминантным неэластичным ресурсом нашего времени. Недавний короткий

всплеск инфляции с 2004 г. по 2008 г. показал зависимость всей экономики от роста цен на нефть, производящего колоссальное инфляционное давление на широкий спектр продуктов. Прежде всего, это относится к крайне энергоемкому производству еды и ресурсов. Это вызывает сомнения по поводу способности современной нефтяной экономики накормить миллиарды людей из развивающегося мира, а также ее экзогенных пределах.

В этом контексте следует отметить, что ситуация истощения зоны культивации, с которой мы сталкиваемся сегодня, не является чем-то экстраординарным и не раз уже встречалась в истории. На Западе известно по крайней мере пять случаев аналогично острых недостатков доминантного ресурса эпохи, приводивших к полной перемене господствующего стиля жизни и связанной с ним экономики.

Острые эпизоды дефицитов на фоне истощения зоны освоения приводили к драматической смене неэластичных ресурсов с отказом от того, что недавно казалось незаменимым. Можно отследить хорошо упорядоченную последовательность остро необходимых неэластичных ресурсов эпохи. Среди них:

1. Аллювиальные почвы в крошечной зоне дельт великих рек — от Тигра и Евфрата до Нила и Хуанхэ. Использование этого неэластичного ресурса предоставило возможность для ирригационного земледелия первых цивилизаций;

2. Следующей зоной освоения стала каменистая гипсовая почва засушливого Средиземноморья. Новые технологии обработки позволили культивацию оливы и винограда — экономического основания классической античности Греции и Рима;

3. По мере сведения лесов и массовых распашек плодородные, но тяжелые глинистые почвы предоставили базу для натурального хозяйства средневековья Европы;

4. Древесина и ветро/гидроэнергия стали основным ресурсом раннеиндустриальной эры, предоставив возможность для мануфактур, атлантической торговли и океанского судоходства, включая первичное освоение Америки;

5. Уголь эпохи индустриализации Британии и Pax Britannica;

6. В настоящее время — нефть.

Авторы (Badalian, Krivorotov, 2006, 2007) показали, что вплоть до настоящего времени проблема истощения ресурсов на Западе всегда решалась путем территориальной экспансии. После тяжелейшего турбулентного периода войн и потрясений на новом месте возникала следующая, зачастую намного более продуктивная экономика, способная на освоение новой зоны с ее последующим плотным заселением. Это включало комплекс более мощных технологий, уникальных социальных и властных институтов периода, своих особых отношений собственности, позволяющих присвоить новый тип богатства и т.п. В результате массовой перестройки общества открывались для использования девственные ресурсы новой территории. Они предоставляли базу для энергетического рывка, открывавшего для освоения богатейшую новую геоклиматическую зону, ранее не поддававшуюся продуктивному использованию.

Исторически на Западе хорошо выделяется прогрессия источников энергии с отчетливым скачкообразным ростом энергопотребления. Доступ к все большему энергетическим ресурсам позволял освоение все более обширных и негостеприимных территорий.

Среди этих ресурсов:

1. Мускульная сила, прежде всего людей, объединенных в большие рабочие коллективы первозидвильзаций крошечного региона суперплодородных дельт великих рек;

2. Вол и аналогичные тягловые животные античности с центром территории освоения в Средиземноморье;

3. Лошадь средневековой Европы, позволившая свести леса и распахать тяжелые, но плодородные глинистые почвы;

4. Ветро и гидроэнергия для мельниц и океанских кораблей раннеиндустриальной эпохи в Европе. Для освоения открывается Атлантическое побережье, включая Америку;

5. Уголь индустриальной эры, начавшейся в Британии и постепенно распространившейся на мировые зоны умеренного климата, с культурным пакетом колонизации белыми поселенцами;

6. Нефть, которая открыла для освоения колоссальные просторы США, по большей части, в зоне экстремального климата, ранее находившиеся вне пределов досягаемости традиционного фермера. В настоящее время, нефтяная экономика распространяется по развивающемуся миру

Исторически рост потребления энергии позволял значительный рост производительности труда, по большей части — через разработку трудосберегающих технологий. Это было особо важно на Западе, где размер среднего участка земли в целом рос в процессе экспансии на новую территорию. Растущее применение машин толкало к униформным монокультурным и крупномасштабным полям³.

Однако сегодня этот традиционный и хорошо отработанный путь к разрешению ресурсных недостатков через введение более мощных и энергоемких технологий может оказаться исчерпанным. Прыжок к следующему уровню энергопотребления, позволяющий экономический рост за счет монокультурных экономий масштаба, может оказаться невозможным — идущий процесс глобального потепления накладывает суровые экзогенные ограничения сразу на обе составляющие процесса. Под вопрос одновременно ставятся возможности увеличения энергозатратности, а также экспансии на новые, пока не освоенные территории, достаточно однотипные и богатые водой и удобрениями, чтобы позволить дальнейшее распространение монокультурного типа хозяйства.

1.2. Запад и Восток — рост точности как альтернатива росту энергоемкости.

Тем не менее, ситуация далеко не безнадежна. Законы физики предоставляют выход из современной ситуации, где рост энергоемкости становится невозможным из-за экзогенных ограничений. Известно, что прироста энергопотребления можно достичь и наращиванием мощности, как это происходило до сих пор, и увеличением точности приложения энергии. Второй вариант представляет собой альтернативу западному пути, где богатство создавалось благодаря скачку в использовании энергии. Это отнюдь не красивая мечта. Де-факто это уже активно практиковалось на Востоке.

Например, как указано выше, эволюционная линия развития традиционного Китая базировалась на увеличении точности и введении новых культур и орудий труда. Производство в целом оставалось ручным. Это отнюдь не закрывало дорогу освоению новых территорий, которое, вплоть до XIX в, происходило более или менее синхронно с Западом.

1. Хорошо известно, что традиционный Китай вплоть до недавней вестернизации не имел скачкообразного прироста энергопотребления, столь характер-

ного для западного пути развития. Например, в сельском хозяйстве Китая практически не применялась лошадь, которую в основном содержали для военных применений⁴. Обладание суперпродуктивной культурой "поливного риса" лишило смысла кормить животное, которое потребляло почти столько же зерна, сколько пять-шесть работников⁵. Вместо этого китайская экономика развивалась на ручном труде и быках, которых можно было кормить травой. В результате китайский уровень плотности населения, достигнутый на больших территориях, остается беспрецедентным в истории⁶. Аналогичный уровень плотности населения известен только для эпохи первозивилизаций. Однако территории, которые могли его поддерживать, были несоразмерно меньше и охватывали только крошечную зону дельт великих рек. Таким образом, в противоположность энергозатратному Западу, восточная экономика выработала способность осваивать новые территории малыми средствами. Производительность земли росла благодаря увеличению точности обработки и привлечению новых культур и комбинаций культур, учитывающих территориальные особенности.

2. Можно отметить и другие результаты увеличения уровня точности обработки. Например, западному тренду роста размера полей под монокультурами противостоял китайский вариант уменьшения полей по мере роста плотности популяции. Возникали высокоспециализированные мини-хозяйства, все более гибкие в своей хозяйственной деятельности. Малый размер толкал к использованию любых особенностей разнообразных геоклиматических ниш, которыми богат Китай. Для каждого региона искали уникальные сосуществующие наборы агрикультур. Например, террасы для рисовых чеков использовались для аквакультуры, а их склоны укреплялись путем выращивания шелковицы для шелководства, которым в основном занимались женщины. Малоизвестен факт, что Китай стал одной из первых стран с широким использованием растений, привезенных из Америки Колумбом, начиная с XVI в. Такие высокопродуктивные культуры, как картофель позволили заселение холмов внутренней территории, слишком засушливых для выращивания риса.

3. Следует подчеркнуть, что высокий уровень специализации хозяйств налагал особые требования на общество. Крошечные участки не могли удовлетворить все нужды своих владельцев и не могли функционировать в условиях натурального хозяйства. Здоровье экономики зависело от ее способности поддерживать значительный уровень торговли и обмена по всей территории страны и зачастую вне ее, по Великому Шелковому Пути. И действительно, такая широкомасштабная торговля, прежде всего по могучей Яньцзы, оформилась к моменту, в целом синхронному с европейским периодом географических открытий, также известному как раннеиндустриальная эпоха⁷. Связанный с этим рост отдачи от земли, вкупе с повышением эффективности по мере углубления специализации хозяйств, привел к драматическому всплеску популяции. Население Китая утроилось за два столетия (1650—1850). Очевидно, что поддержание такого уровня торговли было непросто и требовало значительного уровня политической унификации. Многокультурная экономика объединенного Китая процветала, а периоды политической борьбы ассоциировались с массовым страданием населения. Отметим уникальную адаптацию Китая, обеспечившую непрерывность языковой коммуникации между отдаленными территориями, несмотря на их взаимно непонятные диалекты. Как известно, иероглифическая система не связана с произношением и понятна по всему культурному ареалу, включая Корею и Японию.

4. Исторически и западная и восточная модель освоения привели к значительному обезлесению и нарушениям экологии. Леса сводились с целью освободить землю для культивации, а также на топливо. Тем не менее, в противоположность унифицированному подходу крупномасштабных гомогенных посадок западного типа, для которых выравнивали ландшафт, в восточной модели освоения использовались малейшие особенности территории благодаря поиску и культивации уникальных подходящих пород и их взаимодополняющих комбинаций. Поэтому исторически на Востоке развивалось более бережное отношение к среде. Например, обезлесенные холмы Южного Китая были бы более подвержены эрозии в рамках монокультурного хозяйства западного типа. В Китае же они крайне трудозатратным образом были обустроены в террасы, в основном под рисовые чеки. Такое отношение к окружающей среде — это отличительная черта мультикультурного трудозатратного подхода как противоположности монокультурному трудосберегающему подходу технологически продвинутого Запада. Примеры далеко не ограничены Китаем и включают: культивацию “трех сестер” или взаимодополняющих культур кукурузы, кабачков и бобов индейцами, или “terra preta do indios”, искусственно обогащенную и крайне продуктивную почву доколумбовой Амазонии. Согласно недавним археологическим раскопкам, она могла кормить до 50 млн чел. на природно бедных подзолистых почвах, напоминающих нечерноземную полосу России. Самое удивительное, что плодородие искусственно улучшенных индейцами земель сохранилось по сей день. Слабое выщелачивание полезных веществ в воду представляет собой разительный контраст с быстрым выщелачиванием современных удобрений, вымываемых в водоемы, где они представляют угрозу для экологии.

5. Подчеркнем, что, несмотря на значительное развитие и рост производительности, китайское сельское хозяйство до сих пор остается на уровне ручной обработки садов и огородов в стиле классической античности Запада. В частности, по сей день отсутствует эффективное применение земель, не подходящих для растениеводства. Традиционно нужда в протеинах покрывалась за счет растений, в основном сои. В противоположность этому непрестанное освоение “неудобий” в рамках традиционного земледелия привело к технологическому прогрессу на Западе, и тем самым непрямым образом стало причиной его теперешнего доминирования (Diamond, 2003). Как указано выше, в списке этих “неудобий” атлантическое побережье — скотоводство, прежде всего, овцеводство, стало базой раннеиндустриального производства, особенно ткачества и производства колбас и т.п. для крупномасштабной морской торговли (bulk trade). Затем, начиная с Промышленной революции, были найдены применения для внутренних территорий в зоне умеренного климата, до пара они не имели удобного доступа по рекам и морю. Их хозяйственная ценность резко выросла по мере культивации т.н. “колониальных” агрикультур (сахара, табака, хлопка и т.п.), вывозимых совместно с ресурсами “глубинки” по новой инфраструктуре железных дорог, далее дополненной пароходами. Новая экономика была отработана в островной Британии и далее распространилась по Pax Britannica. И, наконец, современная нефтяная экономика еще более улучшила доступ к отдаленным регионам и их хозяйственную ценность, начиная от Калифорнии, Великих Прерий и Флориды. С применением нефтехимикатов и ирригации оказалось возможным резко увеличить экономическую отдачу этих земель, в основном находящихся в зоне экстремального климата. Сегодня распространение нефтяной экономики вне пределов начальной зоны в США намного увеличило уровень потребления по всему миру.

Многие народы, включая китайцев, переходят от растительной диеты к более разнообразному типу питания⁸. Очевидным образом пришла пора для освоения обширных малодоступных просторов, которых еще много в Китае и в других странах, особенно в развивающемся мире, хоть в настоящее время они пока представляют слабый хозяйственный интерес. В потенциале это предполагает разработку новых, экологически чистых и технологически развитых методов животноводства и аквакультуры и т.п., с целью производства протеинов. Эта задача пока ждет своего решения.

Как видим, и восточный, и западный путь сейчас натываются на серьезные внешние ограничения — на повестке дня их взаимодополнительное объединение в совершенно новый и намного более современный стиль хозяйства, открывающий новые зоны освоения.

Для будущего особо важен потенциал отказа от прироста энерго и ресурсоемкости в пользу роста точности применения. Это позволит использовать естественные особенности среды, и исторически было связано с более бережным отношением к экологии. Тем не менее, до сих пор, эти особенности традиционной китайской экономики остаются не замеченными исследователями и игнорируются практиками на фоне активной индустриализации страны по западным образцам. Трудно переоценить их важность в современной ситуации дефицита невозобновляемых ресурсов. Дальнейшее развитие традиционной китайской хозяйственной парадигмы на новых технологических основаниях предоставит возможность слияния двух, казалось бы, диаметрально противоположных подходов: западного, технологического, и восточного, ресурсосберегающего. На пороге дня энергосбережения благодаря росту точности приложения энергии параллельно с поиском продуктивного применения территорий, не подходящих для растениеводства. Это актуально для Китая и всего мира, прежде всего, для развивающихся стран, где все более обостряется проблема производства адекватного количества пищи.

Вряд ли можно считать случайностью необыкновенный успех современного Китая, которому в опоре на исторические особенности удалось развить одну из самых мощных экономик современности. Однако нельзя недооценивать и слабости Китая. Среди них — недостаточное освоение земель, непригодных для растениеводства, по-видимому, из-за неудач аккомодации местных кочевых и скотоводческих народов. Немаловажна и высокая цена разрушения окружающей среды, которой оплачивается индустриализация, идущая по западному образцу. Сегодня страна находится между Сциллой западной парадигмы освоения, которая все более проявляет свою ограниченность по мере истощения невозобновимых ресурсов, и Харибдой традиционного китайского способа хозяйствования, который уже освоил все подходящие для него территории.

Выход в возрождении традиционной парадигмы “малых серий” высокоспециализированной экономики и распространении ее на значительно более обширную территорию, благодаря умелому использованию самой современной и высокоточной западной технологии, прежде всего, роботики и нанотехнологии. Высокоспециализированная и разнообразная экономика Китая продемонстрировала свои преимущества в прошлом, но ее истинный расцвет в будущем, позволяя сохранение окружающей среды и рост социальной стабильности вследствие более полной занятости населения. Этот потенциал пока не реализован. Сегодня Китай продолжает активно загрязнять окружающую среду, перенимая западные технологии, как правило, наиболее энерго- и ресурсоемкие. Помимо загряз-

нения среды, упор на вытеснение труда представляет собой угрозу социальной стабильности, традиционной ценности Китая.

1.2. Экологические катастрофы прошлого.

Следует подчеркнуть, что современная ситуация ресурсных дефицитов далеко не уникальна. Истощение экосистемы, приводящее к неспособности имеющейся экономики к пропитанию возросшего числа людей, уже неоднократно встречалось в прошлом. К счастью для нас, несмотря на значительные страдания людей, а также драматические пертурбации и изменения в привычном образе жизни, до сих пор всегда находились способы обойти мальтузианские дефициты и экологические ограничения.

В рамках европейской линии развития большинство историков выделяет шесть уникальных периодов. Незамеченным остался тот факт, что каждый из них развивался в своей специфической геоклиматической зоне.

Эти периоды включали:

1. первые цивилизации в крошечном ареале дельт великих рек;
2. классическую античность Греции–Рима в засушливом Средиземноморье;
3. средневековые Западной Европы;
4. эру географических открытий с эпицентром на Атлантическом побережье;
5. индустриальную эпоху Британской империи и распространение белых поселений по мировым регионам умеренного климата;
6. современную нефтяную экономику массового производства американского типа, в настоящее время перенимаемую по всему миру.

Каждый из этих периодов был уникален, с заметным перерывом постепенности между ними — в виде отчетливых и разрушительных “темных веков”. В истории нет недостатка в войнах, однако, события между эпохами были настолько экстраординарны и сопровождались таким кардинальным пересмотром образа жизни на фоне колоссальных потрясений и массовых переселений народов эпического масштаба (*Völkswanderungen*), что они остались в памяти поколений.

1. Свидетельства очевидцев и археологические данные говорят о разрушениях во время т.н. Катастрофы Бронзового века между XIII и XII вв. до н.э.

2. Этому не уступает не менее впечатляющий напор колоссального потока варварских нашествий, идущих волнами от падения Рима в IV в. н.э. и вплоть до оседания викингов в Европе после нашествий VIII—IX вв.

3. Затем следует длительный тревожный период между Великой Чумой 1348 г., которая унесла от трети до половины населения Европы, и вплоть до конца войн реформации, т.н. религиозных войн XVI в. Этот беспокойный и кровавый период включал также столетнюю войну между Англией и Францией (1337—1453). Войны реформации привели к переделу атлантического побережья, до того не привлекавшего особого внимания из-за малой пригодности его земель к традиционному земледелию.

4. Следующей была эпоха интенсивного соперничества Британии и Франции в XVIII в. Войны между ними нередко велись далеко от Европы, например, в Северной Америке и явились важным, часто недооцениваемым фактором Американской революции. Сразу после последней произошла также Французская революция из-за перенапряжения Франции в борьбе и связанным с этим финансовым и экономическим кризисом на фоне эпидемии голода. Период потрясений завершился наполеоновскими войнами, которые часто называют мировой войной XIX в. С потерей американских колоний провалились надежды Британии на по-

лучение древесины, железа и прочих стратегических ресурсов из-за моря. Это толкнуло страну к индустриализации и массовому использованию технологий коксования угля, известных с начала XVIII в.

5. Формирование массового общества XX в. сопровождалось серией великих революций и двумя мировыми войнами.

6. И, наконец, сегодня идет война с терроризмом, возможное начало очередного периода неустойчивости и потрясений на фоне массивных миграций, где целые страны порой существуют на заработки мигрантов, вынужденных уехать далеко от дома.

1.3. Внутренняя логика перехода к новому ресурсу.

Исторически эпоха кончалась, когда общество и доминантная экономика времени оказывались перенапряжены до предела и неспособны на резкий рост производства для удовлетворения потребностей растущего населения. В этот период развивались дефициты доминантного неэластичного ресурса периода, которые приводили к всплеску инфляции. За этим следовали экологические катаклизмы, по мере того, как нехватки толкали людей на освоение неудобий с сопутствующими разрушениями. Среди недавних примеров таких неэластичных ресурсов эпохи — уголь XIX в. и нефть XX в. Среди более ранних примеров — аллювиальная земля для ирригационной агрикультуры первых цивилизаций.

Удивительно, но факт, та страна, которой удавалось вырваться вперед во время этих потрясений, как правило, избавлялась от удушающей зависимости от недавно неэластичного и, казалось бы, незаменимого ресурса — к концу эпохи он становился крайне дорогим и дефицитным. Среди примеров, после 1950-х гг., пережив две мировые войны, процветающее потребительское общество США продолжало использовать значительные количества угля. Но для США это был не основной ресурс, а всего лишь один из заменителей нового неэластичного ресурса эпохи, которым стала, конечно же, нефть. Аналогичным образом индустриальное общество Британии резко снизило свою зависимость от древесины, основного ресурса предыдущего периода, которую до этого приходилось выращивать на восстановимых плантациях (сорриси woods) или привозить издалека, попадая в стратегическую зависимость от экспортеров, прежде всего, Северной Европы. Или классическая античность Греции—Рима процветала на оливке и винограде, поскольку засушливое Средиземноморье не подходило для выращивания зерна. Зерно тем временем привозили из Египта, из зоны богатых аллювиальных земель, являвшегося одним из эпицентров предыдущего периода и оставшегося эпицентром ирригационного земледелия в стиле первовцилизаций после его захвата Римом.

Есть и другие примеры драматической смены основных ресурсов между эпохами. Пэттерн жесток. Основной ресурс уходящей эпохи стоял в центре внимания, от наличия его зависели жизни людей и за него велись войны. И вдруг после периода колоссального страдания людей, он резко терял свою стратегическую ценность. Замещая доминантную экономику уходящего периода, вырастала новая экономика вокруг совершенно другого ресурса, который постепенно становился жизненно важным и далее неэластичным. Конечно, старый ресурс остается в использовании, но наряду с другими, в тени и незаметно. Он теряет свою незаменимость, а также статус центра всеобщего внимания.

Например, в начале XIV в., практически все подходящие земли в Европе и даже значительное количество почти бесплодных “неудобий” были очищены от леса и распаханы с большим ущербом для экологии. Затем наступил печальный

момент, когда, столкнувшись с ситуацией острой нехватки продуктивных земель, средневековое натуральное хозяйство оказалось не в состоянии поддерживать дальнейший демографический рост. “Лишнее” население хлынуло вовне, начав колоссальную территориальную экспансию, длившуюся от X до XIII вв.: в Палестину; на славянские земли; в крестовый поход против альбигойцев и катаров, в результате чего к Франции натурального хозяйства средневековья были присоединены южные территории, часть более раннего уклада оливки-вина Средиземноморья и т.п. Несмотря на фонтанирование людьми наружу и значительную территориальную экспансию, перенаселение приводило к регулярному голоданию.

В начале XIV в. недавнее процветание, еще свежее в памяти людей, сменилось долгим страданием, начиная с экологического катаклизма десятилетий холода и дождей. Голод ослабил население иммунологически, вероятно, многократно усилив летальность Великой Чумы 1348 г. По различным оценкам, она унесла от трети до половины населения Европы. Тем самым острота земельных дефицитов была временно снята.

1.4. Формирование следующей экономики на базе нового ресурса.

Естественно было бы ожидать, что по мере падения демографического давления старая экономика средневековья восстановится более-или менее в первоначальном виде. Этого не произошло. Следующая экономика раннеиндустриального периода была построена на совершенно других основаниях. Земли, которые недавно так ценились, что люди, не имея другого пути выживания, пахали их, несмотря на практически нулевую отдачу, были заброшены. Леса, однако, не восстановились.

Ландшафт Европы был преобразен — вместо лесов, типичных вплоть до IX в., после XIV в. она покрылась лугами. Животноводство, прежде всего направленное на производство шерсти, и только потом, как побочный эффект, мяса, наряду с прочими раннеиндустриальными промыслами более чем покрыло нужду в хлебе насущном. Это оказалось весьма кстати. На истощенной земле старых и новых распахов уходящего натурального хозяйства средневековья уже нельзя было вырастить адекватное количество зерна, чтоб оправдать затраченный труд. Тем временем исчезновение лесов, которые почти полностью свели после X в., создало новые потребности. Рыба, мясо и древесина, которые раньше можно было взять в ближайшем лесу или речке, превратились в ценные продукты, которые пришлось покупать и продавать. Так, еще с XII—XIII вв. рост рынков стимулировал судоходство для крупнотоннажной торговли, прежде всего, продовольствием и текстилем (bulk trade). Под давлением необходимости возникли ранние формы банковского дела. Генуэзские торговцы, приезжавшие на ежегодные ярмарки в Шампани, могли торговать так далеко от дома только благодаря годовым линиям кредита в рамках рождающейся мировой финансовой системы Латинского Христианства, которая покрывала пространство от Франции до Палестины. Тем временем нужда в строительстве и содержании большого флота привела к драматическому перераспределению политической власти и влияния. Пошел рост мощных национальных государств на фоне падения влияния итальянских городов.

Элеонора Карус-Вилсон (Carus-Wilson, 1941) указала на XIII в. как начальную дату технологической революции раннеиндустриальной эпохи. Это логичное, хоть остающееся спорным, утверждение она обосновала данными, свидетельствующими о резком росте коммерческих применений для мельниц. Энергетический переход от лошади и прочих тягловых животных к использованию силы ветра и воды был особо заметен и драматичен на Атлантическом побережье.

Это был регион на дальней периферии средневековой экономики, не обеспечивавший нужной продуктивности натурального зернового хозяйства. Однако в процессе колоссальной технологической и социальной трансформации переходного периода Атлантическое побережье приобрело новую экономическую важность как центр рождающейся экономики раннеиндустриального периода крупнотоннажного судоходства и торговли. Продукты животноводства, прежде всего шерсть, привели к росту раннеиндустриального производства, предоставив занятость большому количеству людей. Благодаря росту морской торговли и падению стоимости фрахта зерно могло быть дешево доставлено из других регионов, прежде всего, из Восточной Европы. Нужды зарождающейся экономики обслуживались Ганзейской лигой начиная с XIII в. Неудивительно, что их монополия, выросшая на торговле зерном и соленой рыбой, оборвалась с приходом Великой Чумы 1348 г., возвестившей необходимость еще более драматических перемен.

Благополучный конец переходного периода наступит много позже, когда новая экономика обретет достаточную силу и станет способна прокормить и занять растущее население. Но сперва пришлось решить ряд фундаментальных проблем. Особо важен стал вопрос о собственности — делилось атлантическое побережье, которое неожиданно обрело колоссальную ценность. Новоявленная важность прежних неудобий привела к длительным войнам и социально-политической борьбе — землю перекраивали многократно. Удивительно, но факт, так называемые религиозные войны XVI в. больше концентрировались на вопросах раздела территорий, соединяя в военных союзах партнеров с антагонистическими верованиями. Например, католический кардинал Ришелье поддерживал и финансировал протестантские армии против католических Габсбургов.

Рост населения Франции возобновился только в 1715 г. по мере окончательного разрешения вопросов о владении новыми богатыми территориями. Экономический рост базировался на новой инфраструктуре крупномасштабной торговли, соединившей в плотную систему рек и каналов подступы к внутренним районам и важнейшие выходы к морям. Возникли удивительные инженерные сооружения, крайне дорогостоящие и, казалось бы, намного опережавшие свое время. Строительство их стало возможно благодаря развитой системе налогообложения, также в пору более современному государству. Во главе стоял король, активно занимавшийся маркетингом самых последних и роскошнейших товаров модных французских королевских мануфактур, лучших во всей Европе.

Это не единственный пример драматического перехода, который, скорее правило, чем исключение в тяжелый период между эпохами. Приведем другой пример, много ближе к нашему времени, инфляционного пика цен на уголь, достигнутого в 1913 г. Еще задолго до этого под давлением инфляционной спирали дефицитов шел активный поиск всех возможных источников угля, основного неэластичного ресурса времени. Приходилось пробивать намного более глубокие шахты или, наоборот, учиться использовать неглубокие, но бедные месторождения, еще недавно считавшиеся нерентабельными. Это создало новые нужды, включая вентиляцию суперглубоких шахт, а также лифты и конвейеры для транспортировки людей и грузов. Старая технология не годилась. Использование паровых машин глубоко в шахте не приветствовалось из-за пожароопасности. Со временем острая необходимость в новых источниках энергии привела к развитию электрических генераторов на дизеле. Тем временем для поверхностных карьеров нужна была мощная техника, способная обнажить и извлечь тонкие неглубокие пласты. Это тоже превышало возможности пара, требовавшего прокладки

рельсов и подъездных путей. Возник импульс для дизельных экскаваторов и бульдозеров, а также мощной взрывчатки — надо было поднимать мощность и гибкость применения машин, а также уровень механизации шахтерского дела.

Параллельно с ростом цен на уголь росла инфляция цен на продовольствие, остро нужное растущим индустриализующимся городам, куда хлынул поток мигрантов из села. Рост цен на удобрения шел еще быстрее и болезненнее, чем рост цен на продовольствие. Аналогично нашему времени удобрения были критичны для увеличения отдачи от земли.

Обе эти потребности в дешевых удобрениях и взрывчатке были удовлетворены единственным блестящим изобретением, за которое Ф. Хабер получил вполне заслуженную Нобелевскую премию. Первое коммерческое производство нитратов “из воздуха” началось в 1913 г., полностью изменив течение XX века.

С удобрениями пришлось пока повременить, вплоть до конца Второй мировой войны, пока не была отработана линия взрывчатки и, как можно догадаться, отнюдь не в гражданском строительстве. Внезапная дешевизна и доступность ключевого ингредиента взрывчатки взломала британский контроль над торговлей нитратами. Независимо от причин, приведших к Первой мировой войне, типичный для нее массовый длительный артобстрел вряд ли был возможен до изобретения доктора Хабера. Все, что последовало далее, представило собой логическую раскрутку причинно-следственных цепочек. Мощные точные пушки с многокилометровым диапазоном боя нуждались в воздушной разведке. После неудачной попытки использовать дирижабли, наступило время “гадкого утенка” — самолета братьев Райт. Это привело к лихорадочной спирали развития — 4—6 поколений самолетов за пять лет войны. Параллельно, шло развитие прочей техники на двигателе внутреннего сгорания. Британия вошла в войну с 600 грузовиками, а кончила ее с 60 000. Нет сомнения, что такие темпы абсолютно немыслимы в мирное время. Первая мировая война привела к почти молниеносной отладке бензинового мотора до коммерческого уровня и дальнейшему скоростному его распространению во все области экономики. Это оказало колоссальное влияние на мир, прежде всего, на Западе, но постепенно распространилось практически везде.

Джон Робертс (Roberts, 1989), известный британский историк, однажды отметил, что основным наследием войн являются отнюдь не развалины, которые достаточно просто отстроить, но, скорее, становление новых индустрий для обслуживания войны. До сих пор не удавалось безнаказанно закрыть их по ее окончании. Поэтому после войны начинается длительное и болезненное приспособление новых производств к мирным условиям. Глобальные войны полностью меняют ткань общества и его образ жизни. Робертс считал, что основным содержанием периода между двумя мировыми войнами являлся драматический переход от экономики угля к экономике нефти. Произошло построение принципиально нового общества, сформированного вокруг победившей технологии двигателя внутреннего сгорания и нового неэластичного ресурса — нефти, вытеснившей уголь с командных позиций. В качестве одного из последствий, довоенная политическая система, где доминировала Британская империя, была заменена Pax Americana, оформившимся после Второй мировой войны. Этот эпохальный технологический, социальный и политический перелом привел к созданию колоссального нового богатства. Калифорния, Флорида, Великие Прерии и прочие территории в зоне экстремального климата США, плодородные земли которых не поддавались продуктивному использованию в рамках до-нефтяных технологий, были успешно освоены с помощью механизированной агрикультуры США, базирующейся на

обильном применении нефтехимикатов и дальних автоперевозках продуктов. Культуры были селекционированы на лежкость и урожайность, без учета таких мелочей, как вкус и содержание полезных веществ.

Часть II. Китайский путь.

2.1. Восток и Запад: параллелизм развития несмотря на различие средств.

На Западе есть тенденция воспринимать историю как линейный процесс, в то время как китайцы относятся к ней как к циклическому процессу. “Когда то, что было внизу движется вверх, то, что было сверху, спускается вниз, чтобы подняться опять”. (Shaughnessy, 2000). Это всего лишь аспект разного восприятия мира. Тем не менее удивителен тот факт, что, как отмечено многими исследователями, вехи китайской и западной истории в целом синхронны.

Этот параллелизм развития становится особенно отчетливым, если мы рассмотрим функциональность исторических периодов, переживаемых Китаем и на Западе. Оказывается, что, несмотря на разницу средств, развитие происходило похожим образом — через освоение все более трудных новых территорий. Есть, однако, и существенная разница. На Западе новые территории открывались для освоения за счет применения все более мощных источников энергии, прогрессирующих от мускульной силы человека и животных, до невозобновимых ресурсов, типа угля и нефти. В то же самое время при sporadическом использовании таких источников энергии, порою значительном, они никогда не выходили на уровень массового использования и не превращались в центральную движущую силу экономики. Поэтому продуктивность новых земель поднималась скорее за счет введения очередной ведущей культуры, которая позволяла поддерживать привычно высокий уровень плотности населения на новом месте.

Поэтому после первого рывка роста в дельте Хуанхэ, начиная с VIII в. н.э., в целом по знакомым месопотамским образцам, следующий демографический скачок был связан с культурой “заливного риса”. Развитие сместилось на юг, постепенно осваивая трудные залесенные болотистые и холмистые земли исключительно плодородной долины Янцзы. Этот процесс, набравший скорость в районе X в. и далее, был гомологичен синхронным с процессами сведения великих лесов и распахки глинистых тяжелых и плодородных почв Западной Европы.

Следующим хорошо выделяемым этапом стали массовые осушения болот и большие проекты земле- и водоустройства с явственными параллелями в Европе, начиная с Нидерландов XVI в. Намного более длительный и размеренный темп освоения долины Янцзы можно объяснить как его большей трудностью для культивации, так и отсутствием лошади в хозяйстве.

Сразу после этого начался колоссальный демографический рост XVI — начала XVIII вв., утроивший население. Обычно его объясняют эффектами глобализации, чье начало датируют с XIII — XVII вв. (Findlay, O'Rourke, 2008), и которая постепенно увеличила масштабы торговли, повышая отдачу от мелких специализированных хозяйств. Рост плотности населения был связан с тем, что, не покидая родной фермы, женщины могли найти доходное занятие в шелководстве и прочих ранне-индустриальных производствах. Агрикультура осталась в целом мужским занятием. Еще более важно, дополнительные рабочие руки, занятые производством шелка, чая, хлопка и сахара на экспорт, часто на ранее малопродуктивных землях, включая засоленные земли побережья, получили новые богатые источники питания. Глобализация принесла в Китай важные новые культуры из Америки, прежде всего, картофель и

кукурузу. Это позволило освоить холмистые территории во внутренних провинциях, которые до этого практически не поддавались освоению.

Имел место также прорыв в финансовой сфере. Китайская версия ранне-индустриального общества с значительной специализацией хозяйств на крошечных семейных участках стала возможной благодаря колоссальному взрыву монетаризации. Серебро пришло из Японии и испанских владений в Америке, через Филиппины, отводя два галлеона серебра в год на нужды азиатской торговли. Однако, начиная с 1825 г., у Китая негативный баланс в международной торговле. Это стало последствием направленных усилий европейцев, прежде всего, британцев, которые пережали неподдерживаемый отток серебра на Восток и сумели компенсировать свой импорт за счет продаж опиума из Индии. Это нанесло непоправимый ущерб балансу Китая в международной торговле, что было закреплено поражением в Опиумных войнах. После 1850-х гг. Китай в экономическом упадке. Это хорошо заметно по демографическим данным. С 1741 до 1840 гг. население выросло с 143 млн до 430 млн, рост примерно на 200%, в то время как пахотная земля выросла только на 35%. В рамках китайской модели освоения идти дальше было некуда, поскольку уже не было новых культур, позволявших продуктивное освоение засушливых неудобий внутренних провинций.

Массивный отток серебра после Опиумных войн 1840-х гг. развивался на фоне упадка спроса на традиционные китайские предметы экспорта: шелк, фарфор и чай, которые наткнулись на жесткую конкуренцию со стороны европейских производителей, получивших преимущество по мере перехода на фабричную модель. Внеаграрные источники занятости иссякли. При отсутствии новых культур, позволявших освоение территорий, малопроизводительных в рамках традиционного растениеводства, Китай оказался зажат в перенаселенной аграрной полосе, в основном вдоль долин Хуанхэ и Янцзы. Страна была разорена падением занятости. За этим последовало длительное и болезненное приспособление к новому устройству мира, где доминировал Запад и его технологии.

Сегодня, несмотря на значительный экономический прорыв, Китай остается в плену старых ограничений. Статистика достаточно тревожна. Поскольку территория внутреннего Китая в основном не способствует растениеводству, «шесть седьмых населения проживает на одной трети земли, которая продуктивна. Населенная часть Китая представляет собой примерно половину населенной части США, уместая 2000 человек на каждую квадратную милю пахотной земли в долинах и в районе дождей. В целом Китай должен прокормить порядка 23% населения мира, имея только порядка 7% мировой пахотной площади». (Fairbank, Goldman, 2006. P.5). Тем временем переход от в целом растительной диеты к приближающемуся западному типу питания, который ресурсозатратен, оказывает давление на мировые ресурсы. Очевидным образом Китай очередной раз в своей истории стоит перед необходимостью освоения огромных малозаселенных территорий. Это невозможно без революционного прорыва, сравнимого по значению с революцией «мокрого риса», основой величия традиционного Китая на базе освоения и заселения долины Янцзы. На этот раз речь идет об обнаружении новых и адекватных источников животных протеинов на засушливых землях, включая аквакультуру.

2.2. Милитаризованное развитие Запада на фоне аграрного роста Востока.

Если выбирать наиболее важную из многих специализированных культур Китая, нет сомнения, это «заливной рис», ставший основным продуктом питания. Его невероятная урожайность позволила соединить многовековое использование

мускульной силы людей, с энерготехнологическим развитием, отошедшим на вторые роли. В Китае не имелось лишних пахотных земель для содержания тяговых животных, особенно работающей лошади, которую надо кормить зерном. Вместо этого, необыкновенно рано по западным стандартам развивалось использование намного более трудных источников энергии, включая уголь, газ, ветряную и водяную мельницы. В течение китайской истории, постепенно был установлен шаткий баланс. Развитие технологий позволялось, но только до той поры, пока они не начинали угрожать сохранению общественного порядка — тогда они устранялись безжалостно. “Рис, требующий значительных затрат воды и труда, до недавнего времени предоставлял в два раза больше еды, чем пшеница” (ibid. P.11) Помимо недоверия к технологиям параллельно возникло недоверие к военным, которых в целом считали более опасными, чем возможных иностранных завоевателей⁹. Восстание Ань Лушаня 755—763 гг. стало вехой, обозначившей “начало длительного смещения центра тяжести китайской цивилизации к долине Янцзы” (С. 35). В отличие от Запада основной целью Поднебесной империи не являлось завоевание чужих земель, которые она не могла продуктивно использовать, но, скорее, охрана собственных высокопродуктивных территорий от вторжений северных варваров.

Тем временем на Западе технологическое развитие не прекращалось и служило базой постоянной территориальной экспансии. Технологии оказались генетически связаны с военными применениями. Это особо относится к упомянутому выше тренду скачкообразного роста энергозатратности, который хорошо выражен по крайней мере со средневекового периода Европы. Например, лошадь содержали для использования в войне, с дружинников Карла Великого (shock troops) и до рыцарей. Младшие сыновья вытеснялись из родных мест наследованием по примогенитуре. Им приходилось завоевывать владения в чужих землях силой оружия. Побочным эффектом стал технологический прогресс в сельском хозяйстве, которое получило услуги барского кузнеца и возможность улучшения крестьянской лошадедки путем скрещивания с жеребцом барона.

На следующем этапе развития технология приобрела ведущую роль. Эра географических открытий Европы, известная также под названием раннеиндустриальной эры, стала возможна благодаря океанскому кораблю с его значительной огневой мощью. Строительство “от киля” позволило придать достаточную силу конструкции — корабль выдерживал океанский шторм, огонь противника и, что немаловажно, отдачу от собственных пушек, которые поместили в водостойкие амбразуры. Примерно в 1750-х гг., прогресс в использовании водяного колеса в условиях фабрики и появление токарных резцов раннеиндустриальной эпохи привели к появлению литых бронзовых пушек, заряжавшихся с дула (muzzle-loading). Их отливали сплошными и потом высверливали для точного профилирования дула с одновременным устранением дефектов литья. Отметим важность этой технологии для дальнейшего развития. Она была использована для производства карронады, пушки, высверленной из чугунной болванки, которую предпочитал адмирал Нельсон и которая считается одним из оснований его военных успехов. Именно эта технология была далее использована для производства паровой машины Уатта, где нужны были точно подогнанные цилиндры. На следующем витке военного развития Бессемер произвел разрывные снаряды, которые, в свою очередь, резко подняли требования к прочности орудийных стволов. Возникла нужда в способе варки массовой дешевой стали, предложенном тем же Бессемером (Merson, 1990, 193). Следующим шагом причинно-следственной цепочки явились стальные пушки Круппа. В точной параллели с паровой ма-

шиной, побочного продукта технологий отливки и резки чугунных пушек, двигатель внутреннего сгорания был бы невозможен без дешевой стали и технологий ее резки, изначально развитых для военных применений.

Водораздел между Западом и Китаем был хорошо выражен японцами. "В шестнадцатом веке, во время первого контакта с европейцами, клан Токугава охотно использовал западные военные технологии и западных советников с целью получить контроль над страной. Однако для управления страной в мирное время, они обратились, как это стало традицией в Японии, к модели конфуцианского Китая" (Merson, 1990, 166).

2.3. Последний фронтьер — идущее сращивание восточного и западного подходов. Тренд в будущее через возрождение прошлого.

Сегодня и западный, и восточный пути развития в своих "чисто-традиционных" воплощениях сталкиваются со значительными внешними ограничениями. Исторический тренд западного технологического развития через военные применения с дальнейшей адаптацией технологий для мирного использования выглядит неоправданно опасным на фоне летальности современного оружия массового поражения. Помимо этого, традиционная зависимость от ресурсо- и энергоемкой тяжелой машинерии и монокультур натывается на ресурсно-экологические ограничения в условиях глобального потепления. В то же время Восток также не может развиваться в рамках традиционной парадигмы, которая снижает его конкурентоспособность по отношению к Западу, одновременно с военной и технологической сторон. Начиная с 1850-х гг., восточная модель продемонстрировала свою ограниченность. Восток попал под доминирование Запада, оказавшись не в состоянии улучшить благосостояние своих народов перед лицом агрессии и военно-технологического превосходства Запада. Очевидна необходимость сращивания обеих традиций. Сегодня уже есть явные признаки того, что такое сращивание набирает темп.

2.3.1. Освоение новых территорий необходимо, остается вопросом — каких?

Устойчивые исторические пэттерны показывают, что по мере истощения старой геоклиматической зоны возникал новый виток развития на ее периферии. Как правило, это предполагало синтез старых и новых социальных институтов в процессе адаптации к требованиям новой геоклиматической зоны.

Исторически перемещение эпицентра развития в новую зону предварялось аграрной революцией, позволяя накормить намного больше людей. В свою очередь, они становились будущими производителями новой зоны. Итак, если острие развития и в самом деле переходит на Восток, то там должна появиться возможность к освоению значительной новой территории для производства пищи. Китай, в частности, и Восток в целом, включая Россию, обладают значительными малонаселенными землями. На уровне современных технологий, они пока не представляются перспективными для растениеводства. На Западе территории такого типа нашли инновационное продуктивное применение, начиная с раннеиндустриального периода, примерно с XVI в., когда пошло освоение побережья Атлантики. Как показано выше, экономика раннеиндустриального периода базировалась на животноводстве. Это был новый тип занятий, принципиально отличающийся от растениеводства. Выращивание зерна на Западе преобладало вплоть до Великой Чумы 1348 г., которая очертила экзогенные границы натурального хозяйства средневековья. Из этого можно заключить, что освоение ма-

лонаселенных территорий в рамках многокультурной экономики Востока зависит от способности разработать комбинацию подходящих взаимодополняющих культур, прежде всего для производства животных протеинов, возможно, с значительным использованием аквакультуры и т.п. Продолжая старые линии взаимно дополняющих комбинаций культур, выработанные в рамках растениеводства, это укрепит восточную традицию, направленную на культивацию “малых серий”, но теперь объединяя ее с технологически развитым животноводством западного типа.

2.3.2. Новые социальные институты — соединение старого и нового, Востока с Западом.

В социальной сфере сегодня имеется несколько многообещающих трендов, указывающих на начало сращивания восточной и западной парадигм. Например, во время своей речи на XV Всемирном конгрессе Мировой экономической ассоциации (the IEA, the International Economic Association) Дани Родрик из Гарвардского университета показал, что малые компании на Востоке, например, во Вьетнаме, успешно используют традиционные коммунальные институты, компенсируя отсутствие легальной деловой инфраструктуры западного типа. Вместо того, чтобы обращаться к чиновникам, дорогостоящим и ненадежным, мелкие предприниматели развивают постоянные связи со своими поставщиками и маркетерами. Опыт работы с ними широко популяризуется, причем как положительный, так и отрицательный. Как подчеркнул в беседе с докладчиком один из авторов, это напоминает самые современные тренды на Западе, включая публикацию деловых рейтингов в Интернете — пользователи таких электронных рынков как Yahoo, eBay оценивают надежность продавцов и покупателей.

Есть много других примеров растущего применения традиционных институтов в новом контексте, демонстрирующих перспективность идущего сращивания восточного и западного подходов. Например, хорошо известно, что в настоящее время основным узким местом в инновациях является не хардверная часть проекта, а скорее, этап проектирования — экспоненциальный рост его сложности приводит к задержкам и росту цен.

Достаточно неожиданно это серьезное препятствие к инновациям исчезает с использованием новой деловой модели. В наиболее законченном виде она была развита в китайском городе Чунцин, но прослеживается также в прочих регионах, охватывая Китай, другие страны Востока, а также и Запад.

Чунцин сегодня вырос в мировую столицу производства дешевых мотоциклов, что привело к колоссальному росту богатства в городе и окрестностях. Резкое падение цены (\$400 по сравнению с \$4000 за японский мотоцикл) на фоне непрерывной инновации стало возможно за счет значительного упрощения этапа проектирования. Ликвидированы практически все спецификации частей за исключением их “входов” и “выходов”, которые обеспечивают стыковку частей в конечном продукте, а также их функциональность. Например, допускается любое колесо при условии, что у него правильная система сочленения с осью и допустимый вес и уровень качества. То же относится к любой другой части мотоцикла. Это подход возник не планомерно и не от “хорошей жизни”. Вследствие недостатка начальных вложений точное детальное конструирование до мелочей оказалось невозможно. Проблема была решена за счет кооперации мелких производителей, расположенных по соседству — кто делал колеса, кто мотор и сиденья.

Между тем это вынужденное решение удивительно напоминает самый современный подход к компьютерному программированию, т.н. объектно-ориентированное

программирование, или ООП. Конечным результатом является модульный продукт, где каждый составляющий модуль пишется независимо, может быть заменен на равноценный или лучший, а также применен в любом другом проекте, требующем аналогичную функциональность. Пользователь имеет доступ только к входам и выходам модулей, приведенным в т.н. “хедере”, или описательной части модуля, и не может изменить ничего в его середине. В программировании этот подход значительно увеличивает гибкость и надежность кода, одновременно сокращая время разработки и допуская вторичное использование однажды написанных модулей.

Считая это образцом, можно назвать чунцинскую модель объектно-ориентированным дизайном, или ООД Object-Oriented Design (OOD). В Китае это начинает активно распространяться также в других индустриях, включая производство современных солнечных батарей, обуви, мебели и т.п. Основной принцип — специализация города на производстве одного сложного конечного продукта. Расположение субподрядчиков по соседству уменьшает расходы на перевозку и сокращает время на контакты при необходимости замены моделей. Небезынтересно, что эта современная деловая модель является де-факто возрождением средневекового цехового производства в новых условиях и на новом уровне технологической оснащенности.

2.3.3. Новые типы финансирования — от групп взаимопомощи и до суверенных фондов государств (Sovereign Wealth Funds — SWF).

Очевидно, что любое новое производство требует адекватных источников финансирования. В настоящее время кризис подчеркнул опасность “горячих денег” и краткосрочных легких кредитов, исчезновение которых в процессе идущего делевериджа привело к развитию кредитного и финансового кризиса. Кроме этого, старые рецепты МВФ и Мирового Банка, где к задолжавшим странам применяли шоковую “терапию”, показали свою несостоятельность. Помимо прочих недостатков, они способствовали коррупции.

К счастью, уже есть новая альтернатива, чей потенциал должно оценен Нобелевской премией мира, присужденной в 2006 г. Мухамеду Юнусу и руководимому им Грамин банку. Эта премия представляет собой поворотный момент, поскольку она явилась признанием важнейшей роли экономики в борьбе за мир. Ею была отмечена высокая эффективность микрозаймов в экономическом развитии бедных местностей и пропитании населяющих их общин. Следует отметить, что ровно так, как ООД, который представляет собой возрождение цеховых институтов на новом технологическом и социальном уровне, микрозаймы являются возрождением старого принципа общинной взаимопомощи.

Среди многих примеров его применения — успех корейской общины в США, которая активно выдает беспроцентные или низкопроцентные займы корейцам, только прибывшим в США или начинающим новый проект и нуждающимся в начальном финансировании. В бывшем СССР, который не имел работающей системы кредитования потребления, крупные покупки населения зачастую оплачивались кассами взаимопомощи, которые организовывались на большинстве предприятий, от фабрик и до поликлиник. Они предоставляли беспроцентные или низкопроцентные займы своим членам из сумм, накопленных в общей копилке. Аналогичные общества взаимопомощи функционируют также во многих отдаленных регионах развивающегося мира, финансируя такие малые, но хозяйственно крайне важные покупки, как одна корова, несколько цыплят, швейная машина и т.п. (Olsen). Это открывает путь к экономической независимо-

сти для многих малообеспеченных семей. Новые предпринимательства зачастую семейные и возглавляются женщинами. Это позволяет направить заработанные средства на улучшение питания семьи, одновременно увеличивая вовлеченность детей в экономическую деятельность взамен попрошайничества.

Удивительным и весьма многообещающим является тот факт, что такие займы обычно имеют крайне низкую вероятность дефолта. Вместо бюрократа или представителя отдаленного большого банка займы предоставляются коллегами и соседями, которые отлично знают заемщиков и вполне способны оценить их надежность, особенно после тщательного рассмотрения проекта. Они могут также предложить помощь в процессе его реализации. Следует отметить возможности значительного расширения данной модели на самофинансирование намного более крупных проектов по мере того, как будут найдены демократические механизмы для использования средств суверенных фондов государств. Эти целевые фонды обладают потенциалом колоссального улучшения жизни на местах путем направленных вложений в освоение территорий, инициаторами которых явятся сами жители через местные выборные органы.

Эти примеры показывают, что, несмотря на отсутствие в развивающемся мире работающих финансовых институтов западного образца, там развиваются свои, особые методы финансирования. Большинство из них пока находятся в процессе формирования, обладая потенциалом обслуживания проектов разного масштаба, от малого и до самого крупного. Пример города, занятого производством мотоциклов, показывает возможности резкого снижения начальных расходов благодаря кооперации малых производителей. Это диаметрально противоположно конкуренции западного образца.

Переход к новым формам финансирования становится возможен благодаря развивающемуся технологическому перелому. Массовый переход к принципиально новым технологиям снимает преимущества старого опыта, становящегося недействительным в новой ситуации. Тем самым выравниваются возможности игроков, предоставляя "новичкам" шанс играть на равных со старыми, хорошо известными компаниями. Ван Чуанфу, основатель и руководитель компании БИД (BYD Co), китайский производитель батарей и автомобилей, подчеркивает, что перспективные для будущего электромобили намного проще по сравнению с бензиновыми, точно так же, как электронные часы на порядок проще точного швейцарского хронометра.

Недостатки мелкомасштабного самофинансирования могут быть компенсированы путем привлечения крупных накоплений суверенных фондов. Трудно переоценить их потенциальную важность для крупномасштабных вложений в экономически и социально значимые проекты. По замыслу они направлены на увеличение общего благополучия своих граждан даже в случае, если это противоречит краткосрочным перспективам получения прибылей. К примеру, правительство Саудовской Аравии активно участвует в формировании политики ОПЕК, имея целью управлять объемами и выгодой от продаж. С этой целью финансируется переход от продаж сырой нефти к продуктам переработки и проектам освоения пустынной территории. Несмотря на неопытность суверенных фондов, они потенциально представляют собой новый инструмент сбора колоссальных средств для долгосрочных инвестиций на важные целевые проекты освоения. Что особо важно, применение внутренних средств придает устойчивость по отношению к неблагоприятным факторам глобальной экономики, включая отток "горячих" денег и остановку внешних кредитов. Параллельно с ними в том же направлении развиваются крупные западные благотворительные фонды, включая такие, как Мелин-

да и Билл Гейтс Фаундейшн. Они вкладывают средства в решение социально важной задачи вакцинации от тропических болезней, которая не привлекает внимания крупных компаний из-за бедности населения. Фонд подходит к делу как частно-общественная организация — он занимается целеполаганием и финансированием, но реализацию оставляет частным компаниям, которые намного более эффективны, чем государственные, благодаря механизму мотивации прибылью.

Как видим, движение со стороны Востока к формированию новых экономических и социальных институтов, а также новых деловых практик, сопровождается аналогичным развитием на Западе. Там растут новые деловые начинания, которые на удивление напоминают старые восточные образцы (см., например, коммунальную и кооперативную природу групп пользователей разного уровня в Интернете).

2.3.4. Встречное движение к синтезу, идущее от Востока и Запада и опасности впереди.

В настоящее время уже отчетливо заметно встречное движение, идущее как с Востока, так и Запада. Происходит синтез бизнес-парадигм на всех уровнях, с отчетливым ростом коммунальных кооперативных проектов. Масштаб процесса охватывает малых независимых продавцов интернетовских “базаров” Amazon, Yahoo, e-Bay и т.п., а также крупные проекты типа Википедии и групп программистов (open source community etc), по охвату значительно превышающие возможности традиционных компаний типа Microsoft IBM, которая активно включилась в движение. Это развитие включает также ООД и частно-государственные организации типа фондов, упомянутые выше. Этот богатый набор деловых парадигм, возникающих из разных источников на Востоке и Западе, указывает на общий тренд синтеза традиций, зачастую с помощью самых современных технологий, особенно, Интернета. Новейшие средства коммуникации, от Интернета до мобильного телефона, растут в популярности по всему миру. Они предоставляют возможности для возрождения кооперации общинного типа на новейшем технологическом уровне, со значительным ростом личной мотивации в поиске прибыли.

Как видим, все элементы будущего устройства мира уже налицо. Остановка за технологическим прорывом, на уровне открытия дешевых нитратов Ф Хабером, так чтобы можно было бы накормить намного больше людей на теперешних “неудобьях”. Аграрная революция исторически служила предтечей нового витка развития. Помимо благоприятных трендов, впереди серьезные опасности, возникающие вследствие технологического перелома, который до сих пор, как правило, приводил к войнам и кардинальному переделу мира.

Как показано выше, начало новой эры ознаменовывалось тяжелейшим и кровавым периодом перехода. Это указывало на необходимость кардинальных перемен ведущей старой экономики, наткнувшейся на свои пределы и оказавшейся не в состоянии покрыть нужды возросшего населения мира. Она “списывалась” в процессе физического уничтожения ведущей инфраструктуры в процессе конфликта.

Несмотря на опасности, особо угрожающие на современном уровне развития оружия массового поражения, этот тяжелейший период переустройства перед началом нового витка развития может оказаться идеальным временем для рождения новой “экономики малых серий”. На повестке дня массовое возрождение традиционной китайской парадигмы развития и использования точных энергосберегающих технологий как антитезы энергоемким. Китай — начальный источник большинства технологий, сформировавших Запад, включая порох. Хорошо известна приверженность китайцев к технологизированным орудиям труда.

Однако эти машины были построены не для наращивания энергоемкости, как на Западе, а для увеличения точности применения затраченной энергии. Например, сажалка семян была в ходу, начиная с ханьского периода (с 206 до н.э.—220 н.э.). В Британии XVIII в. знаменитый изобретатель Джетро Тулл (Jethro Tull) предложил свою версию, возможно, представлявшую собой адаптацию намного более ранней китайской (Merson, 1990, 23). Также в ханьский период “широкомасштабное истользование плуга с железным лемехом и отвалом позволило глубокую вспашку земли, значительно увеличив продуктивность почвы”. Это происходило синхронно с классической античностью Запада, когда железо оставалось намного менее доступным для фермера и в целом продолжало резервироваться для военных применений.

В Китае машины всегда имели прагматические применения, как это остается по сегодняшний день. Сегодня открывается шанс для развития традиционной китайской парадигмы многокультурной “экономики малых серий” путем синтеза ее с самыми современными технологиями точных орудий труда, от нанотехнологий и до роботики, развитыми на Западе. Современные ресурсные и экологические проблемы и связанное с этим взаимное недоверие и политическое напряжение между Востоком и Западом можно разрешить только через взаимовыгодный синтез традиций в процессе роста кооперации.

Bibliography.

Badalian L. Krivorotov V. Russia and China: Prospects of Interaction in New Fuel-and-Energy Conditions // *Far Eastern Affairs*. 2007. Vol. 35-2. East View.

Badalian L. Krivorotov V. Applying Natural Sciences to Studying History: Regarding the Example of England and the Industrial Revolution. P.1—2 // *San-talka. Filosofija*. 2006. Vol. 12, 14. №.1, 3.

Braudel F. The Perspective of the World. Civilization & Capitalism, 15th-18th Century. 1984. Vol. 3. Harper&Row, Publishers.

Carus-Wilson E. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // *Economic History Review*. 1941. 1st series 11, Reprinted in her *Medieval Merchant Venturers*. London, 1954. P. 183-211.

Clark G. The Agricultural Revolution and the Industrial Revolution: England, 1500-1912. UC Davis, 2002.

Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton, 2007.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. W.W., 1997

Diamond J. Collapse. How Societies Choose to Fall or Succeed. Viking, 2005;
Dosi G., Freeman Ch., Nelson R. Technical Change and Economic Theory, London, 1988.

Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca 1200BC. Princeton, 1993.

Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire: Quantitative studies. Second Edition. Cambridge, 1982.

Engels F. The Peasant War in Germany. London, 1850.—
<http://www.marxists.org/archive/marx/works/1850/peasant-war-germany/index.htm>

Findlay R., O'Rourke K. Power and Plenty. Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium. Princeton, 2007.

Egan T. *The Worst Hard Time: The Untold Story of Those Who Survived the Great American Dust Bowl*. H. Mifflin, 2006.

The Cambridge Economic History of the United States / Engerman S., Gallman R. Cambridge, 2000. Vol. 3.

Findlay R., O'Rourke K. *Power and Plenty. Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton, 2007.

Fischer D. *The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History*. Oxford, 1996.

Freeman C. Schumpeter's "Business Cycles" Revisited GLOBELICS // Working Paper Series. 2007. № 5.

Freeman C., Louza F. *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*. Oxford, 2001.

Freeman C., Soete L. *The Economics of Industrial Innovation*. 3-rd edn. London, 1997.

Garner R. Long-Term Silver Mining Trends in Spanish America: A Comparative Analysis of Peru and Mexico // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 93, № 4. P. 898-935.

Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, 1991.

Gül Ünal, Fatma. *Small Is Beautiful: Evidence of an Inverse Relationship between Farm Size and Yield in Turkey*. Bard College at Simon's Rock. December 2008.

Haalmeijer D., Vuik. D. *Fluiten, katten en fregatten. Whistling, cats and frigates*. De Boer Maritiem, Haarlem. 2002.

Haigh J. D. *Fundamentals of the Earth's atmosphere and climate. In Solar variability and its effects on the Earth's atmospheric and climate system* / ed. J. Pap, C. Fröhlich, H. Hudson, J. Kuhn, J. McCormack, G. North, W. Sprig and S. T. Wu. 2004. AGU Monograph, 141.

Harrison J. *The Birth and Growth of Industrial England (1714-1867)*. Harcourt Brace Jovanovich, Inc. 1973.

Hobhouse H. *Seeds of Changes: Five Plants that Changed Mankind...* London, 1986.

Hobsbawm E. *Industry and Empire: The Birth of the Industrial Revolution*. NY, 1999.

Liebeschuetz J. H., Wolfgang G. *The Decline and Fall of the Roman City*. Oxford 2001.

Nefedov S.A. A model of Demographic Cycles in a Traditional Society // *Social Evolution & History*. 2004. № 3. P. 69-80.

Kindleberger Ch. *World Economic Primacy: 1500 to 1990*. Oxford, 1996.

Linden E. *The Winds of Change. Climate, Weather, and the Destruction of Civilizations*. Simon&Shuster. 2006.

The Cambridge Economic History of Europe, The Industrial Economies // Ed. Mathias P., Pollard S. Cambridge, 1989. Vol. 8.

International Historical Statistics: Europe, 1750-1993 // Mitchell B. R. Ed. 4th ed. Palgrave Macmillan, 2000.

Nemet-Nejad K. Rh. *Daily Life in Ancient Mesopotamia*. The Greenwood Press, 1998.

Olmstead A. L., Rhode P. W. *Reshaping the Landscape: The Impact and Diffusion of the Tractor in American Agriculture, 1910-1960* // *The Journal of Economic History*. 2001. Vol. 61, No. 3. P. 663-698.

O'Rourke K.H., Williamson J.G. From Malthus to Ohlin: Trade, Industrialisation and Distribution Since 1500 // *Journal of Economic Growth*. 2005. № 10. P. 5—34. —

<http://www.tcd.ie/Economics/staff/orourkek/offprints/JEG%202005.pdf>

Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Edward Elgar Publishing, UK. 2002.

Pirenne H. Economic and Social History of Medieval Europe. HBJ Book, 1937.

Pollan M. The Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals. The Penguin Press, 2006.

Postan M. Essays on Medieval Agriculture and General Problems of Medieval Economy. Cambridge, 1973.

Rathbone D. Prices and Price Formation in Roman Egypt. *Economie antique*. Prix et formation des prix dans les economies antiques (Saint-Bertrand-de-Comminges: Musee archeologique departmental). 1997. P. 183-244. Cited from Peter Temin. A market Economy in the Early Roman Empire. —

<http://sshi.stanford.edu/Seminars/Papers/classics/temin.pdf>

Roberts J.M. Europe. 1880-1945: A General History of Europe. Longman Group UK, 1989.

Reinhart C. M., Rogoff K. This Time is Different: A Panoramic View of Eight Centuries of Financial Crises. 2008. March 12. — http://www.economics.harvard.edu/faculty/rogoff/files/This_Time_Is_Different.pdf

Schumpeter J. Business Cycles: A theoretical, historical and statistical analysis of the Capitalist process. 1939.

Steinbeck J. The Grapes of Wrath. Penguin Books, 1997.

Stiglitz J., Charlton A. Fair Trade for All. How Trade Can Promote Development. Oxford, 2000.

Shaughnessy E. (gen. ed.), China. Empire and Civilization. Oxford, 2000. P. 6. Sutcliffe R.J. Richard Sutcliffe: The Pioneer of Underground Belt Conveying. Surrey, 1948.

White K.D. Roman Farming. Cornell, 1970.

Wrigley E.A. Poverty, Progress, and Population. 2004.

Hillay Z. State and Nobility in Early Modern Germany: The knightly feud in Franconia 1440-1567, Cambridge, 1997.

1. (Shaughnessy. 2000. P. 6).
2. Terra preta do indios или черная земля индейцев — это рукотворная почва, которая, по современным данным, кормила порядка 50 миллионов людей в доколумбовой Амазонии с ее бедными подзолистыми почвами. Эта почва осталась плодородной по сегодняшний день.
3. Среди монокультур особенно важны пшеница и 5—8 прочих культур, чья производительность зависит от возможности культивации больших, тщательно выровненных полей для механизированной обработки: от пахоты до сбора урожая.
4. В Китае документы упоминают об индустриальном использовании ветряной и водяной энергии мельниц от 119 г. до н.э. — выплавлялись слитки чугуна массой до 20—25 т (Merson, 1990, 21). В XIII в., во времена Марко Поло, для пужд госмонополии по производству соли были просверлены скважины и натуральный газ из этих скважин использовался для выпаривания соли из рассола. Эта технология была использована в Пенсильвании в 1858 г. для бурения первой нефтяной скважины в США (Merson, 1990, 24).
5. "Китай не может позволить себе выращивание крупного рогатого скота на еду. Из пахотной девять десятых отдано под растениеводство и только 2% под пастбища. По

сравнению, в США только четыре десятых земли отдано под растениеводство, а почти половина под пастбища." (Fairbank, Goldman, 2006. P.15).

6. Как отмечено Ф. Броделем, в XVIII в. "один гектар земли под пшеницей во Франции производил в среднем пять квинталей [один квинталь — 220,46 фунтов]; один гектар риса часто дает тридцать квинталей... равных невероятному количеству 7,350,000 калорий на гектар по сравнению с 1,500,000 для пшеницы и всего 340,000 животных калорий, если этот гектар отдан под выращивание животных и произвел 150 кг мяса" Цит. из (Merson, 1990, 26).
7. Не удивительно, что ровно так же, как на Западе, это было связано с колоссальным прогрессом в кораблестроении. В Китае строили огромные джонки с водонепроницаемыми отсеками и невероятным количеством бамбуковых парусов.
8. По оценкам, питание в пересчете на зерно варьирует от 200 кг в год в случае преимущественно растительной диеты и до 800 кг для среднего жителя США, со средиземноморской диетой где-то посередине, около 400 кг. Разница вызвана более высоким содержанием мяса в диете, скот надо кормить зерном.
9. Например, система фубинь (*fubing*), или военных поселений на границах была умышленно ослаблена имперскими официальными лицами суй и тань. Они часто перемещали солдат и командиров подразделений, опасаясь формирования связей между ними. Их страхи были оправданы. После того, как от системы перестановок отказались, она была заменена постоянными гарнизонами, один из которых и начал знаменитое восстание Ань Лушань.

История

К 60-летию Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г.*

© 2010

Ю. Песков

В статье рассматривается история указанного Договора и его значение в укреплении дружественных связей между СССР и КНР в 1950—1980 гг. Дается оценка и характеристика двусторонних отношений в различные периоды действия Договора. Предпринята попытка проанализировать процесс нормализации советско-китайских отношений на новой основе после прекращения срока действия Договора 1950 г.

Ключевые слова: Договор 1950 г., дружба и сотрудничество, союз и взаимопомощь, переговоры о границе, стратегическое партнерство.

60 лет назад произошло важное историческое событие, которое привело к коренному изменению политической карты планеты и ознаменовало новый этап распада мировой колониальной системы. 1 октября 1949 г. Народная политическая консультативная конференция Китая, на которой были представлены делегаты всех демократических партий и групп, представители различных районов Китая, НОАК, зарубежной диаспоры и др., провозгласила образование КНР и избрала Центральное народное правительство во главе с Мао Цзэдуном. В тот же день по просьбе министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая через генерального консула в Бэйпине С.Л. Тихвинского правительству СССР была направлена опубликованная Мао Цзэдуном декларация китайского правительства с предложением об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Советское правительство незамедлительно выразило готовность обменяться послами.

В дальнейшем отношения СССР и КНР стали быстро развиваться по восходящей линии. В декабре 1949 г. в Москву на празднование 70-летия И.В. Сталина прибыла китайская делегация во главе с Мао Цзэдуном. Тогда же в Москве

Песков Юрий Семенович — старший научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. 8(499) 124-00-02.

* Журнальный вариант. Полностью статья опубликована в ежегоднике "Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура (К 60-летию КНР)", М. 2009 г.

были обсуждены различные аспекты двусторонних отношений и заложены основы всестороннего сотрудничества.

14 февраля 1950 г. состоялось подписание советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет с правом его пролонгации. Договор продемонстрировал решимость СССР и КНР путем укрепления дружбы и всестороннего сотрудничества совместными усилиями воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы в любой форме с Японией в актах агрессии.

Стороны выражали желание содействовать установлению длительного мира и укреплять всеобщую безопасность не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава ООН, подтверждали глубокоую уверенность в необходимости укрепления отношений добрососедства и дружбы, что несомненно отвечало коренным интересам народов Советского Союза и Китая.

Статья 1 Договора гласила: "В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с нею государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами".

В дополнение к Договору стороны подписали ряд соглашений: о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, а также о предоставлении правительством СССР правительству КНР долгосрочного экономического кредита. Советское правительство пошло навстречу всем пожеланиям правительства КНР и отказалось от всех прав СССР на совместное с Китаем владение и использование железных дорог в Северо-Восточном Китае, а также от прав на обслуживающие эти дороги промышленные предприятия и другие важные объекты, построенные в основном на средства российского капитала русскими инженерно-техническими специалистами и китайскими рабочими. В течение 1950—1952 гг. КЧЖД была полностью восстановлена советскими железнодорожниками. Передача КЧЖД Китаю была оформлена Заключительным протоколом, подписанным смешанной советско-китайской комиссией 31 декабря 1952 г. в Харбине.

Стороны пришли к соглашению о выводе советских войск из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и передаче правительству КНР сооружений в этом районе после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г., с возмещением правительством КНР затрат по восстановлению и строительству сооружений, произведенных СССР с 1945 года.

Не менее важным было заключение 14 февраля 1950 г. соглашения о предоставлении Китаю кредита в сумме 300 млн долл. США для оплаты оборудования и других материалов, в том числе оборудования для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и иных материалов для восстановления и развития народного хозяйства Китая. Соглашением отмечалось, что "ввиду чрезвычайной разоренности Китая вследствие длительных военных действий на его территории Советское правительство согласилось предоставить кредит на льготных условиях из 1% годовых со сроком погашения в течение 10 лет".

В своей речи при подписании Договора Чжоу Эньлай, в частности, сказал, что заключение указанных Договора и соглашений основывается на коренных интересах народов Китая и Советского Союза и является показателем братской дружбы и вечного сотрудничества между двумя странами. Их значение для вновь возродившейся Китайской Народной Республики имеет особую важность. Эти договорные акты помогут китайскому народу не только ощутить, что он не одинок, но и окажут реальную помощь в восстановлении и развитии китайской экономики. Соглашения между Китаем и Советским Союзом о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении Китаю кредита, а также обмен письмами о безвозмездной передаче китайскому правительству советским правительством имущества, приобретенного в Маньчжурии у японских собственников, и о безвозмездной передаче домовладений бывшего т.н. "военного городка" в Пекине, являющиеся проявлением великой дружбы со стороны советского правительства и генералиссимуса Сталина, по словам Чжоу Эньлая, несомненно "вызовут у китайского народа чувство величайшего подъема"¹.

В опубликованном советско-китайском коммюнике в связи с подписанием Договора и Соглашений говорилось: "Переговоры, протекавшие в атмосфере сердечности и дружественного взаимопонимания, подтвердили стремление обеих сторон всемерно укреплять и развивать отношения дружбы и сотрудничества между ними, а также их желание сотрудничать в целях обеспечения всеобщего мира и безопасности народов".

Договор имел историческое значение и для становления другого государства — Монголии. Оба правительства в совместном коммюнике констатировали полную гарантию независимого положения Монгольской Народной Республики, полученную в результате референдума 1945 года и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой².

Одновременно с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и "в интересах обеспечения обороны обеих стран" правительства двух государств договорились также о заключении Дополнительного соглашения к Договору. Это соглашение, подписанное А.Я. Вышинским и Чжоу Эньлаем, предусматривало: "как на территории Дальневосточного края и среднеазиатских республик СССР, так и на территории Маньчжурии и Синьцзяна Китайской Народной Республики не будут предоставляться иностранцам права на концессии и не будет допускаться деятельность промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, учреждений, обществ и организаций с участием, в прямой или косвенной форме, капитала третьих стран или граждан этих стран".

По мнению советской стороны, это дополнительное соглашение должно было уберечь СССР и Китай от возможной послевоенной экономической экспансии капиталистических стран с целью оказания политического и идеологического влияния на оба государства, в особенности на обессиленный гражданской и анти-японской войнами Китай, с намерением свернуть его с выбранного им пути социалистического развития. В напряженной международной обстановке политической и идеологической борьбы между силами социализма и капитализма в то послевоенное время такое соглашение было вполне закономерным и обоснованным. В целом Договор 1950 г. и дополнительное соглашение к нему наделяли равными правами и обязательствами и СССР, и КНР, предостерегая от всякого вмешательства в их дела со стороны Японии, США и других империалистических держав. По сути это был союз двух соседей в условиях "холодной войны", отвечавший их интересам в конкретной исторической обстановке.

В своей речи при отъезде из Москвы Мао Цзэдун высоко оценил значение нового договора: “Трудно передать словами то полное взаимопонимание и глубокую дружбу, которые созданы на основе коренных интересов наших великих народов Китая и Советского Союза. Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное Договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, но также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире”. Посетив ряд заводов и колхозов во время своего пребывания в СССР, Мао Цзэдун выразил убеждение, что “опыт экономического, культурного строительства и строительства в других важнейших областях Советского Союза станет примером для строительства нового Китая”³.

Дальнейшее развитие советско-китайских отношений в 30-летний период действия Договора 1950 г. шло, однако, неравномерно, сменяясь то подъемом, то спадом, в зависимости от совпадения или расхождений во взглядах, интересах и позициях сторон в области идеологии, политики, экономики и военной стратегии.

Период подъема в двусторонних отношениях СССР и КНР (1950—1960 гг.)

Период 1950—1960 гг., по определению китайских историков, был “медовым месяцем” в отношениях двух стран. По их данным, в период 1947—1960 гг. в Китае в общей сложности работали свыше 18 тыс. советских специалистов в самых разных сферах деятельности: в промышленности, науке и технике, в системе безопасности, в образовании, культуре и спорте. СССР оказал всестороннюю поддержку в строительстве 156 крупных промышленных объектов, способствовал модернизации китайской армии, оказывал помощь в строительстве оборонных предприятий и налаживании производства новых типов военной техники советского образца. В советских вузах и научно-исследовательских институтах ежегодно обучались до 1000 китайских рабочих, инженеров и техников. В 1950—1960 гг. более 38 тыс. китайских граждан, партийных, политических, военных кадровых работников, техников и студентов прошли обучение и практику в Советском Союзе. В вузах и научно-исследовательских институтах СССР было подготовлено более 11 тыс. научных работников. В опубликованной в 2003 г. книге известного китайского политолога Шэнь Чжихуа о советских специалистах, работавших в Китае в 1948—1960 гг., наглядно показан большой вклад работавших в КНР в эти годы советских специалистов в налаживание системы управления и экономического развития государства на начальном этапе строительства Нового Китая, когда Советский Союз именовался “старшим братом” (“лаодагэ”)⁴.

27 марта 1950 г. в Москве были подписаны соглашения об учреждении двух смешанных советско-китайских акционерных обществ: по нефти (“Совкит-нефть”) и по цветным металлам (“Совкитмет”). Эти общества, образованные на паритетных началах, имели целью содействовать развитию китайской национальной промышленности и укреплять экономическое сотрудничество между СССР и КНР. 2 апреля 1950 г. с этой же целью было подписано соглашение об учреждении советско-китайского общества гражданской авиации (СКОГА). Важное значение для обеих сторон имело подписанное 27 марта 1950 г. соглашение об условиях работы советских специалистов в Китае. Между двумя странами ежегодно заключались торговые соглашения, в соответствии с которыми СССР постав-

лял в КНР в счет предоставленного им кредита различное промышленное оборудование в обмен на сырьевые продукты.

Действуя на основе союзнических отношений, СССР оказывал большую помощь Китаю в создании военно-промышленного потенциала, обязуясь предоставить КНР секреты производства атомного оружия. Китайской стороне было безвозмездно передано 24 тыс. комплектов научно-технической документации стоимостью в миллиарды долларов. Большое развитие в соответствии с Договором 1950 г. получили торговые, общественно-политические и культурные связи двух стран.

Союзный договор СССР с КНР уже в 50-х годах XX века подвергся испытанию на практике. Так, в 1950—1953 гг. во время Корейской войны осуществлялось тесное сотрудничество двух стран в военной области и предоставление Советским Союзом военной и экономической помощи Китаю. Советские летчики защищали территорию и население Китая от налетов и бомбардировок американской авиации. Советско-китайский договор был сдерживающим фактором в расширении масштабов этой войны.

Договор 1950 г. предусматривал, что стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая (статья 4 Договора). Однако эта статья позднее не всегда соблюдалась. Некоторые установки Мао Цзэдуна во внутренней и внешней политике, призывы в кратчайший срок “догнать и перегнать” США, Англию, другие развитые страны не разделялись советскими руководителями, сомневавшимися в их реалистичности.

В отношениях с некоторыми соседними странами обострялся вопрос о границах, который Пекин пытался решать силовым путем, порой ставя в затруднительное положение СССР, связанного союзным Договором с КНР.

В 1958 г. артиллерийский обстрел островов Цзиньмэнь и Мацзу вызвал острый “тайваньский кризис”, создавший угрозу новой войны с участием США.

В 1959—1963 гг. в территориальном споре и вооруженном пограничном конфликте Китая с Индией СССР стремился не допустить войны между ними, призывая обе стороны разрешить возникший спор мирным путем в духе “традиционной дружбы” двух соседей.

В первые годы после смерти И.В. Сталина Н.С. Хрущев в основном сохранял преемственность в оказании всесторонней помощи Китаю. Однако с течением времени возобладала амбициозность обоих лидеров.

Поездки Н.С. Хрущева в Китай в 1958 и 1959 гг. и его переговоры с Мао Цзэдуном выявили серьезные расхождения в позициях сторон по ряду важных вопросов, в том числе в военной области, касающихся создания совместного военно-морского флота, радиолокационной станции и соглашения о предоставлении Китаю технологии производства атомного оружия.

Визит Н.С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. был расценен в Пекине как изменение в стратегии СССР и поворот его курса от союза с Китаем к партнерству с США. Такая оценка ставила под сомнение роль и значение советско-китайского Договора 1950 г. Встречи и беседы Мао Цзэдуна и других китайских руководителей с Н.С. Хрущевым, посетившим Пекин в связи с празднованием 10-й годовщины КНР, не привели к разрядке напряженности, возникшей в советско-китайских отношениях на почве взаимного недоверия и расхождения во взглядах в политике и идеологии.

Вскоре накопившиеся разногласия привели к ухудшению межгосударственных отношений. Принятое 16 июля 1960 г. решение советского правительства об отзыве из Китая всех советских специалистов (около 1600 человек) в связи с попытками китайской стороны втянуть их в идейно-политический спор с Москвой стало поворотным моментом в двусторонних отношениях по государственной линии. Такое развитие событий соответствовало стратегическим планам Мао Цзэдуна в выборе собственного пути развития Китая с отказом от “склонения в одну сторону”, т.е. сближения только с СССР. Отзыв советских специалистов по “волюнтаристскому” решению Н.С. Хрущева был воспринят в Пекине как попытка оказать на Китай политическое давление.

Поводом к дальнейшему обострению межгосударственных отношений стал пограничный вопрос. Весной 1962 г. произошел крупный инцидент на советско-китайской границе в связи с неожиданным массовым переходом жителей Синьцзяна в СССР из-за создавшихся для них тяжелых экономических условий в КНР. В результате нотной перебранки с взаимными обвинениями сторон правительство СССР приняло решение закрыть советское генконсульство в Урумчи и консульство в Кульдже. По настоянию китайской стороны было закрыто также отделение торгпредства в Урумчи и отозваны советские внешнеторговые работники из пограничных пунктов Хоргос и Туругарт. В сентябре 1962 г. в Москве было принято решение о закрытии генконсульств СССР в Харбине и Шанхае, а несколько позже — отделений торгпредств в городах Даляне, Шанхае и Гуанчжоу, а также агентства в/о “Совфрахт” на китайских железнодорожных станциях Маньчжурия и Цзинин.

Обстановка в советско-китайских межгосударственных отношениях продолжала накаляться. Такое развитие событий противоречило духу Договора 1950 г. На повестку дня в межгосударственных отношениях остро встал вопрос об урегулировании и уточнении границы между двумя странами.

Обострение советско-китайских отношений в связи с “культурной революцией” в Китае (1965—1978 гг.)

После отставки Н.С. Хрущева и смены советского руководства в 1964 г. в Москву с целью выяснения обстановки, дальнейших действий и возможных переговоров прибыла китайская партийно-правительственная делегация во главе с Чжоу Эньлаем. Однако сторонам тогда не удалось достигнуть какого-либо соглашения или компромисса. И все же и Китай, и Советский Союз стремились решать спорные вопросы путем дипломатических переговоров на разных уровнях. Так, в 1964 г. состоялись важные межгосударственные консультации по пограничным вопросам. Внимательно рассмотрев всю линию границы, обе стороны согласились на ее установление (кроме протоки Казакевича в районе Хабаровска) по середине главного фарватера судоходных рек (Амур и Уссури) или середине русла несудоходных рек (Аргунь, Сунгача). Этот же принцип был подтвержден и на последующих переговорах о границе.

В начале 1965 г. советская делегация во главе с премьером А.Н. Косыгиным, направлявшаяся в Ханой через Китай, имела беседы с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, предложив провести переговоры по вопросам нормализации двусторонних отношений. Главным итогом встречи была достигнутая договоренность о возобновлении переговоров по пограничным вопросам.

Начавшаяся в 1966 г. “культурная революция” резко обострила советско-китайские отношения, а вооруженные пограничные столкновения на острове Да-

манский на р. Уссури в марте и в районе Жаланашколь (Казахстан) в августе 1969 г. стали сигналом серьезной тревоги. Снизился уровень дипломатических представительств двух стран. Еще в апреле 1966 г. был отозван в Москву посол СССР в Китае С.Г. Лапин, эвакуированы члены семей сотрудников посольства. Поверенным в делах СССР оставался Ю.И. Раздухов. Только в сентябре 1970 г. в Пекин прибыл новый советский посол В.С. Толстиков. В ходе “культурной революции” были прерваны установленные ранее широкие политические, экономические, научно-технические, военные, культурные и общественные связи. Порвались живые нити общения и взаимопонимания между многими тысячами советских и китайских граждан. “Культурная революция” нанесла большой ущерб советско-китайским отношениям.

Советский Союз неоднократно выдвигал предложения о проведении переговоров с целью ослабления напряженности в отношениях с КНР. Такие предложения делались в 1964, 1965, 1966 гг. — об организации встречи на высшем уровне, в 1969 и 1970 гг. — об оформлении специальным межгосударственным актом обязательства сторон не нападать друг на друга с применением вооруженных сил, включая ядерное оружие, в 1971 г. — о подписании договора о неприменении силы, в 1973 г. — о заключении договора о ненападении. Однако все эти предложения были отклонены китайской стороной, ультимативно требовавшей от СССР предварительных “конкретных шагов по устранению препятствий” на пути к нормализации отношений.

В 1976 г. во внутренней жизни Китая произошли важные события. В январе 1976 г. скончался премьер Госсовета Чжоу Эньлай, которого сменил Хуа Гофэн, а в сентябре 1976 г. умер Мао Цзедун. Были отстранены от власти четверо ближайших сподвижников Мао, осужденных как “банда четырех”. Период “культурной революции” закончился, в развитии КНР наступал новый этап.

На возобновившихся в конце ноября 1976 г. переговорах по пограничным вопросам СССР подтвердил выдвинутые ранее инициативы: внесенное в 1971 г. предложение заключить договор о неприменении силы друг против друга включая обычное, ракетное и ядерное оружие, и предложение 1973 г. о заключении договора о взаимном ненападении. Была вновь высказана готовность к расширению торговли, восстановлению связей между обществами дружбы, академиями наук, в области здравоохранения. Пекин отверг все эти предложения, сославшись на то, что для их реализации “условия еще не созрели”. В октябре 1977 г. стороны возобновили переговоры о границе, но они не дали результатов и были прерваны в августе 1978 г.

12 августа 1978 г. состоялось подписание договора о мире и дружбе между КНР и Японией. В текст договора по настоянию китайской стороны был включен пункт о “борьбе против гегемонизма”, что, по оценкам того времени, придавало этому договору антисоветскую направленность. Советско-китайский договор 1950 г. в части, касающейся совместных действий в случае военной угрозы со стороны Японии, таким образом терял свою силу. Затем был совершен значительный прорыв американской политики блокады Китая. Советский Союз, придерживаясь духа Договора 1950 года, и в трудные времена 1960—1970-х гг. неизменно сохранял верность своей позиции о признании одного Китая, постоянно настаивал на восстановлении законных прав КНР в ООН. 15 декабря 1978 г. между КНР и США было достигнуто соглашение о взаимном признании, а с 1 января 1979 г. установлены официальные дипломатические отношения на уровне посольств. Однако внешняя политика Пекина в то время, основанная на теории

“трех миров”, была нацелена на достижение более тесных связей КНР с США и их европейскими союзниками с открытой демонстрацией своей неприязни к Советскому Союзу. При этом выдвигались призывы к совместным действиям с Западом под лозунгом “борьбы против гегемонизма” СССР. Политика Пекина вновь стала, говоря словами Мао Цзэдуна, “склоняться в одну сторону”, на этот раз в сторону США.

В преддверии истечения срока действия Договора 1950 г. советской стороной была предпринята еще одна попытка ввести советско-китайские отношения в нормальное русло. 24 февраля 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР направил Постоянному комитету ВСНП официальное обращение с предложением выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между СССР и КНР на основе мирного сосуществования, равноправия, взаимного уважения, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и неприменения силы. Для согласования и принятия текста совместного заявления предлагалось провести встречу представителей двух сторон на высоком уровне в Москве или Пекине.

В ответ на это предложение председатель КНР Хуа Гофэн в своем выступлении на сессии ВСНП 26 февраля 1978 г. заявил: “Если руководящая группировка Советского Союза действительно желает улучшения межгосударственных отношений Китая и СССР, то она должна доказать это практическими действиями. Прежде всего она должна в соответствии с взаимопониманием глав правительств Китая и Советского Союза, достигнутым в 1969 г., заключить соглашение о сохранении статус-кво на границе, предотвращении вооруженных конфликтов и выходе вооруженных сил обеих сторон из соприкосновения в спорных районах на границе и затем вести переговоры в целях решения вопроса о границе. Она должна вывести свои войска из Монгольской Народной Республики и из районов, прилегающих к китайско-советской границе, восстанавливая положение, существовавшее в начале 1960-х годов. Как будут развиваться в дальнейшем китайско-советские отношения полностью зависит от советской стороны”. 9 марта 1978 г. МИД КНР передал послу СССР В.С. Толстикову ноту с официальным ответом на обращение Президиума Верховного Совета СССР, которое было названо “пустым заявлением”.

Вторжение китайских войск во Вьетнам в феврале 1979 г. резко обострило обстановку в Индокитае и усилило международную напряженность. Советское правительство решительно осудило эти действия Пекина и потребовало незамедлительного вывода китайских войск из СРВ. Действия СССР в военно-политической сфере в определенной степени ускорили принятие руководством КНР решения о выводе китайских войск из Вьетнама, что приостановило разжигание нового очага войны в Индокитае.

Вместе с тем расхождения в позициях СССР и КНР в отношениях с Вьетнамом значительно осложняли и без того натянутые советско-китайские отношения, которые все больше приобретали недружественный характер, что противоречило Договору 1950 г.

Состоявшийся в сентябре 1979 г. 4-й пленум ЦК КПК 12-го созыва дал безоговорочно резкую негативную оценку “культурной революции” и провозгласил новый курс развития страны на основе принципа реформ и открытости. В соответствии с этим курсом Китаю необходимо было выстраивать новые взаимоотношения с внешним миром и, прежде всего, с СССР и США.

Прекращение срока действия Договора 1950 г. Переговоры о нормализации советско-китайских отношений на новой основе (1979—1991 гг.)

В феврале 1980 г. истекал 30-летний срок действия договорных союзнических отношений между СССР и КНР. В связи с этим весной 1979 г. Постоянный комитет ВСНП КНР принял решение не пролонгировать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между двумя странами, о чем МИД Китая официальной нотой от 3 апреля 1979 г. сообщил советскому посольству. В документе была дана высокая оценка Договора. "Этот Договор, — подчеркивалось в ноте, — сыграл свою историческую роль в обеспечении безопасности Китая и Советского Союза, в содействии дружбе между двумя народами и делу строительства двух стран, а также в деле отстаивания мира на Дальнем Востоке и во всем мире". Однако, в связи с произошедшими изменениями в международной обстановке и нормализацией отношений СССР и КНР с Японией "положения китайско-советского Договора относительно Японии уже явно устарели" и "Договор давно уже существует номинально".

Отказ Китая пролонгировать Договор, тем не менее, не означал разрыва отношений с СССР. Китайская сторона, руководствуясь новым курсом, определенным 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., предусматривала определенные практические шаги к нормализации этих отношений на новой основе и созданию благоприятной внешнеполитической обстановки для решения задач внутреннего развития своей страны. "Китайская сторона вновь заявляет, — говорилось в упомянутой ноте, — что разногласия по принципиальным вопросам между Китаем и Советским Союзом не должны мешать поддержанию и развитию нормальных межгосударственных отношений двух стран на основе пяти принципов — взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. В этой связи китайское правительство обращается к советскому правительству с предложением провести между обеими сторонами переговоры по урегулированию неразрешенных вопросов между двумя странами и улучшению отношений обеих стран и выражает надежду, что на основе результатов переговоров между обеими странами будут подписаны соответствующие документы".

Анализ исторического значения Договора 1950 г. показывает, что он был безусловно необходим и выгоден обеим сторонам. Этот Договор сыграл сдерживающую роль в осуществлении планов агрессии против Китая со стороны Японии и США, а также в укреплении позиций КНР на международной арене. Он явился прочной основой в деле оказания помощи КНР со стороны СССР в восстановлении и развитии народного хозяйства страны, успешном осуществлении ее первых пятилетних планов.

Прекращение действия союзнического договора означало завершение определенного этапа отношений между СССР и КНР. С учетом новых требований развивающегося мира необходимо было вырабатывать новые условия и принципы взаимоотношений между двумя странами, переходить к строительству этих отношений на новой основе.

В сентябре—ноябре 1979 г. в Москве состоялись политические переговоры о будущих отношениях между двумя странами. Советская делегация представила проект совместной "Декларации о принципах взаимоотношений между СССР и КНР". Этот документ, составленный с учетом международных норм, ба-

зировался на основополагающих принципах мирного сосуществования, государственной независимости и суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы и угрозы силой, взаимной выгоды. Предусматривалось, что обе стороны будут проявлять сдержанность в своих взаимоотношениях и не допускать опасных обострений этих отношений. В случае появления проблем, могущих повлечь за собой такое обострение, стороны обязывались незамедлительно вступать в контакты в целях урегулирования вопросов мирным путем, с учетом интересов обеих сторон. Предлагалось также прилагать усилия для создания атмосферы взаимного доверия и уважения и воздерживаться от пропаганды, вызывающей недружественные чувства у советского и китайского народов. Подчеркивалось, что изложенные в Декларации принципы и обязательства не направлены против третьих стран, а, напротив, будут содействовать обеспечению мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Делегация КНР представила на переговорах свой проект под названием "Предложения об улучшении отношений между КНР и СССР". По существу в этом документе были вновь выдвинуты предварительные условия, на которых китайская сторона соглашалась нормализовать и улучшать отношения с СССР. Они заключались в следующем: 1) Советский Союз должен сократить численность своих вооруженных сил в граничащих с Китаем районах до того количества и уровня, которые существовали в 1964 году; 2) Советский Союз должен вывести свои вооруженные силы с территории Монгольской Народной Республики и демонтировать созданные там военные базы; 3) Советский Союз должен прекратить поддержку Вьетнама "в осуществлении вооруженных провокаций против КНР, в совершении агрессии и оккупации Демократической Кампучии и в проведении политики регионального гегемонизма в районах Индокитая и Юго-Восточной Азии", демонтировать созданные там военные базы и объекты.

В то время Советский Союз еще не был готов к обсуждению китайских предложений. Фактически удовлетворение китайских требований означало бы отказ от договорных и интернациональных обязательств СССР в отношении с Монголией и Вьетнамом перед лицом "китайской угрозы" этим странам. Ведь еще в январе 1966 г. Советский Союз подписал с МНР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а в октябре 1978 г. был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве с Вьетнамом. Вследствие принципиальных расхождений между позициями СССР и КНР первый тур переговоров не дал положительных результатов.

Советская сторона продолжала постоянно и настойчиво призывать КНР к нормализации и улучшению двусторонних отношений. В феврале 1981 г. на XXVI съезде КПСС в отчетном докладе Л.И. Брежнева говорилось: "Если советско-китайские отношения остаются замороженными, то причина здесь не в нашей позиции. Советский Союз не искал и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой". Особо подчеркивалось, что несмотря на обострения Советский Союз хотел бы строить связи с КНР на добрососедской основе, что "остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу".

В поздравлении Постоянному комитету ВСНП и Госсовету КНР по случаю 31-й годовщины КНР в 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР отмечали, что "Советский Союз последовательно выступает за улучшение отношений между СССР и КНР на основе принципов мирного сосуществования, в духе добрососедства и твердо убежден, что такой курс отвечает коренным интересам народов наших стран".

Генеральная линия Советского Союза в отношении Китая была уточнена и конкретизирована в четырех пунктах речи Л.И. Брежнева в Ташкенте 24 марта 1982 г. Во-первых, заявлялось, что “мы не отрицали и не отрицаем наличие в Китае социалистического общественного строя”. Во-вторых, подтверждалась неизменность позиции СССР о признании суверенных прав КНР на остров Тайвань. В-третьих, говорилось о намерениях СССР вести серьезный диалог, в том числе по вопросу о границе, о чем свидетельствовало следующее важное заявление: “Мы не имели и не имеем никаких территориальных претензий к КНР и готовы в любое время продолжить переговоры по имеющимся пограничным вопросам в целях достижения взаимоприемлемых решений. Мы готовы также обсуждать вопрос о возможных мерах по укреплению взаимного доверия в районе советско-китайской границы”. В четвертом пункте речи Брежнева указывалось на ненормальность состояния враждебности и отчуждения между двумя странами и выражалась готовность договариваться без всяких предварительных условий о мерах по улучшению как экономических, научных, культурных, так и политических отношений на основе взаимного уважения интересов, невмешательства в дела друг друга, обоюдной пользы.

Аналогичное заявление было сделано и в речи Л.И. Брежнева в Баку 26 сентября 1982 г.: “Если говорить об Азии, то здесь мы считали бы очень важным делом нормализацию, постепенное оздоровление отношений между СССР и Китайской Народной Республикой на основе, я бы сказал, здравого смысла, взаимного уважения и взаимной выгоды. В дополнение к тем отношениям дружбы и сотрудничества, которые уже существуют у нас с рядом азиатских государств, это было бы хорошим вкладом в укрепление основ мира и стабильности в Азии, да и во всем мире”. Эти высказывания Л.И. Брежнева были восприняты в Пекине с определенным вниманием

В докладе генсека ЦК КПК Ху Яобана на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. говорилось: “между народами Китая и Советского Союза существует давняя дружба. Мы будем всемерно отстаивать и развивать эту дружбу независимо от того, какими будут китайско-советские межгосударственные отношения”.

В октябре 1982 г. в Пекине возобновились политические консультации на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран (Л.Ф. Ильичев — Цянь Цичэнь). Всего за пять лет, с 1982 по 1987 гг. было проведено 10 раундов таких переговоров с обсуждением вопросов не только двусторонних, но и международных отношений. Советская сторона сочла целесообразным принять меры по удовлетворению китайских требований об устранении “трех больших препятствий” на пути нормализации советско-китайских отношений. Было принято решение о сокращении вооруженных сил в азиатской части страны и выводе советских войск из Монголии. Готовность СССР вывести свои войска из Афганистана устраняла еще одно препятствие в налаживании отношений с Китаем. Выполнение Советским Союзом китайских требований по устранению “трех препятствий” в конечном счете позволило нормализовать дипломатические и другие отношения с КНР, чему в значительной степени способствовали встречи на высшем уровне руководителей двух стран в 1989—1991 гг.

О необходимости установления отношений нового типа говорилось в беседе М.С. Горбачева с находившимся с визитом в Москве китайским министром иностранных дел Цянь Цичэнем в декабре 1988 г., а также в беседах Дэн Сяопина и Ли Пэна с министром иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в Пекине в феврале 1989 г.

Визит М.С. Горбачева в Китай в мае 1989 г., его встречи и переговоры с Дэн Сяопином и другими руководителями КНР стали точкой отсчета, своего рода прорывом на пути нормализации советско-китайских отношений. Важную роль в налаживании добрососедских межгосударственных связей сыграли визиты первого заместителя Председателя Совета Министров СССР И.В. Архипова в КНР в октябре 1989 г. и премьера Госсовета КНР Ли Пэна в СССР в апреле 1990 г. Посетивший СССР с ответным визитом в мае 1991 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь призвал сообща сохранять и укреплять отношения добрососедства и дружбы “не только в нынешнем столетии, но и в следующем XXI веке”.

В целом период недружественных и даже враждебных отношений между СССР и КНР нанес огромный ущерб обоим государствам и в определенной степени способствовал ослаблению Советского Союза. Драматические, а порой и трагические события несомненно подорвали традиции дружбы двух народов. Время рассудит, кто прав и кто виноват в негативном прошлом, когда, по словам Дэн Сяопина, обе стороны наговорили много обидного и оскорбительного друг другу. Многие таится в пока еще закрытых архивах. Однако уроки на будущее стороны уже извлекли, восстановив и постоянно укрепляя исторически сложившиеся добрососедство и дружбу между двумя великими государствами и народами.

Становление и развитие российско-китайских отношений. От нормализации — к добрососедскому сотрудничеству и стратегическому партнерству и взаимодействию

Распад СССР после встречи 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще глав России, Украины и Белоруссии и отставка М.С. Горбачева с поста Президента СССР были восприняты в Китае с озабоченностью в связи с возникшей неопределенностью в его отношениях с 15 вновь образовавшимися государствами.

24 декабря 1991 г. МИД КНР официально заявил о готовности Китая развивать отношения со всеми странами — членами СНГ на основе пяти принципов мирного сосуществования. Подчеркивалось, что отношения с республиками бывшего СССР должны развиваться с учетом духа и буквы советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг., подписанных главами двух государств М.С. Горбачевым и Цзян Цзэминем.

В декабре 1992 г. состоялся первый визит Б.Н. Ельцина в КНР. В “Совместной декларации об основах взаимоотношений между КНР и РФ” от 18 декабря 1992 г. стороны определили основные принципы, заявив, что “рассматривают друг друга как дружественные государства” и “будут развивать отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества”. Была достигнута важная принципиальная договоренность решать все спорные вопросы мирными средствами, “не прибегать в отношении друг друга к силе или угрозе силой в какой бы то ни было форме”. Подчеркнута необходимость уважения права народа любой страны на свободный выбор пути своего внутреннего развития. Отмечалось, что ни одна из сторон не будет участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных против другой стороны, не будет применять первой ядерного оружия или угрожать его применением. Стороны подписали 24 межправительственных и межведомственных соглашения и документа по различным направлениям, в том числе межправительственное соглашение о сотрудничестве в сооружении в КНР атомной электростанции с предоставлением Москвой госу-

дарственных кредитов Китаю, а также Протокол о культурном сотрудничестве на 1992—1993 гг.

Важное значение имел подписанный правительствами РФ и КНР Меморандум о взаимопонимании по вопросам сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области на границе. Ставилась задача сократить вооруженные силы сторон на границе до минимального уровня, соответствующего дружественным отношениям между двумя странами, а остающимся войскам однозначно придать оборонительную структуру.

Серьезные положительные тенденции в сторону укрепления сотрудничества с КНР проявились в 1996 г. в ходе второго визита в КНР Б.Н. Ельцина. В принятой 25 апреля 1996 г. совместной декларации было заявлено о новом этапе, о решимости двух стран “развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке”. В этом документе было отмечено также, что “достигнутый высокий уровень и многоплановый характер российско-китайского сотрудничества — это общее историческое достояние” двух стран и народов, а также важный фактор укрепления мира и стабильности в мире, “заметный вклад в строительство нового многополюсного мирового политического и экономического порядка”. Стороны заявили о своем неприятии политики силового давления, доминирования одного центра и вмешательства в их внутренние дела других стран. Стороны договорились также о регулярных встречах — не реже одного раза в год — руководителей России и Китая и восстановлении работы “горячей линии” телефонной связи.

Существенно важным и преимущественным направлением развития российско-китайских отношений стало укрепление и дальнейшее углубление стратегического партнерства. Успешное сотрудничество и деловое партнерство начало осуществляться обеими странами по всем направлениям как в двусторонних отношениях, так и в международных организациях — ООН, ШОС и других. Мир и развитие стали основополагающими принципами их внешней политики. При этом проявлялось все большее совпадение интересов и позиций обоих государств в таких важных сферах внешнеполитической деятельности, как борьба против международного терроризма, за предотвращение войн и сохранение мира и стабильности в различных регионах земного шара. Это совпадение позиций демонстрировалось в принципиальных оценках угрожавших миру ситуаций, время от времени создававшихся в Корее, Ираке, Афганистане, в отношениях между Индией и Пакистаном. При этом обе стороны, и Россия и Китай, поддерживая нормальные дипломатические, торговые отношения с США и странами НАТО, не допускали какого-либо негативного воздействия контактов с этими странами на партнерские и дружественные отношения между собой. Являясь противниками теории однополярного мира и навязывания своей воли и силы другим странам, они выступали за мирное развитие взаимоотношений между всеми государственными образованиями на земле.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный в Москве 16 июля 2001 г. Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином сроком на 20 лет с правом продления, определил главные направления дальнейшего развития двусторонних отношений, основанных на формуле “навсегда дружба и никогда враги”.

Закономерным итогом затянувшихся на десятилетия трудных переговоров по пограничным вопросам стало подписание 16 мая 1991 г. “Соглашения меж-

ду СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части". В 1994 г. было подписано Соглашение о западной части границы. Заключенное в октябре 2004 г. и ратифицированное сторонами в мае 2005 г. дополнительное соглашение завершило делимитацию границы между Россией и Китаем, в том числе и на наиболее спорном участке у г. Хабаровска.

Статья 1 Договора 2001 г. между РФ и КНР предусматривала, что "Договаривающиеся Стороны на долгосрочной основе развивают отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования".

Подтвердив ранее взятые обязательства не применять ядерное оружие и не нацеливать стратегические ядерные ракеты друг против друга, стороны договорились разрешать разногласия исключительно мирными средствами, не оказывая какого-либо давления друг на друга, уважать выбор партнером своего пути политического, экономического, социального и культурного развития.

Констатируя в Договоре отсутствие взаимных территориальных претензий, обе стороны выразили решимость превратить границу между Россией и Китаем в границу вечного мира и дружбы. Принципиально важные шаги в этом направлении были сделаны в конце XX и начале XXI столетия.

14 октября 2004 г. в Пекине Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао был утвержден план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР на 2005—2008 гг.

Высокая степень взаимного доверия и взаимопонимания способствовали осуществлению двух крупных проектов по проведению национальных Годов: в 2006 г. — Года России в Китае и в 2007 г. — Года Китая в России, многих других мероприятий, направленных на укрепление деловых и дружественных отношений между народами России и Китая.

По данным МИД РФ, за период российско-китайских отношений после 1991 г. было заключено более 100 межгосударственных и межправительственных договоров в различных областях двустороннего сотрудничества и взаимодействия. Вошли в практику регулярные встречи глав государств и правительств России и Китая с подписанием совместных заявлений. Укрепление и совершенствование правовой базы двусторонних связей стало залогом успешного развития отношений, основанных на принципах стратегического партнерства и взаимодействия России и Китая.

1. Известия, 1950. № 39.

2. Там же.

3. Там же. № 42.

4. Сулянь чжуанця цзай Чжунго. Шэнь Чжихуа. Бэйцзин: Чжунго гоцзи гуанбо чубань-шэ. 2003. 5.

Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом (1923 — март 1925 гг.)

© 2010

А. Картунова

В статье, базирующейся на документах, автор приходит к выводу, что в 1923 г. — марте 1925 г., когда устанавливались, затем развивались отношения Советского Союза с Сунь Ятсеном, никто в советском руководстве не был знаком с личностью Сунь Ятсена как революционера, теоретика и практика китайской революции. В руководящих кругах РКП(б) и Коминтерна существовало недоверие к Сунь Ятсену как к обычному милитаристу. В результате предоставление ему обещанной в марте 1923 г. финансовой помощи было задержано на год. В статье показано, что принятие в 1924 г. Решения Политбюро ЦК РКП(б) и его реализация о поставках Сунь Ятсену оружия (бесплатно), финансовой и другой помощи, установление широкого сотрудничества с ним было процессом не простым.

Ключевые слова: Сунь Ятсен, революционная база, Гоминьдан, недоверие, масштаб личности, сближение, Политбюро ЦК РКП(б), сотрудничество, помощь.

Многогранная деятельность Сунь Ятсена — революционера, теоретика и практика китайской революции, ученого и политика — это целая эпоха в истории борьбы китайского народа за свержение династии Цин, национальное и социальное освобождение и возрождение китайской нации, объединение Китая. Жизнь и политическая активность Сунь Ятсена нашли довольно широкое освещение как в российской, так и в иностранной историографии.

Настоящая статья посвящена менее изученному вопросу — о том, каким образом у руководителей Советской России и Коминтерна складывались представления о Сунь Ятсене как о политическом деятеле. Уникальный материал, предоставляющий возможность в том числе и для исследования данной проблемы, содержит регулярная переписка, которая велась между наркомом по иностранным делам СССР Г.В. Чичериным, лично занимавшимся в своем наркомате "китайским вопросом", а также И.В. Сталиным, с одной стороны, и советским полпредом в Китае Л.М. Караханом, с другой¹. Особую ценность данному историческому источнику придает то обстоятельство, что И.В. Сталин и Г.В. Чичерин находились не только в доверительных, но и в дружеских отношениях с Л.М. Караханом. Это позволяло им откровенно изъясняться по всем интересующим советское руководство вопросам китайской политики,

включая ее персоналии. В переписке названных респондентов содержатся неизвестные прежде историкам детали представлений московского руководства о Сунь Ятсене как революционере и политике. На основании того же источника можно уяснить и особенности процесса выработки политики Москвы в отношении Сунь Ятсена и возглавлявшейся им партии Гоминьдан.

В данной статье из проблем, обсуждавшихся советскими руководителями с Л.М. Караханом, выделены в первую очередь следующие: планы Москвы возвести Сунь Ятсена на "пекинский престол" (выражение Л.М. Карахана²), т.е. привести его к власти в общенациональном масштабе; причины длительной задержки советской стороной отправления Суню обещанных оружия и финансовых средств; представления, складывавшиеся у советского руководства о положении Сунь Ятсена и Гоминьдана на основе получаемой из Китая информации от представителей различных советских служб и Коминтерна; о политической работе Сунь Ятсена и Гоминьдана; развернутый ответ Л.М. Карахана на вопрос И.В. Сталина о масштабе личности Сунь Ятсена как политического деятеля; планы Карахана по "отсечению правых" в Гоминьдане и позиция Суня по данному вопросу. Хронологические рамки статьи охватывают период от начала 1923 г., когда сотрудничество Москвы с Сунь Ятсеном вступило в стадию заключения практических соглашений и их реализации, и до кончины лидера Гоминьдана, последовавшей 12 марта 1925 г.

Если говорить об оценке Сунь Ятсена как революционера и политика со стороны руководящих деятелей РКП (б) и советского государства, то она связана прежде всего с именем В.И. Ленина. Как известно, вожди русской и китайской революций были современниками, но лично не встречались³. Вместе с тем Ленин был первым, кто выступил с научным анализом общественно-политических взглядов и революционной деятельности вождя китайской революции. Ленин в течение многих лет проявлял глубокий интерес к освободительному движению в Китае. Об этом свидетельствует целый цикл его публикаций, который открывается статьей "Китайская война"⁴ (декабрь 1900 г.). Революционные выступления китайского народа против маньчжурского самодержавия, деятельность революционных демократов, руководимых Сунь Ятсеном, встретили горячее сочувствие у большевистской партии России. В печати РСДРП (б) накануне и во время революции 1911 г. систематически публиковались сообщения о революционном движении в Китае.⁵

В 1912 г. В.И. Ленин, ознакомившись с программной статьей Сунь Ятсена "Социальное значение китайской революции", немедленно откликнулся на нее своей публикацией — "Демократия и народничество в Китае".⁶ В ней дана высокая оценка значения политической платформы Сунь Ятсена для судеб китайской революции. Из опубликованных затем ленинских статей "Обновленный Китай", "Крупный успех Китайской республики", "Отсталая Европа и передовая Азия", "Борьба партий в Китае"⁷ следует, что Ленин высоко ценил самоотверженность, благородство и героизм Сунь Ятсена. В то же время он видел и недостатки революционной демократии Китая — утопизм, мечтательность, нерешительность, отсутствие у нее опоры на массы.

Своими статьями, посвященными революционной деятельности Сунь Ятсена и руководимой им китайской демократии, Ленин оказал поддержку освободительным движениям в Китае, способствовал их популяризации. Осуществленный им анализ особенностей революционного движения в Китае, его значения для мирового революционного процесса стал значительным вкладом в разработку Коминтерном стратегии и тактики в национально-колониальном вопросе на II (1920 г.) и IV (1922 г.) конгрессах этой организации. Нам неизвестно, чтобы какой-

либо другой руководитель РКП (б), помимо Ленина, проявлял в те годы специальный интерес к личности Сунь Ятсена и его учению.

Однако в 1923 г. Ленин был уже тяжело болен и не мог принимать участие в установлении отношений Советского Союза с Сунь Ятсеном и в разработке политики по отношению к нему.

К началу 1920 г. политика советского руководства и Коминтерна в Китае вступила в фазу практической работы. Одной из главных задач на том этапе был поиск в этой стране военных и политических деятелей, на которых могла бы опереться Москва. При этом преследовались две основные цели: добиться дружественного или хотя бы нейтрального отношения пекинского правительства к Советской России (а если оно не пойдет на это, то найти способ заменить его другим); оказать помощь китайскому народу в развитии национально-революционного движения в целях объединения Китая, национального и социального освобождения китайского народа от гнета иностранных держав.

Из опубликованных документов можно сделать вывод, что советское руководство стало активно интересоваться Сунь Ятсеном и партией Гоминьдан с лета 1922 г. В то же время Москва расширяла круг своих интересов в Китае, включая в сферу своей политики в этой стране и некоторых северных милитаристов. В результате долгих поисков к осени 1922 — началу 1923 г. Москва пришла к решению опираться в своей политике в национально-революционном движении в Китае на Сунь Ятсена и его партию, которые базировались главным образом на Юге Китая, прежде всего на пров. Гуандун. Об этом свидетельствуют такие документы, как “Инструкция Исполкома Коминтерна представителю Коммунистического Интернационала в Южном Китае” от августа 1922 г.⁸, подготовленная на основе доклада представителя Коминтерна в Китае Г. Маринга, “Резолюция Исполкома Коминтерна по вопросу об отношении Компартии Китая к партии Гоминьдан от 12 января 1923 г.”⁹, Директива Исполкома Коминтерна III съезду Коммунистической партии Китая от 21 мая 1923 г.¹⁰ Однако в то время среди кадров РКП (б) и Коминтерна, как тех, что включились в осуществление советской политики в Китае, так и уже работавших там, не было людей, знакомых с учением Сунь Ятсена и его революционной деятельностью.

Политический образ Сунь Ятсена формировался в сознании руководителей Советской России и Коминтерна на основании противоречивой информации, получаемой из разных источников. Тем не менее, в русле логики указанных выше документов, Политбюро ЦК РКП 8 марта 1923 г. приняло постановление “признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов”¹¹. Однако надо отметить, что не все деятели РКП (б) и Коминтерна, так или иначе занятые в Москве вопросами политики в отношении Китая и, в частности, в отношении Сунь Ятсена, были согласны с этим постановлением. Так, с запозданием узнавший о нем заведующий Восточным отделом ИККИ Г.И. Сафаров 4 апреля того года обратился с письмом в Политбюро ЦК РКП с просьбой “пересмотреть свое решение”¹², поскольку сам ставил Сунь Ятсена на одну доску с милитаристами Чжан Цзолинем и Дуань Цижуем.

31 июля 1923 г. по предложению И.В. Сталина Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление назначить М.М. Бородину политическим советником при Сунь Ятсене и поручить ему в своей работе с Сунем “руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма в Китае”¹³. Последнее указание, видимо, было записано с учетом заявления лидера Гоминьдана, изложенного в Коммюнике А.А.

Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г. по поводу советско-китайских отношений. Там было зафиксировано мнение Суня о том, что “в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае...”¹⁴. Указанные два постановления Политбюро ЦК РКП (б) явились первоначальной базой для оказания реальной помощи Сунь Ятсену.

Л.М. Карахан, хорошо знакомый с проблемами Востока по работе в НКВД СССР, в августе 1923 г. отправился в Китай с ответственной официальной миссией: он должен был вести переговоры с правительством Китайской Республики об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Однако его деятельность в Китае выходила далеко за рамки чисто дипломатической работы и нередко была несовместима с ней, а именно работы коминтерновской.

В своем первом письме из Мукдена от 27 августа 1923 г.¹⁵, адресованном Г.В. Чичерину, Л.М. Карахан подчеркивал, что “здесь на месте” он еще больше убедился “в правильности нашей оценки положения в Китае” и решений, которые были приняты в Москве в отношении Чжан Цзолиня (в то время правителя Маньчжурии) и Сунь Ятсена.¹⁶ С одной стороны, в письме откровенно изложены намеченные Москвой в общих чертах “конечная цель и ближайшие задачи”, которые должна была решать советская дипломатическая миссия в Китае во главе с Л.М. Караханом. А с другой, там были высказаны соображения полпреда, сформулированные им после трех встреч и бесед с Чжан Цзолинем, с которым Карахан встречался в Мукдене, сделав там специальную остановку по пути в Пекин: о тактике решения ближайших задач, прежде всего касавшихся судеб КВЖД¹⁷. Еще до отъезда Л.М. Карахана московское руководство согласилось на переговоры с Чжан Цзолинем и на “дружбу” с ним, в то же время наметив широкий план содействия Сунь Ятсену. В письме Карахан называл пекинское правительство “совершенной игрушкой” в руках, с одной стороны, дипломатического корпуса, с другой — Цао Куня и У Пэйфу, а также “крестьянского генерала” Фэн Юйсая. Карахан убедился в правоте оценки пекинского правительства, принятой еще в Москве, как не представляющего собой политическую силу, с которой руководители СССР и Коминтерна “могли бы твердо договориться и, опираясь на которую, мы могли бы развить нашу работу в Китае”¹⁸. Особое внимание уделено Сунь Ятсену: “В Китае у нас есть конечная цель и ближайшие задачи. Конечная цель — это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемое Сунем с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом “Гоминьдан””¹⁹. Однако, как представлял себе Карахан, находясь в Маньчжурии, даже при той финансовой и политической поддержке, которую Советский Союз был готов оказать Сунь Ятсену, он никогда не сможет самостоятельно “сесть на пекинский престол”, и “ему необходимо комбинировать с какой-нибудь другой реальной силой и для того, чтобы не иметь ее против себя и для того, чтобы, пользуясь военной поддержкой этой силы, успешно справиться с Пекином и стоящими за ним генералами...”²⁰. Карахан в то время рассматривал в качестве такой силы Чжан Цзолиня, который по некоторым имевшимся у Карахана сведениям якобы “уже сейчас комбинирует с Сунем и в известной степени объединяет свои военные намерения с кантонским правительством”²¹. Однако, как позже стало ясно, ни Чжан Цзолинь, ни Сунь Ятсен не стремились к объединению их усилий. В то же время Карахан отмечал, что Сунь Ятсен предвидел возможность такой ситуации, когда Чжан, придя к власти в Пекине, не захочет разделить ее с Сунем; в этом случае последний рассчитывал на нажим на Чжан

Цзолиня со стороны СССР, что позволило бы разрешить спор между ними в пользу лидера Гоминьдана²².

В письмах от 3 и 21 октября 1923 г.²³ Г.В. Чичерин сообщал Л.М. Карахану о пребывании в Москве военно-политической делегации во главе с Чан Кайши,²⁴ направленной Сунь Ятсеном. Делегация должна была изучить опыт государственного и военного строительства Советской России, ознакомить советское руководство с военными планами Суня и добиться их поддержки, а также помощи в подготовке командных кадров для Гоминьдана. Нарком просил Карахана дополнительно сообщить "о нынешнем положении Сунь Ятсена, его отношении к Гоминьдану и к другим партиям"²⁵. Видимо, в Москве сочли привезенную делегацией информацию недостаточной, а может быть, и не полностью достоверной.

С ноября 1923 г., почти в течение четырех месяцев, Карахан в своих письмах Чичерину неоднократно и убедительно настаивал на необходимости уделять Сунь Ятсену больше внимания, особенно в части выполнения решения Политбюро ЦК РКП (б) о Сунь Ятсене и Гоминьдане, принятого в марте 1923 г.²⁶ Поскольку лидер Гоминьдана не получил ничего из обещанного ему, сообщал Карахан, у него "появился совершенно естественный скептицизм к тем обещаниям, которые ему даны в начале 1923 года. Назначение т. Бородин²⁷ в Кантон означало, что мы наконец реально приступим к осуществлению нашего плана"²⁸. В задачи на близкую перспективу входило стимулирование Сунь Ятсена к проведению политической массовой работы, а также реформирование Гоминьдана и его вооруженных сил.

Из письма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 3 ноября 1923 г. в Москве стало известно о сильно ухудшившемся на тот момент положении Сунь Ятсена в связи с тем, что большая часть флота изменила ему и перешла на сторону противника — гуандунского генерала Чэнь Цзюньмина. По оценке Карахана, "это очень серьезный удар" и "положение его (Сунь Ятсена. — А.К.) в настоящий момент довольно критическое"²⁹. В то же время полпред рекомендовал "этим колебаниям в военном положении" Сунь Ятсена не придавать серьезного значения, "так как мы никогда не считали, что центр тяжести его деятельности заключается в военных действиях"³⁰. Следует признать, что военная работа была не самой сильной стороной деятельности Суня. Полпред отмечал, что война, которую вел Сунь Ятсен, очень сильно вредила ему как политическому деятелю. В глазах радикального национального общественного мнения он с каждым днем терял, в особенности потому, что не вел никакой политической работы и сосредотачиваясь исключительно на войне. Карахан оценивал складывающийся в связи с этим "антураж" Сунь Ятсена как чрезвычайно сомнительный в политическом отношении. Главная задача его государственного аппарата, по оценке Карахана, заключалась в добывании денег, причем без стеснения в средствах. "...Внешне власть Сунь Ятсена ничем не отличается от власти любого милитариста... Единственно, что его отличает, это та национальная программа (выделено мною. — А.К.), которую он будет осуществлять, когда подчинит своему контролю весь Китай... Вопрос о скором начале организационно-политической работы есть вопрос сохранения авторитета Сунь Ятсена, партии Гоминьдан и сохранения от дальнейшего разложения, вырождения и дискредитации гоминьдановского центра",³¹ — завершал письмо Карахан.

Вскоре Сунь Ятсен восстановил свои силы, что дало Карахану основания оптимистически оценивать политическое будущее лидера Гоминьдана. И если даже ему придется оставить Кантон, — писал Карахан Чичерину 26 ноября 1923 г., — "это не будет означать его поражения, ибо армию он сохранил и вместе с ней отступит на Север, чтобы продолжать борьбу"³².

В письме от 10 декабря 1923 г. Карахан докладывал Чичерину, что после проведенной Бородиным и организованной ЦИК Гоминьдана политической работы, Сунь Ятсен и ЦИК Гоминьдана убедились, что политическая работа и участие в ней партии имеют первостепенное значение для нее³³. В том же письме он настаивал на необходимости "пресекать всяческие его (Сунь Ятсена. — А.К.) фантастические военные экспедиции на Север и не давать ему возможности пока расширять район своего господства, но Гуандунскую область (пров. Гуандун. — А.К.) мы должны прочно и решительно помочь укрепить за собой..."³⁴.

В письмах от 10, 17 и 19 декабря 1923 г. Карахан в очередной раз напоминал Чичерину (т.е. Москве) о необходимости оказать помощь Сунь Ятсену оружием и открыть необходимые кредиты для работы с ним. "...Иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое... Полезные советы очень хорошая вещь, но если мы ограничиваемся только советами, это, конечно, не может создать необходимой связи с нами и не может заставить Сунь Ятсена и в дальнейшем следовать нашим советам",³⁵ — так оценивал положение Карахан.

В письмах Чичерина от 1 и 2 января 1924 г. Карахан, наконец, получил ответ на свой вопрос о причинах задержки поставок Москвой оружия Сунь Ятсену. Первая причина состояла в том, что в Москве "создалось такое сильное настроение против военной политики Сунь Ятсена, что нужно нашим деятелям несколько выкнуть в положение, чтобы в данном вопросе отказаться от отрицательного отношения"³⁶. Была и другая причина. "Многие у нас (в Москве. — А.К.) думают, — писал Чичерин, — что Сунь Ятсен уже не является типичным представителем Гоминьдана. Он слишком связан с правым крылом, от которого резко выделяется сильное левое крыло. Отказ его издать аграрный декрет весьма типичен и вряд ли может внушить оптимистическое представление о его дальнейшей деятельности"³⁷. Не исключено, что такие тенденции в настроениях определенных кругов в руководстве в Москве явились следствием писем М.М. Бородина, с самого начала работы в Кантоне считавшего необходимым прежде всего провести аграрную реформу.

То обстоятельство, что требование декрета об аграрных преобразованиях исходило не из Москвы, отмечал Л.М. Карахан: "*Мы в Москве никогда не выдвигали этого вопроса об аграрной реформе в такой радикальной форме, как это намечено в Кантоне* (т.е. Бородиным; выделено мной. — А.К.) и не делали критерием своего отношения к Сунь Ятсену его политику по земельному вопросу или другим внутриэкономическим вопросам"³⁸.

Сунь Ятсен, хорошо знавший всю сложность земельных отношений в Китае, оттягивал публикацию такого декрета. Средством осуществления принципа "уравнения прав на землю" в Манифесте, принятом I съездом Гоминьдана (январь 1924 г.), провозглашался ряд мероприятий реформистского характера, причем центр тяжести приходился на область налоговой политики³⁹.

В ЦК РКП (б) дискутировался также вопрос: давать ли Суню оружие, а если давать, то на каких условиях?⁴⁰ К началу января 1924 г. соответствующее решение не было принято.

Не дождавшись помощи Сунь Ятсену со стороны Советского Союза оружием и финансами, Карахан 8 января 1924 г. направил письмо Сталину, копии — Троцкому, Зиновьеву и Чичерину (док. № 33). Карахан напоминал о решении Политбюро ЦК РКП (б) от 23 марта 1923 г. предоставить Сунь Ятсену финансовую помощь, а также дать 8000 японских винтовок, 15 пулеметов, четыре пушки "Орисака" и две бронемашин. Полпред убеждал генсека в том, что "Сунь Ятсен принял все наши указания и советы" и "практически осуществляет все то, что

мы ему говорим"⁴¹. Кроме того, Сунь Ятсен, "отказавшись от всех широких военных планов, принял наше предложение об организации военной школы..."⁴². Карахан предупреждал, что в случае отказа в помощи Сунь Ятсену оружием он предвидит "серьезные затруднения для дальнейшего нашего воздействия на Гоминьдан и серьезные затруднения в работе т. Бородина, если не полную невозможность дальнейшего его пребывания в Кантоне"⁴³. В заключение Карахан просил поставить этот вопрос в ЦК РКП (б) и принять окончательное решение⁴⁴.

Забегая вперед, скажем, что, видимо, это письмо оказало определенное воздействие на советское руководство наряду с другими обстоятельствами. 20 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление "отпустить 500000 рублей, 1000 винтовок и известное количество орудий..."⁴⁵. Однако 27 марта вопрос о выдаче Сунь Ятсену оружия был пересмотрен и Политбюро решило выдать оружие в объеме, указанном в цитированном выше письме Карахана Сталину⁴⁶. О таком объеме помощи Сунь Ятсену телеграммой сообщал А.А. Иоффе еще 1 мая 1923 г. Из письма Г.В. Чичерина от 26 марта 1924 г. полпред узнал, что в Москве решено послать Сунь Ятсену оружие бесплатно⁴⁷.

В обстоятельном письме Карахана Чичерину от 9 февраля 1924 г. одна значительная часть была уделена итогам I съезда Гоминьдана. Поскольку этот документ уже был ранее опубликован⁴⁸, остановлюсь кратко лишь на той части письма, что посвящена политическому соглашению с Сунь Ятсеном, которое Чичерин поручил заключить Карахану — "иначе он надует"⁴⁹, полагал нарком. Это выражение свидетельствует о том, что в Москве еще существовало недоверие к Сунь Ятсену. Там была свежа память о не вполне удачном опыте оказания военной и финансовой помощи национальным силам в Турции, которые возглавлял Кемаль Ататюрк⁵⁰: Москва понесла огромные расходы, но не получила тех политических выгод, на которые могла рассчитывать⁵¹. Карахан не возражал против выполнения данной инструкции наркома, но обращал его внимание на ряд серьезных обстоятельств. В частности, полпред считал, что гоминьдановское движение в Китае коренным образом отличается от того, что в Турции возглавлял Кемаль Ататюрк: "...здесь наш советник входит в ЦК партии (ЦИК Гоминьдана. — А.К.) этого национально-революционного движения, здесь мы пользуемся громадным авторитетом и наши указания и советы имеют исключительное значение для партии, коммунистическая партия входит в состав партии Гоминьдан⁵², она совершенно легально развивает свою деятельность на территории Гуандунской области (пров. Гуандун. — А.К.), в той области, где партия Гоминьдан является правящей партией и т. д. и т. д."⁵³. Карахан писал далее, что он будет заключать это соглашение не столько по той причине, что внутренне убежден в его необходимости, сколько потому, что имеет инструкцию от Чичерина и потому, что "это успокоит сомневающихся в Сунь Ятсене товарищей (выделено мной. — А.К.) и не будет служить препятствием в дальнейшей поддержке и помощи ему"⁵⁴.

Весьма существенным для понимания того, как в советских правящих кругах складывалась оценка масштаба личности Сунь Ятсена как политика, является письмо И.В. Сталина Карахану от 16 июня 1924 г. Сталин поставил ряд вопросов: "Как дела с Сунем, с Гоминьданом? Есть ли в Китае действительное движение и насколько оно глубоко? Есть ли у Суня или Гоминьдана корни, действительные, живые корни? Можно ли считать, что удельный вес Суня — Гоминьдана соответствует удельному весу, скажем, Кемалья и его партии?"⁵⁵

Л.М. Карахан весьма обстоятельно изложил свое мнение по поставленным вопросам (письмо И.В. Сталину от 13 июля 1924 г.). "Действительного движения

в Китае пока еще нет, но оно создается, Суня нельзя сравнивать по удельному весу с Кемалем. Кемаль представлял и вел за собой всю национальную Турцию. Сунь даже у себя в Кантоне не ведет за собой всю "нацию"⁵⁶. Карахан при этом отметил, что при сопоставлении этих двух лидеров легко сделать ошибку: нужно учитывать количественные различия. "Китай — это 400 с лишним миллионов населения. Одна Гуандунская провинция, столицей которой является Кантон, насчитывает 30 мил[лионов] населения... в три раза больше Турции. Чтобы охватить такую страну, нужна продолж[ительная] работа. Сунь до сих пор ее не вел. Сейчас он обучается. Важно, что он понял значение массовой базы для своей партии и правительств[ва]. Но его нужно все время толкать, — пояснял Карахан, — потому что он в самом сволочном окружении правых, американизированных интеллигентов и т.п."⁵⁷ Полпред докладывал, что он направляет внимание Сунь Ятсена "на борьбу против империализма, грабежа Китая державами. Это самое популярное и понятное дело для всего Китая. На этом он может приобрести полит[ический] капитал, укрепнуть и полит[ически] и организационно... лозунг — борьба против держав может дать ему силу, которая поднимет его до Кемалья. Другой источник его возможной силы — зем[ельная] реформа. Они разрабатывают его, но все еще не решаются провести"⁵⁸.

Что касается Гоминьдана, то Карахан откровенно писал Сталину: из Пекина ему трудно ставить "совер[шенно] точный диагноз"⁵⁹.

Однако, получив подробную информацию из Гуанчжоу от Бородина о положении в Гоминьдане и опираясь на нее, Карахан в письме Чичерину от 28 июля 1924 г. представил план "отсечения правых" в Гоминьдане, на чем настаивал Бородин, и сообщил о позиции Сунь Ятсена в этой связи.

Необходимость такого рода "хирургической операции" Карахан объяснял несовместимостью сознания "правых" представлявших, по его мнению, интересы колониального китайского купечества и компрадорства, с той внутренней политикой, "на которую мы толкаем сейчас Суня"⁶⁰. Цель этой политики, по Карахану, — создание рабоче-крестьянской базы для партии путем реформ рабочего и аграрного законодательства — находилась в таком противоречии с настроениями правого крыла партии, что сосуществование с ним внутри Гоминьдана тех сил, на которые могла бы опираться Москва, было невозможным. По оценкам Карахана, Сунь, лично склонный к "левой" политике, в то же время боялся порвать с правыми и был готов идти на жертвы ради партийного единства. Полпред полагал, что Сунь не хотел рвать с правыми еще и из-за опасений ослабить свои позиции и положение партии, так как не имел к тому времени "достаточно сильной базы", которая состояла бы только из левого крыла. Исходя из изложенного, Карахан, по его сообщению, дал указание Бородину все внимание направить на создание сильного левого крыла партии и захват им важнейших партийных постов. В неизбежном конфликте между правым и левым крылом последнее должно было стать настолько внушительным, чтобы Сунь сделал выбор между ними без колебаний.⁶¹ Таким образом, речь шла о подготовке к расколу Гоминьдана, или по крайней мере к отколу от него "правых", что отнюдь не входило в планы Сунь Ятсена. Несколько позже, при подготовке к II съезду Гоминьдана (январь 1926 г.) Г.В. Чичерин выступил решительно против раскола Гоминьдана.

Осенью 1924 г. в руководстве ВКП (б), как и в Гоминьдане и КПК, обсуждался вопрос о поездке Сунь Ятсена в Пекин для участия в подготовительной конференции для созыва Национального собрания. На конференцию Сунь

был приглашен Дуань Цижую, в то время возглавлявшим правительство в Пекине, под давлением Фэн Юйсяна.

Тревога Москвы по этому поводу нашла отражение в письме Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 4 ноября 1924 г. В нем просматривается опасение за Сунь Ятсена в связи с созданием после переворота, совершенного Фэн Юйсяном 23 октября 1924 г. в Пекине, временного союза победителей в войне между чжилийской и фэнъяньской милитаристскими кликами — Чжан Цзолиня, Фэн Юйсяна и Дуань Цижую. Называя этот союз “директорией”, Чичерин полагал, что она “является ловушкой с целью дискредитации Сунь Ятсена”⁶². В Москве опасались не только возможных негативных политических последствий этой поездки, но и за жизнь Суня.

Л.М. Карахан в письме Г.В. Чичерину от 12 ноября 1924 г. посвятил несколько страниц необходимой политической линии поведения Сунь Ятсена, какой она представлялась полпреду, в связи с возможной поездкой Суня в Пекин. Карахан послал в Гуанчжоу свои предложения по поводу тактики, которой должен был придерживаться Сунь Ятсен в ответ на обращение Фэн Юйсяна, разосланное всем крупным военно-политическим деятелям страны, в том числе и Суню. Карахан рекомендовал, чтобы Сунь Ятсен “не солидаризировался ни с кем из военных лидеров и оставил бы совершенно развязанными руки”⁶³.

Кроме того, полпред сообщал о том, что он послал Бородину инструкцию, дабы тот “заставил Сунь Ятсена выпустить обращение к китайскому народу”⁶⁴. Эта идея была принята Сунь Ятсеном: как известно, 10 ноября 1924 г. он опубликовал “Манифест к походу на Север”⁶⁵.

13 ноября 1924 г. Сунь Ятсен покинул Гуанчжоу и направился через Шанхай в Японию, затем в Тяньцзинь.

В письме от 1 февраля 1925 г. Л.М. Карахан сообщил Г.В. Чичерину, что Сунь Ятсен находится при смерти. “Для партии это удар, который она с трудом вынесет. Сейчас мы бьемся над тем, чтобы провести манифест предсмертный, нечто вроде политического завещания”⁶⁶.

Видимо, еще не зная, что Сунь доживает последние дни, И.В. Сталин в письме Л.М. Карахану от 19 февраля 1925 г. просил его сообщить “о делах в Гоминьдане, о здоровье Суня”⁶⁷. Узнав о безнадежном состоянии Сунь Ятсена, Сталин в явном раздражении 6 марта 1925 г. писал Карахану: “Как дело с Сунь Ятсеном?... (отточие мое. — А.К.). Есть там в Гоминьдане люди, могущие заменить Сунь Ятсена в случае смерти. Это большой вопрос ...”⁶⁸

Недовольство Сталина можно понять. В Москве все же надеялись, что Сунь Ятсен займет в Пекине один из ключевых постов, а в дальнейшем и возглавит пекинское правительство.

После поражения революций в Европе — советских республик в Венгрии, Баварии и Словакии в 1919 г., восстания в Германии в ноябре 1923 г., Коминтерн, не ожидая в близкой перспективе новых революций на Западе, переключил свое основное внимание на развитие революционного процесса на Востоке (“восточный маршрут революции”), особенно в Китае. В этом отношении характерна информация Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 4 ноября 1924 г.: “В теперешних выступлениях наших главных лидеров постоянно подчеркивается, что Восток столь же важен и даже важнее, чем Запад”⁶⁹.

Учитывая сложившуюся в мировом революционном движении обстановку, Сталин был озабочен сохранением и укреплением базы Гоминьдана в Гуандуне. При этом он особое значение придавал укреплению армии и расширению контингента, находившегося под надежным контролем гоминьдановского правитель-

ства. «Одной дивизии, организованной по-советски, конечно, мало, — писал он. — Надо бы заложить и оформить несколько дивизий... (отточие мое. — А.К.). И если Кантон сумеет построить хорошую и более или менее многочисленную армию, он будет тогда являть собой действительную скрепу новой народно-революционной общекитайской государственности»⁷⁰.

Советские советники южнокитайской группы во главе с главным военным советником Гуанчжоуского правительства и главного командования Национально-революционной армии В.К. Блюхером в тяжелых условиях самоотверженно работали над реформированием вооруженных сил Гоминьдана и строительством НРА. Не без их помощи в 1925 г. была одержана победа над Чэнь Цзюньмином (1-й и 2-й Восточные походы), а в 1926 — начале 1927 г. успешно проходили, в соответствии со стратегическим планом Блюхера и при его личном участии, первые два этапа Северного похода НРА, имевшего целью объединение Китая, чего долгие годы добивался Сунь Ятсен. В успехах военных кампаний Гоминьдана сыграли свою роль и поставки из Советского Союза. В свою очередь М.М. Бородин как политический советник Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае сыграл существенную роль в подготовке I съезда этой партии и ее реорганизации.

Из «Переписки» следует, что советские руководители не имели реального представления о масштабе личности Сунь Ятсена как политика, теоретика и практика китайской революции. Они на определенном этапе проявляли недоверие к нему, особенно из-за его «фантастических» военных предприятий и неверно понятой в Москве позиции по ряду вопросов партийной политики Гоминьдана. Вместе с тем сотрудничество между Москвой и Гуанчжоу развивалось. Сунь Ятсен открыто шел на сближение, сотрудничество и дружбу с Советским Союзом, что было в условиях Китая того времени мужественным поступком. Советский Союз с осени 1923 г. начал оказывать Сунь Ятсену запрошенную им помощь, направляя в Гуанчжоу политических и военных советников. С мая 1924 г. Советская Россия финансировала военную школу Хуанпу (Вампу), в которой работали советские инструкторы, в советских военных училищах и академиях проходили обучение члены Гоминьдана и КПК. С октября 1924 г. начались поставки в Гуанчжоу оружия, объемы которых с 1925 г. нарастали.

Следует иметь в виду, что во взаимоотношениях Советского Союза и Коминтерна, с одной стороны, и Сунь Ятсена и возглавляемой им партии Гоминьдан, — с другой, каждая из них преследовала свои цели. Сунь Ятсену от Советского Союза нужна была помощь оружием, финансовыми средствами, военными советниками, в чем ему напрочь было отказано странами Запада. В свою очередь Советский Союз и Коминтерн были заинтересованы в утверждении своих позиций в единственной в то время в Китае революционной базе, основанной Сунь Ятсеном, в ее укреплении с тем, чтобы Москва могла опираться на эту базу в ее деятельности, направленной на развитие национально-освободительного антиимпериалистического движения в этой стране.

1. Речь идет о сборнике документов: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы; август 1923 г. — 1926 г. / Сост., отв. ред.-подготовитель, авт. предисл. д.и.н. А.И. Картунова; гл. ред. академик РАН М.Л. Титаренко. М.: Наталис, 2008 (далее: Переписка...).
2. Выражение Л.М. Карахана. См.: Переписка... С. 67 (док. № 1).

3. Сохранилось единственное письмо Сунь Ятсена от 6 декабря 1922 г. из Шанхая, адресованное В.И. Ленину. См.: ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. I. 1920—1925 / Ред. кол. М.Л. Титаренко и Го Хэнъюй (руководители работы) и др. М., 1994. С. 151—152 (док. № 50). Сокращенный текст письма опубликован в 1966 г. в статье: *Картунова А.И.* Сунь Ятсен — друг советского народа // *Вопр. истории КПСС.* 1966. № 10. С. 32. В статье Сун Цинлин (вдовы Сунь Ятсена) (См.: *Народный Китай.* 1956, № 22. С. 9) упоминается о письме Ленина Сунь Ятсену, до сих пор не опубликованном.
4. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 378—383.
5. *Тихвинский С.Л.* Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ (Предисл. к изд. 2 “Избранных произведений Сунь Ятсена”) // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 16.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 400—406.
7. Там же. Т. 22. С. 189—191; Т. 23. С. 28—29, 166—167, 138—140.
8. Полный текст этого документа см.: *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июнь 1927 г.). М., 2000. С. 24—25; 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
9. См.: *Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы* / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1986. С. 37—38.
10. Там же. С. 39—41.
11. ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... Т. I. С. 206 (док. № 64).
12. Там же. С. 225 (док. № 72).
13. Там же. С. 240 (док. № 80).
14. См.: Сообщение РОСТА от 27 февраля 1923 г. о коммюнике полномочного представителя РСФСР в Китае А.А. Иоффе и Сунь Ятсена по поводу советско-китайских отношений // *Советско-китайские отношения, 1917—1957: сб. докум.* / Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М., 1959. С. 65.
15. Л.М. Карахан выехал из Москвы в Китай в начале августа 1923 г., по пути в Пекин останавливался в Мукдене (преимущественно для встречи с Чжан Цзолинем) и Харбине. В Пекин прибыл 2 сентября 1923 г.
16. Переписка... С. 66 (док. № 1).
17. Проблема КВЖД ...
18. Там же.
19. Там же. С. 66—67.
20. Там же. С. 67.
21. Там же.
22. Там же. С. 68.
23. См.: там же. Док. № 5, 9.
24. Делегация находилась в Москве со 2 сентября по 27 ноября 1923 г. Документальный материал о пребывании делегации в Советском Союзе, принятых в Москве решениях см.: ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. Док. № 82—85, 87, 89, 97—99.
25. Переписка... С. 84 (док. № 5).
26. См.: там же. С. 100 (док. № 11). Речь идет о постановлении Политбюро ЦК РКП от 8 марта 1923 г., в котором признавалось возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов и необходимым послать к Суню, с его согласия, группу политических и военных советников. — См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. С. 206 (док. № 64).
27. М.М. Бородин (Грузенберг) прибыл в Кантон 6 октября 1923 г. и был назначен Сунь Ятсеном инструктором по реорганизации Гоминьдана. Позже был главным политическим советником ЦИК Гоминьдана, одновременно — представителем Коминтерна в Китае.
28. Переписка... С. 100 (док. № 11)
29. Там же. С. 101.
30. Там же. С. 101—102.

31. Там же. С. 102—103.
32. Там же. С. 116 (док. № 15).
33. См.: там же. С. 130, 132, 134 (док. № 21).
34. Там же. С. 134.
35. Там же. С. 136 (док. № 22).
36. Там же. С. 154 (док. № 31).
37. Там же. С. 156 (док. № 32).
38. Там же. С. 163 (док. № 35).
39. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919—1929. М., 1999. С. 89.
40. Там же. С. 160 (док. № 34).
41. Там же. С. 157 (док. № 33).
42. Там же.
43. Там же. С. 157—158 (док. № 33).
44. Там же. С. 159 (док. № 33).
45. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. С. 442 (док. № 112).
46. Там же. С. 443 (док. № 113).
47. Переписка... С. 200 (док. № 47).
48. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т.1. С. 370—376 (док. № 109).
49. Там же. С. 374.
50. Кемаль паша Гази Мустафа (с 1934 г. — Ататюрк) — руководитель национально-освободительной революции в Турции (1918—1923 гг.), первый президент Турецкой Республики (1923—1938), лидер Народно-Республиканской партии.
51. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т.1. С. 374—375.
52. Речь идет об индивидуальном вступлении членов КПК в Гоминьдан при сохранении идейной политической и организационной независимости обеих партий и установлении сотрудничества между ними. Окончательная договоренность об этом была принята на I съезде Гоминьдана (январь 1924 г.).
53. ВКП (б), Коминтерн и Китай... Т. I. С. 375.
54. Там же. С. 375—376.
55. Переписка... С. 237 (док. № 58).
56. См.: там же. С. 275 (док. № 69).
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же. С. 294 (док. № 78).
61. Там же.
62. Там же. С. 360 (док. № 102).
63. Там же. С. 367 (док. № 103).
64. Там же.
65. Текст Манифеста см.: *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 699—703.
66. Переписка... С. 426 (док. № 126). Предсмертное завещание Сунь Ятсена от 11 марта 1925 г. см.: *Сунь Ятсен.* Указ. соч. С. 741.
67. Там же. С. 440 (док. № 124).
68. Там же. С. 474 (док. № 132).
69. Там же. С. 360 (док. № 102).
70. Там же. С. 474 (док. № 132). Под "дивизией, организованной по-советски", Сталин имел в виду учебные полки, созданные с участием советской стороны при военной школе Хуанпу (Вампу), возглавлявшейся Чан Кайши.

Культура

Храмовые ярмарки в современном Китае

© 2010

М. Захарова

"Храмовые ярмарки" (*мяо хуэй*) представляют собой неотъемлемую составляющую культуры Китая. Традиционно объединяя культы, обряды и религиозные верования с торговлей и зрелищами, современные "храмовые ярмарки" трансформировались в массовые праздничные мероприятия, поддерживаемые на муниципальном и государственном уровнях. Несмотря на редуцирование сакрального значения, ряд сущностных функций современной "храмовой ярмарки" остались неизменными, основной из которых является социальная коммуникация.

Ключевые слова: храмовая ярмарка, праздник, Китай, культура, традиции, Чуньцзе, календарь.

Одним из центральных событий традиционных китайских календарных праздников является проведение особого рода парковых или храмовых празднеств, которые собственно и воплощают идею праздника и радости по поводу начала нового цикла жизни. Современные праздники в Китае могут представлять порою грандиозные события, активно поддерживаемые городскими властями, как это, например, делается в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и других крупных городах. Социализация праздничного действия в больших городах произошла очень быстро, и сегодня, используя традиционную форму посещения храмов для новогоднего моления духам, городские жители в основном посвящают свое время еде, покупкам и наблюдениям за импровизированными спектаклями. Вместе с тем, в сельских местностях в провинциях Хэнань, Хэбэй и даже уездных центрах ключевым моментом посещения храма является обращение слов мольбы и благодарности к предкам.

Понятие *мяо хуэй* (храмовая ярмарка) дословно означает "сбор людей на территории храма". В современном языке *мяо* обычно переводится как "храм", "кумирня", хотя первоначально оно было связано практически с любым местом поклонения духам, в том числе с алтарем. *Мяо хуэй* можно перевести и как "храмовый праздник", и как "храмовая ярмарка". Оба названия правомерны и отра-

жают суть явления, поскольку сочетают в себе как празднично-ритуальное событие, так и момент торгового обмена, также связанного с древней традицией “обмена дарами”. Как традиционные, так и современные храмовые ярмарки, храмовые праздники представляют собой сочетание ярмарки, зрелищ и массовых гуляний и посвящены календарному или религиозному празднику. При этом наличие храма как места проведения праздничной ярмарки необязательно. Сами же храмовые ярмарки могут проводиться в любом китайском храме, монастыре, у деревенской кумирни либо вне их пределов.

Проследить исток самого феномена храмового праздника достаточно сложно, поскольку под этим понятием могло подразумеваться в том числе и сезонное собрание общины внутри буддийского храма¹. По одной из версий, по мере распространения буддизма в Китае и строительства буддийских храмов появился обычай в честь рождения Шакьямуни и его ухода в лучший мир устраивать в храмах праздники, куда приходили и торговцы. Это и послужило основой становления храмовых ярмарок или храмовых праздников.² Таким образом, *мяо хуэй* можно перевести также как “ярмарка”, “праздник”, “базар” на территории храма или вне его; это понятие предполагает проведение в храме, монастыре или в любом другом месте обрядов поклонения духам, предкам, божествам с совмещением развлекательных мероприятий.

По другой версии возникновение храмовых ярмарок связано с обрядами жертвоприношений. “Во время эпохи Чжоу обряды жертвоприношений совершал правитель (*ван*). Обряды эти получили название *ли шэ*, *ван шэ*. Каждые 25 домов образовывали *ли* (деревня), которые сами могли приносить жертвы духам. Они получили название *ли шэ* или *мин шэ* (обряды жертвоприношений в деревне, деревенский алтарь). Обряды жертвоприношений и поклонений духам сопровождались музыкой и танцами. Сочетание обрядовой части и увеселительных мероприятий в едином действе явилось основой возникновения храмовых ярмарок, соединяющих культ с развлечением”.³

Существовало несколько основных типов подобных празднеств, а в каждом городе, уезде проводились свои храмовые ярмарки, самые значительные из которых были приурочены к календарным праздникам. Коллективное начало храмовых ярмарок сближает их с рынком, базаром, ярмаркой. В период Северных и Южных династий (420-589) храмовые ярмарки стали отождествляться с продажей, рынком. Окончательное становление *мяо хуэй* как ярмарки, сочетающей проведение обряда с праздничной торговлей и зрелищем, произошло в династию Тан⁴.

В Пекине самые ранние храмовые ярмарки относятся к периоду Ляо (916-1127), а своего расцвета она достигли в династию Мин. В эпохи Юань и Мин в Пекине уже существовал обычай посещать храмовые праздники в период встречи традиционного нового года Чуньцзе. Примечательно, что обычно более половины всех присутствующих на подобном храмовом празднике составляли зеваки, треть — торговцы и только десять процентов — молящиеся и участвующие в религиозных обрядах.⁵ Можно сказать, что такое же соотношение сохранилось и в конце XX в.

Таким образом, храмовые ярмарки традиционно объединяли культы, обряды и религиозные верования с торговлей и зрелищами, характерными для календарных праздников. Главная особенность храмовых праздников на современном этапе заключается в том, что они перестали быть исключительно храмовыми. Если изначально ярмарка, продажа были лишь дополнением к обрядовым дейст-

вам, то в 80-90-х гг. XX в. самые массовые и крупные храмовые ярмарки стали проводиться в городских парках или в специально благоустроенных для этого местах. То, что речь идет именно о храмовых ярмарках *мяо хуэй*, доказывает время их проведения, форма организации, наличие традиционных зрелищ и традиционных товаров.

Храмовые ярмарки неоднородны по форме, цели, месту, периодичности проведения. Можно выделить четыре основных вида храмовых празднеств, хотя следует иметь в виду, что такое деление достаточно условно, так как подобная классификация никогда не была формализована.

Храмовые ярмарки, основу которых составляли религиозные обряды, проводились в каждый религиозный праздник или в день поклонения определенному духу. Посещающие в этот день храмовую ярмарку участвуют в службе, читают молитвы, обращенные к божеству. Зрелища, развлечения и торговля развиваются, как правило, вокруг храма и являются дополнением к обрядовой части. Их также называют *сян хо* (богослужение). Как правило, такие ярмарки проводились каждое новолуние и полнолуние месяца (то есть каждое первое и пятнадцатое число аграрного календаря).

Храмовые ярмарки, приуроченные к Чуньцзе, также носили название *ю чунь мяо хуэй* — весенние ярмарки. Их основу составляли народные гуляния, зрелища, развлечения. Богослужения и торговля дополняли народные гуляния. Проведение “весенних ярмарок” начиналось с приходом Чуньцзе (первые дни первого месяца по аграрному календарю) и проводились вплоть до третьего месяца. В некоторых храмах “весенние ярмарки” совпадали с местными религиозными праздниками. Так, в даосском храме Байюньгуань (Пекин) 19 числа первого месяца по аграрному календарю проводился праздник *янь цзю цзе* в честь канонизированного даоса Цю Чу-цзы (1148-1227 гг.).

В китайской литературе, в стихах и пословицах также можно встретить еще одно название подобных весенних храмовых ярмарок — *чунь чан*. В отечественной специальной литературе данное название переводится как “весенняя площадка”⁶. Принимая во внимание первоначальное значение этого термина правильно было бы переводить *чунь чан* как “весенние гуляния”, “весенние праздничные ярмарки”.

Торговые храмовые ярмарки отличала оживленная торговля, поэтому их также называли *мяо ши*. В отличие от религиозно-обрядовых и весенних ярмарок торговые ярмарки проводились не по установленным датам, а от случая к случаю. Они редко были связаны с обрядами, поклонениями божествам и жертвоприношениями. Исключение составляли боги и духи, покровители богатства и торговли, которым приносили богатые жертвы, зажигали курительные палочки, совершали обрядовые поклоны.

Храмовые ярмарки, проводимые вне храмов, обычно называют *ши цзи* (ярмарка, базар). Аналогом этого понятия в русском языке может быть “птичий рынок” или “блошинный рынок” в зависимости от специфики торговли. Одной из разновидностей внехрамовых ярмарок является *хуа ши цзи* — цветочный (или птичий) рынок.

Согласно статистике 1930 г., в Пекине насчитывалось 20 мест, где периодически проводились храмовые ярмарки, и 16 мест их проведения в окрестностях города. Пекинцы называют семь самых крупных и красочных храмовых ярмарок. Наиболее популярная из них проходила в Тудимяо (Храм Земли). По оживленности также выделяли храмовые ярмарки восточной и западной части города —

дун мяо и *си мяо*. В восточном районе наибольшей популярностью пользовалась ярмарка Лунфосы, а в западном — Хугосы⁷.

Исторически возникло деление храмовых ярмарок и по типу торговли. Выделяли храмовые ярмарки, которые проходили в местах, где были построены магазинчики и лавочки (*цзо шан* — стационарная торговля). Другой тип представляла “передвижная торговля” — *син шан*, когда перед началом ярмарки устанавливались переносные или временные прилавки. Также традиционно существовали торговцы с переносными лотками или коромыслами. К ним относились торговцы игрушками, мелкими повседневными товарами и предметами народного искусства (обереги, благопожелательные игрушки и т.д.). Они ходили от ярмарки к ярмарке, зазывали громкими криками людей посмотреть свой товар.

Расцвет культуры храмовых ярмарок в Пекине пришелся на период династии Мин. Провозглашение Пекина столицей империи привело к росту строительства в городе храмов. В те времена “ежегодно с первого дня нового года в пекинских храмах Дачжунсы, Лунфосы, Юнхэгун, Хуансы и других открывались ярмарки. На них приезжали торговцы из разных мест. Повсюду было множество паломников и приезжих. Одни из них хотели заработать, другие помолиться о долголетьи, некоторые отведать новогодние лакомства, а кто-то просто развлечься. На праздник приходили или всей семьей, или с друзьями”⁸.

Крупнейшие храмовые ярмарки также включали в себя продажу фонарей — *дэн ши*. Они устраивались после наступления Чуньцзе в преддверии Праздника фонарей. Помимо фонарей на них продавались украшения, антиквариат (*гу вань*), курительные палочки, шелк, табак и другие “благородные товары”. *Дэн ши* также проводились пятого, пятнадцатого и двадцать пятого числа каждого месяца.

Пятого, пятнадцатого и двадцать пятого числа каждого месяца в городах устраивали специальные “храмовые ярмарки” в честь бога-покровителя города.

Периодически с заходом солнца в городах проводились ночные ярмарки, которые из-за темного времени суток назывались *гуй ши* (“чертов рынок”) или “хэй ши” (“черный рынок”). В наши дни ночные рынки называют *е ши*.

Во времена династии Цин в Пекине были построены крупные ламаистские храмы. Так, в храме Юнхэгун ярмарка проводилась в первый день второго месяца на праздник Дагуйцзе и называлась *дагуй мяо хуэй*.

С начала XX в. можно говорить о постепенном затухании культуры *чунь чан* (загородных весенних ярмарок) и укрупнении городских храмовых ярмарок, проводимых на Чуньцзе и каждое первое и пятнадцатое числа месяца.

После 1912 г. в Пекине были построены специальные площадки для проведения ярмарок, ведения рыночной торговли — “Дун ань шичан” и “Си дань шанчан”. Таким образом было сохранено сложившееся в династию Цин разделение городских ярмарок на западные и восточные. Созданные в начале XX в. рыночные площадки восприняли “рыночную” функцию храмовых ярмарок. С этого периода храмовые ярмарки становятся в большей степени частью календарных праздников, а их основу составляли зрелища, в то время как торговля стала уделом рыночных базаров. С 1929 г. в Пекине выделились пять крупных “храмовых ярмарок” — вокруг храмов Тудимяо, Хуашицзи, Байтасы, Хугосы и Лунфосы.

Отдельно следует сказать о пекинской ярмарке Чаньдань (на месте нынешней улицы Люличан). Уже с середины XVIII в. в этом районе сложился рынок, где с первого по шестнадцатого числа первого месяца устраивались ярмарки, знаменитые редкими драгоценностями, антиквариатом, картинами, цветами, а

также игрушками, новогодними угощениями. В период Чуньцзе там продавались традиционные бамбуковые волчки, ветряные вертушки⁹.

После образования нового Китая ярмарка Чандань устраивалась каждый год. Во время Чуньцзе 1963 г. по обеим сторонам улицы было установлено 750 лотков и палаток, тогда ее посетило около 4 миллионов человек. В годы “культурной революции” храмовые ярмарки практически не проводились, однако их торговая составляющая сохранялась.

Начиная с 80-х гг. XX в. в истории храмовых ярмарок наступил новый этап. Важной особенностью современной культуры храмовых ярмарок является то, что они возникают не стихийно, а организуются согласно решению местной администрации, исходя из годового плана проведения массовых мероприятий в период традиционных календарных праздников. Организация и проведение храмовых ярмарок в городах возлагается на муниципальные власти. В наши дни крупнейшие храмовые ярмарки приурочены к таким датам аграрного календаря, как Чуньцзе, Праздник фонарей, Дуанью, Праздник середины осени и т.д. и проводятся в специально отведенных для этого местах, включая храмы, парки, специализированные площадки. Так, народные гуляния в 90-ые годы XX в. в Пекине проводятся в парках Лунтаньху, Дагуанъюань, Дитаньгунъюань, в храмах Байюньгуань, Дачжунсы и др.

Один из наиболее примечательных современных храмовых праздников проходит в период Чуньцзе в Храме Земли (Дитань гунъюань), являясь одним из крупнейших в Китае (его посещает несколько сот тысяч человек). Обязательным компонентом мероприятия является праздничная торговля. В аллеях парка устанавливаются временные прилавки. Здесь можно купить практически все: книги, современные и традиционные игрушки и игры, посуду и бытовую технику, одежду и предметы интерьера, традиционные символические украшения дома к Чуньцзе. Ярмарка носит подчеркнуто простонародный характер, на ней никогда не встретишь предметов роскоши, антиквариата, драгоценностей. Вместе с этим активно продаются или, по крайней мере, демонстрируются предметы, связанные с народными традициями и забавами.

Важным элементом народных гуляний в Храме Земли являются праздничные угощения, которые отличаются как по форме организации, так и по предлагаемому меню от стандартных маленьких ресторанчиков под открытым небом. На время Чуньцзе небольшие прилавки превращаются в места дегустации народной кухни, где готовят знаменитые пекинские “уличные” блюда и “весенние угощения”. Лапша, шашлыки из лягушек и перепелов, *тан ча* (сладкая каша из муки и крахмала, разбавляемая кипятком из огромного медного чайника), *цзао хуа* (сладости из фиников) — традиционные угощения этой ярмарки.

Обязательным элементом храмового праздника является разыгрывание небольших исторических спектаклей, вполне традиционных для всяких праздничных зрелищ в Китае. С конца 80-х гг. прошлого века в Дитаньгунъюань на алтаре Земли проводится театрализованное представление “Император Цяньлун приносит жертву Земле”. Под гром барабанов и литавр перед алтарем выстраиваются шеренги чиновников, воинов и слуг в традиционных одеждах. Затем в зону алтаря входит процессия, которая вносит на паланкине императора. Поднявшись на алтарь, он совершает ритуалы жертвоприношений и поклонов Земле. Представление проводится ежедневно в период новогодней ярмарки и длится около часа.

В парке проходят выступления известных артистов и самодеятельности. На больших сценических площадках разыгрываются сцены и исполняются знаменитые арии из Пекинской оперы. Сказители, актеры разговорных жанров развлекают публику юмористическими рассказами и пародиями на артистов и певцов. Выступают детские и юношеские коллективы, представляющие традиционные танцы и песни. На территории парка в дни праздника проходят представления цирковых коллективов.

В конце XX в. традиционные уличные шествия ряженных, танцы львов и драконов в городах стали проводиться в парках и храмах. Современные "храмовые шествия" включают танцы сухопутных лодок, характерные для деревенской культуры центрального Китая: женщины надевают на себя специальные костюмы в виде плывущих по воде лодок. В шествии ряженных всегда присутствуют традиционные театральные типажи, а также персонажи сказаний и опер, например, "глупый чиновник", "сварливая старуха-свекровь", "красавица". Шествия сопровождают группы музыкантов из 4-5 человек, играющих на народных инструментах.

В современных городских шествиях ряженных принимают участие пенсионеры района или самодеятельные коллективы местных предприятий, заводов, компаний, государственных учреждений. В течение года пожилые женщины и мужчины, пенсионеры на улицах Пекина занимаются танцами, которые одновременно являются и оздоровительной гимнастикой. В дни Чуньцзе они принимают участие в местных торжествах и шествиях ряженных.

В парке Дитань гунъюань также в период ярмарки проходят выставки народного искусства, демонстрирующие различные техники народного искусства и представляющие народных мастеров. Вокруг алтаря Земли проводятся популярные на Чуньцзе конкурсы: набрасывание колец и разгадывание "фонарных загадок".

Каждая храмовая ярмарка в современном Пекине знаменита чем-то особенным. Так храмовая ярмарка в парке Лунтаньху славится своим размахом и красочным представлением на расположенном в центре парка холме, который в период праздника превращается в импровизированную сцену. Ежегодно более сотни самодеятельных коллективов из провинций Ляонин, Шаньдун, Цзянси, Ганьсу, Хэбэй, Нинся приезжают в Пекин для выступлений на этом храмовом празднике. Эти новогодние гастроли не являются коммерческими, но входят в государственную программу проведения массовых мероприятий на Чуньцзе. Самодеятельным актерам предоставляется бесплатный проезд и проживание в Пекине, а также возможность посещения других праздничных мероприятий.

В парке Дагуанъюань на Чуньцзе одновременно с разворачивающейся ярмаркой традиционно разыгрывается спектакль "Юаньфэй навещает родных" по мотивам романа "Сон в красном тереме". Вокруг парка проходят зрелищные представления: танцы львов, драконов. Но самым знаменитым представлением в Дагуанъюань являются шествия на ходулях. Деревенские самодеятельные коллективы демонстрируют свое мастерство в прыжках, переворотах и сальто на полуметровых ходулях.

Другие пекинские храмовые ярмарки также имеют свои "визитные карточки". Например, в храме Дачжунсы посетители слушают 108 ударов старинного колокола эпохи Мин или же сами бьют в различные колокола, чтобы поздравить своих родных с Новым годом¹⁰. В центральном даосском храме Байюньгуань

(“Храм белых облаков”) на театральной сцене разыгрываются сцены из весьма редкой в Пекине Шаосинской оперы.

Современные храмовые ярмарки, сохраняя в основном свою традиционную форму, в большей степени являются поводом для праздничной торговли и веселых развлечений, нежели для религиозного обряда. У храмовых праздников появился и ряд новых функций, в частности, государственные власти поддерживают их с целью просвещения и воспитания народа, приобщения молодого поколения к национальным традициям, справедливо считая, что храмовые ярмарки также эффективны с экономической точки зрения.

Традиционная храмовая ярмарка в условиях современного Китая приобретает новую идеологическую составляющую, ни в малой мере не сводимую к религиозной традиционной обрядовости. Основная идеологема праздника как средства “воспитания народа” и “поддержания местной экономики” активно пропагандируется в местной и центральной прессе. Например, ежегодно в период Чуньцзе в пекинских газетах “Бэйцзин ваньбао”, “Бэйцзин жибао”, “Бэйцзин циньняньбао” публикуются “карты новогодних храмовых ярмарок” — схемы проведения в городе праздничных мероприятий с программами гуляний, транспортными маршрутами, подробным описанием театрализованных представлений. Такие “карты праздника” в старину воплощались в лубке, а с 80-х гг. XX в. снова возродились в картинках лубочного типа¹¹.

Форма проведения современных храмовых ярмарок значительно трансформировалась по сравнению с эпохами Мин-Цин — периодом расцвета подобных празднеств. Тем не менее, ряд сущностных функций *мяохуэй* остались неизменными, основной из которых является социальная коммуникация и возобновление не только социальных связей, но и столь характерное для всякого китайского традиционного праздника “обновление” связей с духами предков. Однако сакральная составляющая *мяохуэй* заметно редуцировалась, сократилась до нередко формального ритуала, хотя в ряде уездов провинции Хэнань (Дэнфэн, Синьми) храмовые праздники по-прежнему наполнены сложной литургикой, а ярмарочная торговля является скорее традиционным продолжением праздника, но не ее поводом.

1. См., например, “Люцзу таньцзин” (“Престольная сутра Шестого патриарха”). Лоян. 1999, цз. 1. Здесь патриарх чань-буддизма Хуэйцзэн собирает перед храмом для проповеди как мирян-упаса, так и монахов, что именуется *мяо хуэй*. В другом же месте, (цз. 6) под *мяо хуэй* подразумевается именно сезонное собрание буддийских монахов.
2. Гао Юпэн. Чжунго мяохуэй вэньхуа (Культура китайских храмовых ярмарок). Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 1999. С. 14.
3. Го Цышэн. Бэйцзин мяохуэй цзюсу (Древние традиции и обычаи пекинских храмовых ярмарок). Пекин: Чжунго хуацяо чубаньшэ гунсы, 1989. С. 3.
4. Сюй Чэзу. Ханьцзу миньцзянь фэнсу (Китайские народные обычаи). Пекин, 1998. С. 21.
5. Там же.
6. Большой русско-китайский словарь. М.: Наука, 1983. т. 3. С. 470.
7. Го Цышэн, Бэйцзин мяохуэй цзюсу (Древние традиции и обычаи пекинских храмовых ярмарок) Пекин: Чжунго хуацяо чубаньшэ гунсы, 1989. С. 30.
8. Чуньцзе мяохуэйнао цзинчэн. Пекин: Синьсин, 1993. С. 2.
9. Там же. С. 5.
10. Там же. С. 7.
11. План-схема новогоднего массового праздничного гуляния, посвященного “году дракона” (февраль 1988г.), “От дибао до “Жэньминь жибао”: путь в 1200 лет”. М.: РУДН, 1989. С. 33.

Научная жизнь

XVIII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы"

21—23 октября 2009 г. в Москве, в Президиуме РАН и в Институте Дальнего Востока, прошла XVIII Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", приуроченная к двум взаимосвязанным знаменательным историческим событиям: 60-й годовщине образования КНР и 60-летию дипломатических отношений СССР/РФ и КНР.

В качестве основных организаторов конференции выступили РАН, Научный совет по проблемам комплексного изучения современного Китая, Институт Дальнего Востока и Общество российско-китайской дружбы.

Конференция проводилась при спонсорской поддержке президента китайско-российской торговой палаты г-на Хуан Сяодуна (Гонконг) и ФСЗ "АКАДЕМИА".

Это важное научное событие стало весьма представительным и привлекло, в общей сложности, свыше 250 отечественных и зарубежных участников и гостей, среди которых преобладали ученые из РФ и КНР. Участие в работе конференции приняли заместитель Председателя Совета Федерации М.Е. Николаев и ряд сотрудников МИД РФ. Среди других российских участников были в основном представители научных кругов и высшей школы: Российской академии наук (Институт Дальнего Востока, Институт языкознания, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Институт востоковедения, Институт информации по общественным наукам, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО), Института военной истории, Российского института стратегических исследований, Московского государственного университета (Институт стран Азии и Африки, филологический и социологический факультеты), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ, Восточный факультет), Московского государственного института международных отношений, Института практического востоковедения, Петрозаводского ГУ, Российского университета Дружбы народов, Российского государственного гуманитарного университета, Дальневосточного государственного университета (Владивосток), Ярославского ГУ, Иркутского ГУ, Дипломатической академии МИД РФ, Саратовской государственной академии права, а также Евразийского центра управления проектами, Ассоциации сотрудничества со странами АТР, ООО Ин-ИТ, издательского дома "РС Деловой мир".

Зарубежные участники представляли Академию общественных наук КНР (Институт современного Китая, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии, Институт Северо-Восточной Азии), АОН провинций Хубэй, Цзинь, Хэйлунцзян, Пекинский административный институт, а также целый ряд высших учебных заведений, включая Фуданьский университет (Шанхай), Нанькайский университет (Тяньцзинь), университет Гонконга, Национальный университет Чжэнчжи (Тайвань), университет Лунда (Швеция), Латвийский государственный университет им. Страдыня. Интерес к работе конференции проявили и сотрудники Посольства КНР в РФ, аккредитованные в Москве корреспонденты агентства "Синьхуа", газет "Жэньминь жибао", "Гуанмин жибао", "Цзинцзи жибао", а также независимые эксперты. Отрядным явлением стало участие в работе конференции обучающихся в РФ российских и китайских студентов и аспирантов.

Главные темы конференции предопределили содержание состоявшихся научных обсуждений по широкому кругу проблем. Открывая работу конференции, директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко отметил, что конец первого десятилетия XXI в. в развитии Китая и российско-китайских отношениях отмечен целым рядом важных исторических дат, которые не могут не привлечь самого широкого внимания. Это 60-летие КНР и 60-летие установления дипотношений между КНР и СССР/РФ. Неслучайно конференция собрала столь большой и представительный состав участников.

В приветствии Президента РАН академика Ю.С. Осипова, зачитанном вице-президентом РАН академиком А.Д. Некипеловым, выражалась надежда на то, что данная конференция станет стимулом для дальнейшего углубления сотрудничества между РФ и КНР.

Очевидец событий октября 1949 г., ветеран отечественного Китаеведения, академик С.Л. Тихвинский сделал акцент на факте, предопределившем не только динамику советско-китайских отношений, но и расстановку сил на международной арене, а именно на том, что уже 2 октября 1949 г., на второй день после образования КНР, было объявлено о признании СССР нового государства и установлении дипотношений между двумя странами. Следствием этого стали начавшиеся вскоре встречи и контакты советских и китайских ученых, взаимно обогащавшие науку. Это, в свою очередь, благотворно повлияло на структурное укрепление отечественного Китаеведения.

От имени Посольства КНР в РФ с открытием конференции поздравил временный поверенный в делах КНР в РФ Ли Хуэйлай, который высказал пожелание, чтобы этот научный форум стал площадкой обмена мнениями между китаистами различных стран через призму доброжелательности и объективности. Одновременно он охарактеризовал данную конференцию как "мостик в укреплении китайско-российских отношений".

На первом пленарном заседании был заслушан ряд научных докладов и сообщений. Директор ИДВ РАН, академик М.Л. Титаренко в докладе "О международном значении образования КНР и опыта китайских реформ" в контексте шестидесятилетнего исторического экскурса отразил динамику социально-экономического развития КНР за последние 30 лет. Он подчеркнул, что образование КНР стало поистине явлением глобального масштаба, а сформулированные при образовании нового государства базовые принципы — отправной точкой трудного и сложного поиска пути дальнейшего развития. Современный его этап ознаменовался проведением "политики реформ в Китае — примера раскрытия резер-

вов, заключенных в творческом осмыслении возможностей, связанных с развиваемой в стране моделью организации общества и производства". Докладчик показал, что целый ряд аспектов модернизации Китая и политики реформ имеют важное международное значение.

В выступлении директора ИРВЕЦА АОН КНР У Эньюаня "Откроем новую главу в стратегическом партнерстве Китая и России" отмечалось, что за 60 лет китайско-российские отношения прошли непростой путь развития. Последние десятилетия стали годами продвижения к политической зрелости и деловому взаимодействию, обогащения результатов практического сотрудничества, углубления политического взаимодоверия, расширения гуманитарных обменов, укрепления региональных связей и стратегического партнерства в международных делах.

В докладе В.Я. Портякова (д.э.н., ИДВ РАН) "Становление Китая как ответственной глобальной державы" прослежены генезис и объективные основания для самоидентификации Китая как ответственной глобальной державы. В нем не только была дана оценка влиянию Запада на этот процесс, но и рассмотрены особенности концептуального подхода КНР к своей глобальной ответственности и основные сферы ее практической реализации на современном этапе.

Цюй Вэй (Президент АОН пров. Хэйлунцзян) выделил важнейшие особенности опыта развития Китая за 60 лет. Основываясь на экономических показателях и статистических данных, он показал впечатляющую динамику позитивных изменений, происшедших в КНР в экономической, социальной и политической областях. За 30 лет экономика Китая по темпам роста стала первой в мире (в среднем около 9% за последние годы). Даже на фоне мирового финансового кризиса в 2009 г. она растет более чем на 8%, превратившись в локомотив возрождения мировой экономики. В связи с этим Цюй Вэй подчеркнул, что только модель реформ рыночной экономики с государственным макрорегулированием обеспечила жизнеспособность китайской экономики и возможность выдержать сначала бурю азиатского, а затем и удары мирового финансового кризиса.

Профессор, вице-президент ЕАК Р. Грэтэр (Швеция), рассматривая шестидесятилетний период защиты права интеллектуальной собственности в КНР, отметил впечатляющий прогресс китайского правительства в его политике в отношении вопроса о правах на интеллектуальную собственность. Вместе с тем, он сделал вывод о том, что в самом Китае реализация таких прав является одной из трудноразрешимых внутренних проблем.

А.В. Островский (д.э.н., ИДВ РАН), анализируя возможности России на китайском рынке энергоресурсов, пришел к заключению, что у Китая достаточно текущих запасов энергоносителей на территории страны для обеспечения высоких темпов экономического роста. К тому же он имеет сложившиеся к настоящему времени источники импорта энергоресурсов с Ближнего Востока, из России, стран Центральной Азии и Латинской Америки.

А.В. Ломанов (д.и.н., ИДВ РАН) подверг анализу современные философские исследования в КНР, сопоставив их с изысканиями в этой области в предыдущие периоды истории страны. Он акцентировал внимание на том, что за годы реформ в КНР были достигнуты значительные успехи в изучении современной зарубежной философии и истории китайской философии, в поиске путей обновления сложившейся системы марксистской философии. Вместе с тем, углубление специализации и профессионализации философских исследований лишили эту отрасль знаний былой общедоступной массовости, свойственной философии в первые десятилетия после образования КНР

Л.С. Переломов (д.и.н., ИДВ РАН) подчеркнул, что конфуцианство играло роль в идеологии КПК еще до образования КНР, но эта традиция была прервана во время “культурной революции”. В процессе корректировки направления реформ в последние годы руководство Китая стало уделять пристальное внимание трактовке современных идеологем в контексте конфуцианских морально-нравственных принципов и канонических текстов.

Общая дискуссия в ходе пленарного заседания органично перешла в форму “круглого стола” под руководством академика М.Л. Титаренко на тему: “60-летие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР: опыт и уроки”. В качестве основного докладчика выступил Заместитель Председателя Совета Федерации ФС РФ М.Е. Николаев — один из постоянных участников стратегического диалога “Китай—Россия”. Развивая тему стратегического партнерства РФ и КНР, он отметил, что найти ответы на все ключевые вопросы можно только, если видеть мир в единстве. Такой подход показывает, что необходимо перейти к совместной работе по интеграции, усиливать развитие регионального сотрудничества, создавая совместные предприятия особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, используя креативные возможности городов и деревень. В соответствии с идеями о превращении Евразии в крупный центр он высказался за создание экономического сообщества РФ, в опоре на ее сырьевые ресурсы, со странами Северо-Восточной Азии (Японией, Кореей, Китаем). Предметом дальнейшего обсуждения стали как проблемы генеральной, согласованной комплексной стратегии взаимоотношений РФ и КНР, так и реализация конкретных совместных программ и проектов в различных сферах, от экономики до образования. В дискуссии, развернувшейся на “круглом столе” приняли участие: А.В. Островский (ИДВ РАН), Цюй Вэй (Президент АОН пров. Хэйлунцзян), В.И. Трифонов (ИДВ РАН), В.Я. Портяков (ИДВ РАН), С.А. Иванов (Институт истории ДВО РАН), Л.И. Головачева (независимый эксперт, Украина), Цао Чжундэ (Нанькайский университет), Лю Цзяньнань (заместитель директора Института России ХАОН), У Эньюань (директор ИРВЕЦА АОН КНР), Э. П. Пивоварова (ИДВ РАН), А. В. Ломанов (ИДВ РАН) и ряд других.

Секционные заседания проходили 22 октября 2009 г. в ИДВ РАН. Представленные на них доклады были изданы накануне конференции¹.

На секции “Российско-китайские отношения и внешняя политика КНР. К 60-летию установления дипотношений” (руководитель В.Я. Портяков) были заслушаны 11 докладов. Тематически их можно разделить на три группы.

Первая — это собственно российско-китайские отношения. Г.В. Куликова (ИДВ РАН) подробно охарактеризовала особенности советской, а впоследствии российской “народной дипломатии” на китайском направлении, стержнем которой неизменно являлась деятельность Общества российско-китайской дружбы. Было подчеркнуто, что Общество продолжало активную работу даже в самые тяжелые времена двусторонних отношений. Виктор Тео (Университет Гонконга) отметил такую особенность двусторонних советско-китайских отношений прошлых лет, как сравнительно быстрый переход от сотрудничества к конфронтации и наоборот. По его мнению, во многом это объяснялось наличием оформленных союзнических отношений между странами, ведь в таких союзах всегда есть ведущий и ведомый. Сейчас в российско-китайских отношениях нет бремени формального союза, и отношения между партнерами стали более симметричными. Проф. Чжао Чжучэн (Институт этнологии Университета Чжэнчжи, Тайбэй) рассмотрел роль советского и российского фактора в национальном вопросе в Китае применительно к уйгурскому этносу. Его доклад можно охарактеризовать как

объективный, политически корректный и в то же время свободный от какой-либо заданности и зашоренности. С.А. Иванов (Институт истории ДВО РАН, Владивосток) проанализировал степень готовности приграничных территорий России к более глубокой кооперации с китайскими партнерами в свете принятой недавно программы сотрудничества Северо-Восточного Китая (Дунбэя) и Дальнего Востока.

Вторая группа докладов была посвящена конкретным направлениям современной внешней политики КНР. Это презентации Н.А. Самойлова (Восточный факультет Санкт-Петербургского Университета) о шести десятилетиях отношений КНР с Финляндией, Л.В. Забровской (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток) о политике Китая в деле обеспечения безопасности на Корейском полуострове, И.В. Олейникова (Иркутский университет) о месте связей с малыми островными государствами Тихого океана во внешней политике КНР, Е.О. Старовойтовой (Санкт-Петербургский университет) о стратегии Пекина в Латинской Америке.

Третью группу составили доклады, посвященные концептуально-теоретическим основам внешнеполитического курса КНР. С.И. Мисакян (Дипломатическая академия МИД РФ) рассмотрела китайский подход к категории "мягкой силы" и проследила активизацию использования компонентов "мягкой силы" во взаимоотношениях КНР со странами АСЕАН. А.Н. Королев (стажер Университета Гонконга) проанализировал так называемую "кризисную дипломатию" Китая. Особо было выделено ее успешное применение после землетрясения 12 мая 2008 г. в провинции Сычуань. Это позволило завоевать симпатии общественного мнения на Западе, где после событий в Тибете в марте 2008 г. доминировало негативное отношение к КНР. Оживленную дискуссию вызвал доклад Е.Ю. Стабуровой (Латвийский ГУ им. Страдыня) о конструировании концепций международных отношений в современной КНР. По ее мнению, это конструирование протекает как встраивание в дискурс американской политологии международных отношений. Китаю принципиально важно быть правильно понятым именно в США, к тому же сказывается сращивание экономического и образовательного пространства двух стран.

В работе секции "Шанхайская организация сотрудничества и взаимодействие РФ и КНР в Евразии" (руководители д.и.н С.Г. Лузянин, А.Ф. Клименко) приняли участие 26 экспертов. Наиболее интересные доклады были представлены сотрудниками ИДВ РАН В.И. Трифоновым, В.Н. Ремыгой, Е.И. Сафроновой, А.Ф. Клименко и рядом других участников. Темы выступлений касались проблем и перспектив развития ШОС в области экономики, безопасности и гуманитарного сотрудничества, а также вопросов взаимодействия РФ и КНР в Евразии в XXI в.

В них отмечалось, что становление ШОС как организации, способной оказывать определенное влияние на развитие событий в XXI в., в основном завершено. Эта структура имеет мощный потенциал для своего укрепления не только в центральноазиатском формате, но и в Евразии в целом. Система стран-наблюдателей при Организации и стран-партнеров по диалогу придает ей более фундаментальный имидж и обуславливает развитие в южноазиатском (Афганистан, Пакистан, Индия) и в восточноазиатском измерениях (РБ, РФ, КНР, Монголия).

Россия и Китай — "движущие силы" Организации — выступают с общих позиций по многим вопросам региональной безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества в Евразии в XXI в. Конечно, в ШОС имеют место и определенные разногласия, но нет фундаментальных противоречий, поскольку оба государства заинтересованы как в укреплении интеграционных проектов в рам-

ках Организации, так и выходе своих двусторонних отношений на новый более высокий уровень.

По мнению экспертов, в ближайшей перспективе и Россия, и Китай будут ориентироваться на взаимодополняющие и взаимосвязанные составляющие деятельности ШОС: Россия — на сырье, топливо, продукцию обрабатывающей промышленности, новые технологии; Китай — на инвестиции, товары потребления, рабочую силу; центральноазиатские страны — на энергоносители, сырье, рабочую силу. В то же время развитие сотрудничества и интеграции между государствами Центральной Азии — членами ШОС в гораздо большей степени зависит пока не от эффективности существующих механизмов Организации, а от наличия политической воли и степени взаимного доверия. В выступлениях особо отмечалось отсутствие четкого представления о целях и долгосрочной стратегии развития ШОС, а также механизмов совершенствования Организации.

Обсуждая будущее, участники работы секции пришли к общему мнению о необходимости разработки стратегии развития Организации на среднесрочную перспективу.

На секции "Особенности экономического и социально-политического развития КНР" (*руководитель А.В. Островский*) с докладами выступили 17 человек, из них 9 докладов сделали сотрудники ИДВ, 3 — представители других организаций, 5 — зарубежные участники. В процессе заседания было освещено 5 тем.

Общие проблемы развития экономики КНР. В.С. Палагин (Евразийский центр управления проектами) рассказал о проектных особенностях экономического и социально-политического развития КНР, а Е.В. Карлинская (ООО Ин-ИТ") — об опыте инновационного развития нового Китая.

Сравнение моделей экономических реформ. В.М. Мазырин (ИДВ РАН) сопоставил модели рыночных реформ во Вьетнаме и Китае.

Отраслевая экономика КНР. Эта проблематика в аспекте продовольственной безопасности Китая на разных этапах 60-летней истории КНР, регулирования системы земельных отношений в китайской деревне, индустриального развития КНР, а также особенностей развития животноводства, водных промыслов и лесного хозяйства страны рассматривалась в выступлениях сотрудников ИДВ РАН Л.Д. Бони, Л.А. Волковой, З.А. Муромцевой и Е.И. Краниной.

Региональные проблемы. А.А. Козлов (ИДВ РАН) уделил основное внимание ускорению интеграции Сянгана в экономику материкового Китая в начале XXI в., а В.О. Намжилова (ИДВ РАН) — программе освоения западных регионов.

Социальные проблемы. Е.С. Баженова (ИДВ РАН) отразила основные тенденции развития населения в КНР за 60 лет. А.В. Пиковер (ИДВ РАН) обратился к изучению политики электронной торговли как средства интенсификации китайской экономики. Высокий научный уровень продемонстрировала аспирант ИДВ РАН А.В. Афонасьева, охарактеризовавшая экономическое положение и деятельность реэмигрантов в КНР. Молодая исследовательница Цзи Вэйвэй (Нанькайский университет, Тяньцзинь) рассказала о роли социального обеспечения в Китае в ходе преодоления финансового кризиса. А.В. Гордон (ИНИОН РАН) проанализировал динамику социального протеста в сельском Китае.

На заседании подсекции "Общество и политика" (*руководитель Д.А. Смирнов*), которое по существу дела, выделилось в самостоятельное секционное заседание, было заслушано 11 докладов. Выступления В.Ф. Бородича, А.В. Сидоровой, В.А. Сухомлинова, Т.В. Лазаревой, И.В. Ставрова, Е.Н. Степановой, А.Л. Вер-

ченко, Г.А. Степановой, Д.А. Смирнова, А.В. Виноградова, Чжан Цяня вызвали оживленную дискуссию. Однако хотелось бы особо выделить некоторые из них.

По мнению А.В. Виноградова (ИДВ РАН), в XX—XXI вв. китайская цивилизация совершила исторический поворот. Она не только сумела встроиться в предложенный внешним миром исторический контекст, но и получила значительную выгоду от экономической конкуренции, став одним из лидеров мировой экономики. Реформы под руководством Дэн Сяопина изменили модель социально-политического развития Китая, переориентировав ее с конфликтного характера отношений традиций и современности на их синтез.

Молодой ученый А.В. Сидорова (ИДВ РАН) посвятила свой доклад сравнительному анализу развития в годы реформ сельских и городских комитетов самоуправления в КНР, играющих роль связующих звеньев между государственными органами и населением. Проведенное исследование позволило выявить различия между сельскими и городскими комитетами, суть которых состоит в том, что если в городе складывается тип “представительской демократии” на основе проведения не прямых выборов, то деревенские комитеты формируются на основе прямых выборов и чаще действуют более активно, нежели городские.

В выступлении молодого сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) И.В. Ставрова анализировалась национальная политика КНР на Северо-Востоке Китая на рубеже XX — XXI вв. В качестве основных ее направлений было выделено развитие экономической базы национальных районов, повышение благосостояния неханьцев, совершенствование правовой системы, подъем уровня образования и культуры этнических меньшинств. Однако объем мероприятий в различных национальных районах неодинаков, вследствие чего развитие национальной культуры у ряда народов тормозится отсутствием письменности на их языках, усиливающейся коммерциализацией традиционной культуры и углублением ассимиляционных процессов.

В работе секции “Российско-китайское экономическое сотрудничество в системе внешнеэкономических связей КНР” (*руководитель Л.В. Новоселова*) участвовало 13 человек, представлявших различные научные центры России: ИДВ РАН, Российский институт стратегических исследований, МГИМО, МИД РФ, Саратовскую государственную академию права, а также газету “Цзинцзи жибао” и Посольство КНР в Российской Федерации.

Аспекты российско-китайского делового взаимодействия обсуждались в контексте актуальных процессов и явлений мировой экономики и основных направлений национальной экономической политики РФ и КНР, включая недавно подписанную сторонами Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг.

В этой связи отмечалась наблюдающаяся активизация зарубежной инвестиционной и строительной деятельности Китая (Т.Г. Терентьева, ИДВ РАН), который уже сегодня является одним из крупнейших международных подрядчиков. Подчеркнут особый интерес китайского бизнеса к сооружению на территории России крупных капиталоемких объектов, формирующих инфраструктуру дальнейшего развития российско-китайского экономического обмена (деловые центры, транспортные магистрали, предприятия по производству стройматериалов и т.д.)

Особое внимание выступающих (А.А. Сизова, аспирант ИДВ РАН; И.С. Трокурова, Саратовская государственная академия права) и всех участников секционного заседания было уделено сотрудничеству в области энергетики, име-

ющему большое значение для развития экономики обеих стран. Принимая во внимание первое место России в мире по добыче нефти и второе место Китая по ее потреблению, укрепление российско-китайского энергетического альянса может способствовать оптимизации глобальной экономической системы и повышению уровня регионального сотрудничества, а также созданию надежной и функциональной системы региональной безопасности.

В этом же направлении развивается и военно-техническое сотрудничество, осуществляемое в условиях усиления стратегического взаимодействия сторон в международных и региональных делах. Рассмотрение этого вопроса П.Б. Каменновым (ИДВ РАН) вызвало живой интерес присутствующих. В его выступлении подчеркивалось, что при оборонительном характере военная политика Китая направлена на создание благоприятных отношений с соседними государствами для реализации национальной стратегии развития. Китай предпринимает меры по ускорению модернизации НОАК на базе науки и передовых технологий, что обуславливает вступление российско-китайского военно-технического сотрудничества в качественно новый этап.

Разностороннее и комплексное обсуждение вопросов российско-китайского делового взаимодействия показало его перспективность и обоюдную выгоду с точки зрения преодоления обеими сторонами последствий мирового финансового кризиса и выхода на траекторию устойчивого экономического роста.

В работе секции “Шесть десятилетий истории нового Китая. Достижения и опыт” (руководители Н.Л. Мамаева и В.Н. Усов) участвовало 22 человека из Шанхая, Москвы, Санкт-Петербурга, Риги, Петрозаводска. С докладами и сообщениями выступили 10 человек.

Юань Сюэцин (университет Фудань, Шанхай) в докладе “Развитие дела образования иностранных студентов в Китае” подчеркнула, что обучение иностранных студентов имеет большое значение для роста международного сотрудничества и обменов, использования “мягкой силы” КНР, а также строительства в стране вузов мирового уровня.

О.Н. Борох (ИДВ РАН) в докладе “Формирование парадигмы марксистской политической экономики в Китае” изложила историю знакомства китайских авторов с марксистской политэкономией, начиная с рубежа XIX—XX вв. по 60-е гг. XX в. В 1950-е гг., “когда парадигма марксистской политэкономии стала господствующей”, в условиях изоляции от внешнего мира и политизации научных исследований добиться успехов в развитии политической экономики было трудно. “Широкомасштабное развитие экономической теории в КНР с опорой на достижения мировой науки стало возможным лишь в конце 1970-х гг. с началом политики реформ и открытости”.

Н.В. Тен (магистр РУДН, Москва) выступила с сообщением “Представления современных китайцев о русской культуре и искусстве”, подчеркнув, что лучше всех русскую культуру и искусство знает поколение 50-х гг. XX в. Сегодняшняя молодежь слабо знакома с ними, отдавая предпочтение западной культуре.

Секция “Язык, письменность, культура” (руководитель О.И. Завьялова) в рамках ежегодной конференции ИДВ была организована впервые в связи с проведением двух официальных “лингвистических” мероприятий — только что завершившегося Года русского языка в Китае и грядущего Года китайского языка в России. В ней приняло участие 27 экспертов из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, десять из которых выступили с докладами. В докладе О.И. Завьяловой (ИДВ РАН) был представлен анализ языковых реформ, проводившихся

после образования КНР и особенно характерных для последних трех десятилетий, которые с полным правом можно назвать периодом расцвета китайского прикладного и теоретического языкознания на фоне возрождения китайской традиционной культуры. Ряд сообщений был посвящен русско-китайским языковым контактам и проблемам преподавания русского и китайского языков в двух наших странах. Доклад А.Н. Хохлова (ИБ РАН) был основан на личных впечатлениях автора и на интереснейших архивных материалах и посвящен распространению русского языка в Китае до и после основания КНР. Что касается еще одной секционной темы — исследований в области китайского языкознания в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации, то следует особо отметить презентацию только что вышедшего из печати в Санкт-Петербурге “Словаря древнекитайских иероглифов”. Он включает ряд уникальных приложений и составлен группой молодых ученых под руководством профессора Т.Н. Никитиной, много лет преподающей древнекитайский язык на Восточном факультете Петербургского университета.

Выступления руководителей секций были заслушаны на пленарном заседании 23 октября 2009 г. в Красном зале Президиума РАН, посвященном закрытию конференции.

На заседании с воспоминаниями о событиях, связанных с образованием и первыми десятилетиями существования КНР, выступила их очевидец, известный российский китаевед, д.и.н. А.И. Картунова (ИДВ РАН).

В заключительном слове председатель Научного совета РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко выразил удовлетворение организацией конференции и здоровой конструктивной атмосферой, царившей на ней. Комплексный подход к изучению многообразных проблем, затронутых ее участниками, в целом способствует накоплению интеллектуального капитала. В ходе обсуждения главной темы будущей XIX конференции ““Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”, которая должна состояться осенью 2011 г., она была сформулирована как “Многостороннее сотрудничество России и Китая: опыт, проблемы, трудности”.

© 2010

С. Горбунова,
д.и.н., ответственный секретарь
Научного совета по проблемам комплексного
изучения современного Китая

-
1. 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР: Тез. докл. XVIII Междунаро. Науч. конф. “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”. М., 2009. Ч. 1—2.

Исторический опыт заслуживает пристального внимания

*(Выступление на научной конференции, посвященной 60-летию
установления дипломатических отношений между Китаем и
Россией, 25 сентября 2009 г., Пекин)*

© 2010

Чжан Дэгуан

Китайско-российские отношения преодолели непростой 60-летний путь. Обращая на них свой взор, мы невольно воспринимаем их как пережитое нами лично, являемся их современниками, непосредственными участниками и наблюдателями.

Приезд академика М.Л. Титаренко и господина С.Л. Тихвинского для участия в конференции глубоко тронул меня. Выступая здесь, я как будто веду задушевную беседу с моими старыми друзьями.

60 лет назад СССР и КНР установили дипломатические отношения и подписали "Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи", заключив союзнические связи между двумя социалистическими государствами.

Подписание союзнического договора явилось исторически целесообразным, даже необходимым и было непосредственно связано с внутренней и внешней ситуацией, в которой в то время находились Китай и СССР.

США и развитые страны Европы проводили по отношению к только что образовавшейся Китайской Народной Республике политику изоляции и подавления. Что касается СССР, то после окончания Второй мировой войны США и Запад также проводили по отношению к первому в мире социалистическому государству политику всестороннего сдерживания. В тех исторических условиях самым главным для Китая было обеспечение его существования и безопасности. А для СССР наличие на востоке такого союзника, как Китай, отвечало его основным стратегическим интересам и положению в мире. Таким образом, заключение двустороннего союза было правильным стратегическим выбором. Безусловно, однако, и то, что оно породило определенные проблемы. Более сильная сторона зачастую берет на себя руководящую роль.

Исторический опыт показывает, что заключение союза является одной из форм стратегического выбора или модели. Это результат ситуации, при которой

в международных отношениях возникает крупномасштабное серьезное противостояние, в частности, военное, политический антагонизм и даже военная угроза. Когда в определенном регионе или во всем мире наблюдается потепление, особенно когда мир и развитие становятся главным императивом эпохи, союзы теряют свое значение, почву для существования и развития.

Поэтому мы особо подчеркиваем, что начиная с 1970-х гг. при изложении своей внешней политики по разным поводам Китай выражал отрицательное отношение к образованию союзов и блоков. Эта позиция остается неизменной вплоть до нынешних дней.

НАТО — это военный союз, продукт периода “холодной войны”, противостояния двух военных блоков. Поскольку “холодная война” завершилась, целесообразность его существования, естественно, исчезла. Многие не раз спрашивали меня, является ли ШОС восточным НАТО. Я отвечаю — нет! ШОС — это совершенно новая организация, высоко поднявшая знамена мира, сотрудничества и развития. Аналогом НАТО она не является.

В 2005 г. председатель Ху Цзиньтао выдвинул концепцию гармоничного мира. Эта концепция сформулирована на основе оценки основных тенденций мирового развития и идей китайской мирной дипломатии. Создание союзов как выбор модели международных отношений не имеет места для существования в концепции гармоничного общества. Сейчас мы отрицаем союзы, потому что изменилась эпоха. При этом речь не идет об абстрагировании от конкретных исторических условий и отрицательном отношении ко всем союзам, в частности, китайско-советскому союзу 1950-х гг., а также антифашистскому союзу времен Второй мировой войны.

В период 1950-х гг. во внутренней политике Китай учился у СССР и даже подражал ему. В то время для Китая это было совершенно необходимо и имело позитивное историческое значение. По мере развития китайской экономики эта модель, очевидно, уже не отвечала ситуации в КНР. Кроме того, создание в тот период народных коммун и осуществление “большого скачка” стали экстремальными формами заимствования советской модели, что породило очень много проблем. Однако я не считаю, что трудности Китая в конце 1950-х — начале 1960-х гг. явились результатом учебы у СССР. В то время мы только создали государство и не имели опыта экономического строительства и государственного управления. Все приходилось начинать с нуля. Тогда у Китая не было другого выбора, кроме как учиться у СССР и даже копировать советскую модель. В тех исторических условиях Китай не мог учиться у Запада рыночной экономике и опыту управления.

После периода союзнических отношений 1950-х гг. китайско-советские отношения вступили в долгую “суровую зиму” 30-летнего противоборства. Оба государства развернули открытую полемику. Китай критиковал СССР за “ревизионизм” и капитулянтство перед капитализмом. СССР обвинял Китай в отходе от марксизма-ленинизма. Дошло до того, что между ними возник кровавый пограничный конфликт. Какие исторические уроки мы можем из этого извлечь?

Я считаю, что идеологию, которой люди сейчас часто придают большое значение в системе ценностей, чрезвычайно опасно делать основой для урегулирования межгосударственных отношений. Это исторический урок. С другой сто-

роны, взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода — вот те основные условия, которые необходимо соблюдать при строительстве нормальных государственных отношений.

И после окончания “холодной войны” Запад по-прежнему то и дело навязывает Китаю свои концепции и практику т.н. “демократии и прав человека”. То же самое он навязывает и России. Выходит, что исторические уроки усвоены не всеми.

В мае 1989 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев прибыл с визитом в КНР, состоялась его историческая встреча с Дэн Сяопином. Обе стороны провозгласили курс на нормализацию отношений. Выражение Дэн Сяопина “покончить с прошлым, открыть будущее” указало светлый путь и широкие перспективы для долгосрочных отношений дружбы двух великих соседних народов. Великий вклад Дэн Сяопина в дело благополучия народов двух стран будет навсегда вписан в анналы истории.

При оценке эпохи Горбачева у каждого в России свое понимание его роли, однако негативно оценивающих ее все-таки больше. В сентябре 2006 г. я встречался с Горбачевым и обменялся с ним мнениями по проблемам китайско-советских отношений. Он высоко ценил их нормализацию и новое развитие китайско-российских отношений на протяжении 90-х гг. XX в. Очень сложно говорить о практической реализации и роли выдвинутой Горбачевым концепции “нового мышления”. Однако его убежденность в необходимости диалога для преодоления разногласий, уважительное отношение к мировому разнообразию, знание постоянно усиливающихся общих вызовов, стоящих перед человечеством — все это прогрессивные идеи и позиции. Горбачев предпринял практические шаги в интересах стратегической безопасности Китая, внес позитивный вклад в нормализацию китайско-советских отношений.

Китайско-российские отношения полностью унаследовали фундамент от нормализации отношений КНР и СССР. На этой основе развитие отношений дружественных государств каждые два года восходило на новую ступень. Подписанную во время визита Ельцина в 1992 г. в Китай Совместную декларацию об основах взаимопонимания между РФ и КНР трудно переоценить.

В начале 1990-х гг. завершился период “холодной войны”, распался СССР. На Западе считали, что следующим “изменит свой цвет” Китай. В то время я работал в США. Американские официальные лица ликовали. Они считали, что история в корне изменилась. Капитализм победил повсеместно, для существования социализма нет места в истории. Ельцин сумел установить дружеские отношения с Китаем, это был очень прогрессивный шаг.

В 1994 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Россию. КНР и РФ установили отношения конструктивного партнерства. В 1996 г. Ельцин снова посетил Китай. Он выдвинул идею установления между двумя странами отношений стратегического партнерства и взаимодействия, обращенных в XXI в. и достиг об этом соответствующей договоренности с китайским руководством. Я считаю, что вклад Ельцина в эту новую фазу отношений очень велик.

После установления китайско-российских отношений стратегического партнерства и взаимодействия, особенно после подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, китайско-российские отношения развиваются очень успешно. Обе стороны поддерживают друг друга на меж-

дународной арене особенно эффективно, если затрагиваются их коренные интересы, вопросы суверенитета, территориальной целостности и т.п. По проблемам Тайваня, СУАР, Тибета Россия полностью поддерживает нас. По подобным проблемам, касающимся России, мы поддерживаем ее. Быстро расширяются двусторонние торгово-экономические связи с Россией. В 2008 г. товарооборот внешней торговли КНР и РФ достиг 60 млрд долл. Мы говорим, что сейчас наступил самый лучший период в развитии китайско-российских отношений. Но вершина еще не достигнута, предстоит еще многое сделать для более полного развития. Я глубоко убежден, что китайско-российские отношения имеют огромные перспективы для совершенствования.

Друзья, товарищи! Перед лицом серьезного финансового и мирового экономического кризиса Китай и Россия должны еще более усиливать сотрудничество, вместе преодолевать временные трудности. Я искренне верю, что развитие отношений китайско-российского стратегического партнерства и взаимодействия будет не только и дальше приносить блага нашим народам, но также способствовать обеспечению прочного мира и общего процветания в гармоничном мире.

Война на Халхин-Голе: место в мировой истории

В августе 2009 г. исполнилось 70 лет совместной победы вооруженных сил СССР и МНР над войсками милитаристской Японии и созданного ею марионеточного государства Маньчжоу-Го в необъявленной войне на р. Халхин-Гол, расположенной в Восточной Монголии. В России и Монголии был проведен ряд мероприятий, посвященных этой знаменательной дате. Не случайно первый официальный визит президента России Д.А. Медведева в Монголию был приурочен к празднованию этого юбилея. Вручая российские награды монгольским ветеранам, Д. Медведев отметил, что в памяти народов России и Монголии "навсегда останутся боевые страницы нашего содружества, те, кто разгромил агрессора, отстоял территориальную целостность Монголии и, в конечном счете, способствовал уничтожению врага в ходе Второй мировой войны".

Вторая мировая война, как известно, началась 1 сентября 1939 г., когда боевые действия на Халхин-Голе еще не были закончены. Самая масштабная и кровопролитная мировая война, которая продолжалась в течение долгих шести лет, естественно, заслонила, отодвинула на задний план локальный военный конфликт на Халхин-Голе. Однако с течением времени становится все более очевидным, что события на Халхин-Голе не были незначительным пограничным конфликтом, что они оказали непосредственное и весомое влияние на условия возникновения Второй мировой войны, расстановку сил ведущих держав, ход и конечные результаты глобального конфликта, на формирование новой системы международных отношений в регионе и мире.

За истекшие десятилетия в России, Монголии, Японии, США и других странах написаны и опубликованы многочисленные исследования военных историков, журналистов, воспоминания непосредственных участников тех сражений. Однако, как показали последующие события, между военными историками и исследователями разных стран по-прежнему сохраняются существенные расхождения по ряду важных вопросов. В частности, как точнее правильнее называть эти события? "Необъявленная война", как назвал их в своих мемуарах "отец" Халхин-Гольской победы Г.К. Жуков, или "Сражение на Халхин-Голе" (the Battle of the Khalkhyn Gol), как считают некоторые российские и зарубежные исследователи, или "Номонханский инцидент", как это принято в японской и американской историографии? Каковы были истинные причины вооруженного конфликта? Какую роль в нем играли МНР и Советский Союз, с одной стороны, и Маньчжоу-Го и Япония, с другой? Какова была политическая, социально-экономическая и психологическая обстановка в этих странах накануне и во время войны? Были ли события на Халхин-Голе связаны с событиями в Европе, с подготовкой ведущих европейских держав Европы и США к надвигающейся мировой войне, в частности, с подписанием пакта о ненападении между СССР и Германией?

Какое влияние победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе оказала на расстановку сил великих держав в мире накануне и в ходе Второй мировой войны, на ее конечные результаты?

Недавно по инициативе монгольских и японских ученых была предпринята очередная совместная попытка историков заинтересованных стран обсудить эти и другие спорные вопросы и по возможности прийти к общему пониманию.

2—5 июля 2009 г. в Улан-Баторе прошел международный научный симпозиум “Халхингольское сражение (Номонханский инцидент) в мировой истории: познавая прошлое и обсуждая будущее”, организованный Главным архивным управлением Монголии, японской Ассоциацией глобальных исследований Секигучи (Sekiguchi Global Research Association, SGRA) и Институтом истории АН Монголии при поддержке посольств Японии, России и США в Улан-Баторе. Спонсорами этого представительного научного форума выступили несколько фондов и организаций Японии (Японский фонд, Фонд Кадзанкаи и др.), США (Фонд Аратани), Кореи (Центр исследований будущих человеческих ресурсов), Монголии (Ассоциация монгольских архивистов и историков, Телеком-Монголия, НПО “Русский фонд” и др.).

В работе симпозиума приняли участие около 50 ученых из Монголии, России, Японии, США, КНР, Великобритании, Республики Корея и Тайваня. В работе симпозиума принял заочное участие один из немногих ныне здравствующих российских участников боевых действий на Халхин-Голе, штурман скоростного бомбардировщика, 91-летний ветеран трех войн, полковник в отставке, доктор исторических наук, проф. **Николай Иванович Ганин**, который представил доклад (совместно с В.В. Грайворонским), но по состоянию здоровья не смог лично приехать в Улан-Батор.

В состав российской делегации вошли директор Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (ИМБиТ СО РАН), чл.-корр. РАН **Б.В. Базаров**, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра СВА и ШОС, д.и.н., проф. **С.Г. Лузянин**, заведующий сектором Монголии ИВ РАН, д.и.н. **В.В. Грайворонский**, глава представительства Республики Бурятия в Монголии, д.и.н., проф. **В.Ц. Ганжуров**, д.и.н., проф. **Л.В. Курас** (ИМБиТ СО РАН), к.и.н. **И.Г. Аюшесва** (Бурятский госуниверситет), к.и.н. **В. Шулатов** (ДВНЦ, в настоящее время стажер Университета Кейо, Япония).

Среди японских участников были такие известные монголоеды, как почетный профессор Университета Хитоцубаси **Танака Кацухико**, профессор Токийского университета зарубежных исследований **Футаки Хироси**, профессор того же университета **Окада Кадзуюки** и др. США представляли научный сотрудник Национального совета по евроазиатским и восточноевропейским исследованиям, доктор (Ph.D) **Стьюарт Д. Голдман** и известный монголовед, профессор Института монголоведения Университета Индиана **Кристофер Этвуд**, Великобританию — проф. **Дж. Хамельтон** (Университет Аичи, Япония), проф. **Урадын Е. Булаг** (Кэмбриджский университет), Китай — филолог из Университета Внутренней Монголии **Б. Чойролжав**, Южную Корею — профессор Университета Донг-А Сук **Чжун Хан** и др. От Монголии участвовали многие известные ученые, в том числе акад. **Ж. Болдбаатар**, доктора наук **Ч. Дашдаваа**, **Б. Шагдар**, **Д. Гомбосурэн**, **Ц. Батбаяр**, **Р. Болд**, **Д. Цэдэв** и др.

На открытии симпозиума с приветствиями выступили начальник Главного архивного управления Монголии, к.и.н. Д. Ульзийбаатар, министр юстиции и внутренних дел Монголии Ц. Нямдорж, президент Академии наук Монголии, акад. Б. Чадраа, представитель японской Ассоциации глобальных исследований Секигучи г-жа Джунко Иманиши. На первом пленарном заседании были заслушаны четыре основных доклада: "Некоторые проблемы изучения истории Халхин-Гольского сражения" (д.и.н., проф. Ч. Дашдаваа, директор Института истории АН Монголии), "Сражение на реке Халхин-Гол в перспективе восточно-азиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1930-х гг." (чл.-корр. РАН Б.В. Базаров), "Против панмонголизма — предполагаемая мотивация событий на Халхин-Голе" (проф. Танака Кацухико, Япония), "Влияние Халхин—Гола на начало, ход и итоги Второй мировой войны" (д-р Стюарт Д. Голдман, США).

В начале своего доклада Ч. Дашдаваа подчеркнул, что война 1939 г. на Халхин-Голе занимает особое место в истории Монголии в XX в. Неслучайно монгольские историки разных поколений создали немало трудов об этой войне. Докладчик отметил также вклад зарубежных ученых, особенно российских и японских. В результате этих исследований, по его мнению, появились труды, объясняющие с научных позиций главные вопросы истории событий на Халхин-Голе. В большинстве исторических исследований, посвященных Халхин-Гольскому сражению, конкретно показано, что японские милитаристы, начиная с 1930-х гг., с помощью военной силы захватили территорию Северного Китая, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию и поэтапно расширяли свои действия, направленные на подготовку к нападению на территорию МНР. Пятимесячная война на Халхин-Голе была началом осуществления заранее спланированных, тщательно продуманных действий по реализации тех задач, которые были поставлены в известном "меморандуме Танаки". В связи с этим Ч. Дашдаваа критически оценил позицию тех историков, которые вообще отрицают сам факт существования "меморандума Танаки". Между тем в ходе дискуссии японские ученые Х. Фуtaki и К. Танака продолжали утверждать, что ни сам документ, ни его копия до сих пор не обнаружены.

Далее Ч. Дашдаваа отметил, что с переходом Монголии к демократическому строю в начале 1990-х гг. в исследованиях по истории Монголии XX в. возникла новая атмосфера, появились новые подходы, в том числе и к изучению истории войны на Халхин-Голе. В частности, были сделаны важные шаги по изучению таких ранее закрытых тем, как политические репрессии против офицеров и солдат монгольской армии в самый разгар войны на Халхин-Голе и их последствия, трагическая судьба 22-го кавполка, общие потери Монголии в живой силе и др. Монгольские исследователи проделали большую работу по разработке таких вопросов, как заключительный этап Халхин-Гольской войны, значение победы советско-монгольских войск в этом сражении и его уроки. Вместе с тем, докладчик отметил, что на протяжении многих десятилетий среди монгольских историков-марксистов существовала тенденция к одностороннему освещению этих вопросов. В последние годы происходят позитивные изменения в этом отношении. Крупные шаги сделаны в исследовании проблем Халхин-Гола в рамках мировой и азиатской геополитики, в частности, в связи с заключением пакта о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. Победа на Халхин-Голе и участие МНР на стороне союзников во Второй мировой войне оказали большое влия-

ние на международное признание Монголии в качестве независимого государства.

Исследования истории войны на Халхин-Голе продолжают. Еще предстоит большая работа по ее углубленному изучению, по подготовке крупных, обобщающих исследований.

Ч. Дашдаваа особо отметил, что с начала 1990-х гг. монгольские, российские и японские исследователи стали объединять свои усилия в изучении истории войны на Халхин-Голе и уже добились определенных успехов. Регулярно стали проводиться совместные конференции и симпозиумы в Улан-Баторе, Москве и Токио. В 2005 г. Институт истории АНМ совместно с ИМБиг СО РАН при поддержке посольства России в Улан-Баторе опубликовал совместный труд "Вторая мировая война и Монголия". В настоящее время реализуется совместный проект "От Халхин-Гола до линкора "Миссури". В Институте истории АНМ завершено написание крупного коллективного исследования "Монголия в период Второй мировой войны". Научно-исследовательский Институт обороны Министерства обороны Монголии готовит труд по историографии сражения на Халхин-Голе. В заключение докладчик подчеркнул, что тема войны на Халхин-Голе по-прежнему имеет не только научное, но и политическое значение, она нуждается в дальнейшем более углубленном изучении.

Б.В. Базаров (Россия) в своем докладе "Сражение на р. Халхин-Гол в перспективе восточно-азиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1930-х гг.", отметил, что эта битва стала высшей точкой геополитического противостояния в этом обширном регионе, новой формой его развития. По мнению докладчика, доктрина японского генерала Танаки — это ключевая формула для понимания тех событий, которые развернулись в регионе в 1930-х гг. Это был не авторский документ, а коллективно выработанная доктрина, отражавшая современный этап развития Японии, которая испытывала иллюзии относительно своего превосходства и всемогущества, способности перекроить мировой порядок в Азии в своих интересах. Конфликт был неизбежен. СССР был вынужден принять меры по укреплению своей безопасности на Дальнем Востоке, в том числе и путем заключения Протокола о взаимной помощи с МНР от 12 марта 1936 г. Вместе с тем, СССР и МНР были недостаточно подготовлены к войне. С началом боевых действий сложилась сложная ситуация. Назначение нового военного руководителя Г.К. Жукова было оправданным. В результате генерального наступления 20—23 августа 1939 г. удалось окружить и разгромить японскую группировку. Г.К. Жуков высоко оценивал боевые качества японских солдат и младших офицеров.

Прекращение конфликта на Халхин-Голе было тесно связано с мировой политикой, в частности, с заключением Пакта о ненападении между СССР и фашистской Германией.

Поражение на Халхин-Голе нанесло сильный удар по агрессивным планам Японии. Она была вынуждена отказаться от нападения на СССР и развернуть свою военную доктрину в южном направлении. Монголия еще раз подтвердила высокий уровень своих исторических притязаний на независимость.

Основной докладчик от Японии профессор Танака Кацухико, признанный в стране крупный авторитет по истории Монголии, в том числе и по Халхин-Голу, сделал свой доклад "Против панмонголизма — предполагаемая мотивация событий на Халхин-Голе" на русском языке, видимо специально адресуя его,

прежде всего, российским ученым. Обратившись в докладе к воспоминаниям 40-летней давности, ученый рассказал о том, как в 1969 г. он в качестве переводчика сопровождал парламентскую делегацию Японии, которая приехала в Улан-Батор для ведения переговоров о восстановлении дипломатических отношений между Японией и МНР. В состав делегации входили представители четырех политических партий Японии. Делегацию принял тогдашний руководитель страны, генеральный секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП) Ю. Цеденбал, который в ходе беседы поднял вопрос о компенсации ущерба, нанесенного Японией во время войны на Халхин-Голе. Однако члены парламентской делегации, сославшись на то, что они якобы мало знакомы с событиями на Халхин-Голе, предложили отложить обсуждение этого вопроса на будущее. Выступая на симпозиуме, Танака Кацухико откровенно рассказал о том, что во время перевода этой фразы Цеденбалу, он добавил от себя, что члены делегации говорят неправду, хитрят. "Тогда Цеденбал, — вспоминал докладчик, — сделал мне замечание, что я как переводчик не должен высказывать свое личное мнение. Это произвело на меня сильное впечатление". Во время той поездки Танака на улицах Улан-Батора впервые увидел советских военных, на кителях которых были прикреплены нагрудные знаки с надписью "Халхин-Гол August 1939". Спросив у одного из них "что такое Халхин-Гол?", он впервые узнал, что русское слово "Халхин-Гол" соответствует японскому "Номон-хан". Далее докладчик кратко рассказал об истории организации трехсторонних встреч монгольских, российских и японских ученых по проблеме Халхин-Гола, в том числе о своей роли в организации первой такой встречи в Японии.

Главная цель доклада Танака Кацухико, на наш взгляд, состояла в том, чтобы обосновать свой основной тезис о том, что, по его мнению, "обе стороны, т.е. японская Квантунская армия и Советский Союз, не хотели мирно урегулировать вопросы о межгосударственной границе и избежать тем самым военного столкновения двух сторон. Япония и СССР не желали допустить, чтобы халхасцы и баргуты имели возможность мирно договориться между собой". Тем самым Танака возложил одинаковую ответственность за возникновение войны на Халхин-Голе, как на Квантунскую армию, так и на Советский Союз. Далее докладчик, который, судя по всему, является убежденным и последовательным сторонником идей панмонголизма, т.е. образования единого монгольского государства, объединяющего всех этнических монголов, проживающих в Монголии, России и Китае, перешел к вопросу о том, кто и когда впервые придумал слово "панмонголизм" и какую роль оно сыграло в истории монгольской нации. Танака установил, что слово "панмонголизм" впервые появилось в русской печати 1 октября 1894 г. в поэме русского поэта В. Соловьева, написанной им во время пребывания в Финляндии. При этом докладчик уточнил, что в то время под угрозой панмонголизма В. Соловьев имел в виду угрозу не со стороны собственно монголов, а со стороны всех монголоидов, т.е. представителей желтой расы. Перейдя к оценке практики использования этого понятия в СССР и Монголии в 1920—1930-х гг., докладчик обвинил СССР и Коминтерн в том, что они нарушили ленинский принцип самоопределения наций, произвольно истолковали этот термин, придали ему национальную окраску, приклеили ярлык панмонголизма самому большому национально-освободительному движению монголов в XIX-XX вв. и использовали его для массовых политических репрессий.

Говоря об отношении Японии к движению “панмонголизма”, докладчик отметил, что это понятие изначально было тесно связано с милитаристскими интересами. Поэтому Япония использовала панмонголизм в своих целях, поддерживая его на определенном этапе развития, но в ходе изменения своей политики, уничтожила сторонников этого движения. Однако, по мнению Кацухико Танака, по сравнению с Японией Коминтерн сыграл гораздо более существенную роль в систематической ликвидации этого явления в самом его зародыше.

Докладчик сделал главный вывод: “Халхин-Гол случился потому, что Советский Союз и Квантунская армия, преследуя разные политические цели, хотели окончательно погубить панмонголизм”. Несомненно, доклад Кацухико Танака претендует на новую, оригинальную трактовку основных причин возникновения войны на Халхин-Голе, которая в корне отличается от ныне принятых в России, Монголии и Японии. Действительно, борьба против панмонголизма как идейно-политического движения, враждебного господствовавшей в то время идеологии, велась в СССР и МНР в 1920—1930-х гг., она играла определенную негативную, но далеко не главную роль среди всей совокупности факторов, обусловивших возникновение Халхин-Гольского конфликта. Главной же причиной конфликта была экспансионистская политика правящих кругов тогдашней милитаристской Японии. С начала XX в. и до окончания Второй мировой войны Япония всегда стремилась использовать естественное стремление монгольских народов, оказавшихся исторически разделенными в составе России, Монголии и Китая, к объединению, в том числе и движение панмонголизма, прежде всего для достижения своих экспансионистских целей.

В дополнение к своему докладу К.Танака распространил среди участников симпозиума своеобразный анонс в виде предисловия и заключения к своей новой книге “Номонханская война. Монгольское государство и Маньчжурское государство” (монг.- *“Номонханы дайн. Монгол улс болон Манж улс”*), которая скоро выйдет из печати на монгольском языке. По словам автора, в этой книге он ставил цель — опираясь на результаты последних научных исследований в этой области, кратко и конкретно рассказать японцам, монголам и другим читателям, что же в действительности представляла собой эта война, что происходило в тылу, причины ее расширения и т.д. Из названия книги видно, что К. Танака — один из первых японских историков, кто признал, что на Халхин-Голе был не пограничный инцидент, а настоящая война с многочисленными жертвами.

Основной докладчик от США Стюарт Д. Голдман в докладе “Влияние Халхин-Гола на возникновение, ход и результаты Второй мировой войны” аргументировано показал, что это влияние было весьма существенным. Неслучайно события на Халхин-Голе совпали по времени с подписанием германо-советского пакта о ненападении. Эти два события были непосредственно связаны между собой. По мнению докладчика, в то время, когда в середине 1939 г. Сталин вел открытые переговоры с Великобританией и Францией относительно предполагаемого антифашистского союза и секретные переговоры с Гитлером об их окончательном союзе, он был атакован союзником Германии и партнером по Антикоминтерновскому пакту — Японией. Кошмаром, которого Сталину необходимо было избежать любой ценой, была бы война на два фронта — против Германии и Японии. Идеальным выходом для него было бы, чтобы фашистско-милитаристские Германия, Италия и Япония воевали против буржуазно-демократических

Великобритании, Франции и США, а Советский Союз оставался бы в стороне, пока капиталисты обескровливают друг друга. По мнению докладчика, связь между Халхин-Голом и германо-советским пактом четко прослеживается в опубликованных немецких и советских дипломатических документах того времени и недавно ставших доступными документах КПСС и военной разведки.

Жуков, по мнению С.Д. Голдмана, продемонстрировал свое умение на Халхин-Голе и тем самым завоевал признание Сталина, который доверил ему высокий командный пост в конце 1941 г., в тот самый момент, когда надо было предотвратить надвигающуюся беду. Жуков сумел остановить германское наступление у ворот Москвы в начале декабря 1941 г., в том числе частично благодаря использованию войск, переброшенных с советского Дальнего Востока, когда, по информации Рихарда Зорге, стало известно, что Япония решила не нападать на Дальний Восток СССР, а двинуться в южном направлении.

Докладчик, в частности, отметил, что в то время, когда в середине 1941 г. между руководителями армии и военно-морского флота Японии развернулись дебаты по вопросу о новом нападении на СССР, японский полковник Цудзи Масанобу, который играл очень заметную роль в боях на Халхин-Голе, видимо учитывая полученный там опыт, активно выступал в поддержку предложения ВМФ о развертывании экспансии в южном направлении. Это, как известно, привело к нападению Японии на Пирл-Харбор.

С.Д. Голдман считает, что Халхин-Гол оказал сильное влияние не только на начало и ход Второй мировой войны, но и на ее конечные результаты. Он, в частности, высказал предположение, что если бы Япония, следуя настоятельным рекомендациям Германии, все-таки напала на СССР в конце 1941 г., то она не смогла бы атаковать США в том же году, Сталин не смог бы перебросить дополнительные войска с советского Дальнего Востока на московский фронт и битва под Москвой могла бы завершиться решающей победой Германии, Советский Союз был бы вынужден воевать на два фронта и, возможно, потерпел бы поражение. В таком случае вся история войны и вслед за ней всего мира была бы совершенно иной.

Докладчик пришел к абсолютно правильному, на наш взгляд, выводу: поскольку Халхин-Гол повлиял на конечные итоги самой большой и самой ужасной войны в истории человечества, он заслуживает того, чтобы о нем более широко знали и более тщательно изучали. События на Халхин-Голе должны занять то место в истории, которого они заслуживают.

Уже краткое изложение содержания четырех основных докладов, представленных учеными из Монголии, России, Японии и США, дает достаточное представление о тех проблемах, которые обсуждались на симпозиуме, и о различных подходах к ним.

С.Г. Лузянин в докладе "Дипломатическая история Халхин-Гола" тезисно изложил историю развития субрегиональной системы международных отношений в Северо-Восточной Азии, особенности возникшей новой международной структуры "СССР — МНР — Маньчжоу-Го — Япония", ее противоречивость и конфликтность, монголо-маньчжоугоские контакты, советско-японские противоречия в отношении Монголии и Маньчжоу-Го, китайский фактор, формирование военно-политической "оси" Москва — Улан-Батор в 1934 и 1936 гг., специфику

советской помощи МНР, дипломатические и политические итоги Халхин-Гола, современный смысл и значение этих событий.

Н.И. Ганин и В.В. Грайворонский в докладе "Война на берегах Халхин-Гола — знаковое событие накануне Второй мировой войны" отстаивали точку зрения о том, что по целям стран-участниц этих событий, по количеству и составу противоборствующих сил, характеру боевых действий и международным последствиям бои на Халхин-Голе далеко выходят за рамки обычного пограничного конфликта и полностью соответствуют определению, которое дал им командующий советско-монгольскими войсками и главный организатор победы Г.К. Жуков — "необъявленная война". Совместная победа советских и монгольских войск в этой войне имела большое значение для МНР и СССР, для расстановки сил великих держав накануне и в ходе Второй мировой войны, для предотвращения нападения Японии на Советский Союз и ликвидации реальной угрозы войны СССР на два фронта — против фашистской Германии и милитаристской Японии.

Большинство докладов монгольских ученых были посвящены новым и малоисследованным аспектам событий на Халхин-Голе, в том числе военно-политической, социально-экономической и психологической обстановке в МНР накануне и в ходе войны на Халхин-Голе, негативным последствиям массовых политических репрессий 1937—1939 гг., состоянию монгольской армии, мерам, принятым по укреплению ее боеспособности, помощи СССР, использованию опыта Халхин-Гола в ходе Второй мировой войны, международному значению победы советско-монгольских войск и др.

Ц. Батбаяр (Монголия) в докладе "Маньчжурская конференция между МНР и Маньчжоу-Го (1935—1937 гг.)" проанализировал расстановку сил, ход и причины безрезультатности этой конференции. Главные причины, по мнению докладчика, были обусловлены, прежде всего, глубокими противоречиями между СССР и Японией.

В совместном докладе **Ж. Болдбаатара** и **Р. Болда** "Халхин-Гольское сражение и социально-психологическая атмосфера в Монголии" на основе результатов исторических и психологических исследований и опросов очевидцев была показана тяжелая социально-психологическая обстановка, которая сложилась в стране накануне и в ходе войны в результате массовых политических репрессий 1937—1940 гг.

Жертвам политических репрессий и их влиянию на ход событий на Халхин-Голе посвятил свой доклад "О причинах обвинения жертв политических репрессий 1930-х гг. как "японских шпионов" **Д. Ульзийбаатар**. По мнению докладчика, основные причины и источники этих трагических событий лежат в области геополитических интересов великих держав, обусловленных значением территории Монголии.

Доклады японских ученых **Футаки Хироси** и **Хосокава Гоку** были посвящены результатам специального изучения различных карт пограничного района между МНР и Маньчжоу-Го до и во время конфликта. Как известно, отсутствие взаимно признанных карт государственных границ в этом регионе и противоположная трактовка различных карт, которые находились в распоряжении двух противостоящих сторон, послужила, по утверждению японской стороны, одной из основных причин инцидента. Известный японский монголовед **Х. Футаки** в докладе "О карте маньчжоуго-монгольской границы, составленной в штабе Кван-

тунской армии в 1937 г.” показал, что на карте, которая сейчас хранится в библиотеке Института оборонных исследований Министерства обороны Японии, граница отмечена не по р. Халхин-Гол, а к востоку от нее. Эта карта была составлена с учетом результатов работы специальной экспедиции по уточнению линии границы. Однако Генеральный штаб императорской армии Японии, основываясь на неточной информации, проигнорировал эти изменения, что, по мнению докладчика, послужило одним из факторов возникновения Номонханского инцидента. Г. Хосокава в докладе “Многие изменения и реальности в пограничных картах внутри и вокруг Хулун-Буира” перечислил более 80 карт этого региона, которые он собрал и исследовал, начиная с середины XVII в.

Известный американский монголовед К. Этвуд посвятил свой доклад “Советская Россия и империалистическая Япония: сравнение их рискованных предприятий на Монгольском плато” анализу общих и особенных моментов во внешней политике СССР по отношению к МНР, Японии и Маньчжоу—Го во время Халхин-Гольских событий и в предшествующий период. По его мнению, совпадающих черт в политике этих двух держав было больше, чем различий. При этом он признал, что позиции империалистической Японии во Внутренней Монголии оказались менее успешными по сравнению с той поддержкой, которую Советская Россия получила во Внешней Монголии, т.е. в МНР.

Ряд докладов был посвящен отображению Халхин-Гольского сражения в журналистике, литературе, кинематографии, музыке и изобразительном искусстве Монголии, России и Японии.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что симпозиум, посвященный 70-летию победы советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол, в целом прошел на высоком научно-организационном и деловом уровне, позволил ученым заинтересованных стран обменяться мнениями и результатами последних исследований по ряду дискуссионных вопросов, подчеркнул актуальность дальнейшего углубленного изучения истории и уроков войны на Халхин-Голе.

© 2010

В. Грайворонский,
доктор исторических наук,
С. Лузянин,
доктор исторических наук

Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев

18—19 июля 2009 г. в крупнейшем городе Новой Зеландии Окленде состоялась международная научная конференция по проблемам зарубежной китайской диаспоры. Ее организаторами выступили Ассоциация новозеландских китайцев Окленда и Международное общество по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — International Society for the Study of Chinese Overseas). Непосредственную работу по подготовке конференции провела Школа азиатских исследований Университета Окленда во главе с профессором Ип Маньин.

Официальная тема конференции — "Поднимающиеся драконы, летящие ввысь бананы". Эта метафора призвана привлечь внимание одновременно как к развивающимся "материнским" китайским сообществам, представленным КНР, Тайванем, Гонконгом и Макао и символизируемым драконами, так и к зарубежным китайцам, часть которых, проживающая в странах со значительным белым населением, в последнее время в шутку нередко называет себя "бананами", тем самым подчеркивая свою новую идентичность, сочетающую унаследованную "китайскость" и приобретенную ориентацию на систему ценностей принимающих сообществ.

Прошлое, настоящее и будущее зарубежной китайской диаспоры в целом явилось одним из основных предметов анализа на конференции в Окленде. Как отметил Питер Ли (Канада), существует несколько вариантов периодизации истории формирования и развития феномена зарубежной китайской диаспоры. Такие китайские ученые, как Чжуан Готу и Чэнь Бишэн, датируют ее возникновение первыми веками второго тысячелетия нашей эры и увязывают с деятельностью миссионеров — конфуцианцев и буддистов, с торговой, а позже и с ремесленной активностью китайцев. В то же время Ван Гунъу (Сингапур) полагает, что до конца правления династии Мин у китайцев не было интереса к окружающим странам, и реально диаспора стала формироваться позже — в XVII—XIX веках. До 1883 г. находившихся за рубежом китайцев называли по-разному: "хуаминь", "хуажэнь", "хуагун". В 1883 г. появился термин "хуацяо", который быстро обрел популярность и стал наиболее употребительным. В первой половине XX в. в среде находившихся за рубежом китайцев были весьма сильны патриотические настроения, ориентация на политическую и финансовую поддержку Китая. В целом до середины XX столетия зарубежные китайцы исходили, по крайней мере теоретически, из временного характера своего пребывания за границей и ориентировались на возвращение в конечном счете на историческую родину. После образования в 1949 г. КНР вопрос о массовом возвращении хуацяо в Китай отпал, утратил реальность. Большинство лиц китайского происхождения стали гражданами других стран. Можно сказать, что именно тогда и началось формирование феномена "зарубежных китайцев" (overseas Chinese) в его совре-

менном виде. По имеющимся оценкам, их численность с 11 млн чел. в 1955 г. увеличилась до 19 млн чел. в 1980 г. и до 35 млн чел. в 2000 г. В 2007 г. в мире насчитывалось около 39 миллионов зарубежных китайцев, в т.ч. в Азии 29,5 млн, в Америке около 7,2 млн, в Европе 1144 тыс. чел., в Океании 868 тыс., в Африке 219 тыс. чел. По сравнению с 1950-ми гг. доля хуацяо, сосредоточенная в Азии, ныне заметно упала — с 96% до 76%, а тех, кто осел в Америке, существенно возросла — с 2 до 18%. При этом, как отметил Лео Сурьядината (Индонезия), в настоящее время около 80% мигрантов из Китая следует в такие развитые страны, как США, Австралия и Новая Зеландия, и только 20% — в Юго-Восточную Азию.

Питер Ли прогнозирует увеличение лиц китайского происхождения в Америке до 9 млн чел. в 2020 г. и до 13 млн чел. в 2040 г., а в Азии, соответственно, до 32 и 38 млн чел. К 2040 г., по его оценке, количество лиц китайского происхождения в Европе возрастет до 2 млн чел. в Океании — до 2,5 млн и в Африке — до 1 млн чел. В целом же зарубежная китайская диаспора может вырасти до 44 млн чел. в 2020 г. и до 55 млн чел. в 2040 г.

Хотя значительную часть современных мигрантов из КНР составляют, как и ранее, представители профессий, не требующих высокого уровня образования, например, торговцы и строители, однако доля высокообразованных специалистов быстро растет. Так, в Гонконге действует специальная программа приглашения “талантов и профессионалов” из КНР. Привлекательность Гонконга для китайских и в целом международных мигрантов обеспечивается, по свидетельству Виктора Чжэна, хорошими карьерными перспективами, высоким уровнем общественного порядка и законопослушания граждан. Однако Гонконгом дело не ограничивается. По мнению Йоу Ит-сена (Yit-Seng Yow), ныне китайские человеческие ресурсы распространяются по всему миру столь же быстро, как и продукция, изготовленная в Китае.

Как отметила в докладе “Зарубежные китайцы в новом глобальном мире” Либби Вонг — писательница, предприниматель и бывший член Законодательного совета Гонконга, в целом есть все основания считать зарубежную китайскую диаспору успешным сообществом. Зачастую зарубежным китайцам пришлось пройти через тяжелейшие испытания. Достаточно сказать, что в начале XX в. практически во всех англоговорящих странах были приняты Акты об исключении китайцев. В Новой Зеландии лица китайского происхождения облагались подушным налогом, ставки которого неуклонно повышались, достигнув фактически запретительного уровня (в 2002 г. правительство Новой Зеландии принесло извинения китайской общине за гонения в начале XX в.). Враждебная среда усиливалась среди китайцев настрой на взаимную поддержку, особенно применительно к членам семьи и землякам. В настоящее время зарубежная китайская диаспора стала намного более разнородной. Появились такие полушутливые аббревиатуры, как “эй би си” — American-borned Chinese (китайцы, рожденные в Америке; в первоначальном смысле аббревиатура, состоящая из первых трех букв английского алфавита, подразумевала именно алфавит, азбуку, прописные истины) и “би би си” — “British-borned Chinese”, то есть китайцы, рожденные в Великобритании (изначально Би Би Си — ведущая радиовещательная корпорация Соединенного Королевства). Однако, полагает Либби Вонг, при всем разнообразии зарубежных китайцев их отличает общее понимание необходимости “уважать право каждого на человеческое достоинство и доверять друг другу”. Секрет же

успеха китайской диаспоры заключается в ее высокой способности достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям.

Неизменно значимым остается вопрос об идентичности зарубежных китайцев, о соотношении в их ментальности унаследованной “китайскости” и благоприобретенной той или иной “инакости”, формируемой прежде всего условиями конкретной страны проживания. Для многих лиц китайского происхождения новая идентичность, связанная с гражданством, не менее важна, чем общность по крови. В этом плане весьма примечателен адресованный исследователям китайской диаспоры призыв Тереситы Анг Си (Филиппины) “разоблачать миф о том, будто этнические китайцы за рубежом формируют некий третий Китай” (то есть, помимо КНР и Тайваня). Весьма популярным остается обобщенный взгляд на зарубежных китайцев как на своеобразный мост, связывающий в глобальном мире китайские сообщества и страны, принимавшие или принимающие выходцев из “китайского мира”. Между тем проблема идентичности, похоже, все чаще решается на индивидуальном уровне. Такое бывало и в истории, но скорее в качестве исключения, а не правила. Например, в докладе Лоуэллы Чэн (Гонконг) была прослежена история детей от одного из смешанных китайско-европейских браков в Гонконге на рубеже XIX—XX вв., в которой три брата выбрали китайскую идентичность, а четвертый—европейскую, включая и европейское имя. Можно констатировать, что в настоящее время лица китайского происхождения “старой волны”, сохранив язык и ориентацию на китайскую культуру, все же существенно отличаются по манере поведения и общему мировоззрению от большинства новых китайских мигрантов.

Обретает популярность изучение проблем взаимоотношений китайских мигрантов с туземными народами (первообитателями), в т.ч. с маори в Новой Зеландии (доклад Найджела Мерфи) и с индейскими племенами в Британской Колумбии (доклад Хэйна Вая, Канада).

Часть докладов была посвящена особенностям истории и современного этапа функционирования китайской диаспоры в ряде конкретных стран, в т.ч. в ЮАР (Карен Харрис, Претория, ЮАР), Камбодже (Джеймс Чин, Гонконг), на Кубе (Мэри-Эллис Уотерс, США), в Австралии (Кристин Инглис, Австралия), Республике Корея (Чон Юн Рок, Сеул, Республика Корея), России (В. Портяков). Детально проанализировав деятельность китайской диаспоры в Экваториальной Гвинее, где в течение трех лет, начиная с 2006 г., ее численность увеличилась с 200 до 5 тыс. чел., Марио Эстебан (Мадрид, Испания) пришел к выводу о смешанном типе реакции на нее местного населения. С одной стороны, рядовые граждане приветствуют приток достаточно дешевых товаров и услуг китайского происхождения (продовольствие, ширпотреб, частные клиники, ремонтные мастерские и т.п.). В то же время в строительстве и сельском хозяйстве китайская рабочая сила составляет конкуренцию местным работникам и, соответственно, вызывает определенную негативную реакцию.

Конференция в Окленде дала старт давно напрашивавшемуся сравнительному анализу миграционных потоков из Китая и Индии и зарубежных китайской и индийской диаспор. Карен Харрис проанализировала сходство и различие политики южноафриканских государств по отношению к китайским и индийским рабочим в конце XIX — начале XX в. В 1860—1911 гг. Наталь ввез свыше 152 тысяч индийцев для работы на сахарных плантациях, а в 1904—1910 гг. Трансвааль ввез около 64 тысяч китайцев для работы в золотодобывающих шахтах. В обоих случаях выезд из своей страны на заработки был вынужденным и

объяснялся голодом, стихийными бедствиями, политическим неурядицами в Китае и Индии. Вместе с тем, особенности использования принудительного труда индийцев и китайцев оказали глубокое влияние на формирование различий в последующей политике Южно-Африканского Союза, а затем ЮАР, в отношении лиц индийского и китайского происхождения.

Вэй Ли (Тусон, США) работает над проектом по сопоставлению современной китайской и индийской международной миграции. В частности, в США по состоянию на 2006 г. этнические китайцы (1,9 млн чел.) и индийцы (1,5 млн чел.) являлись соответственно второй и четвертой по численности этническими группами лиц, родившихся за пределами страны. И китайская, и индийская диаспоры достаточно уверенно перемещаются в системе разделения труда в США с первоначально периферийных позиций на базовые, опорные (backbone).

Судя по докладам участников конференции из Окленда, в целом неплохо складываются дела и у китайцев, осевших в Новой Зеландии. Таковых в настоящее время свыше 147 тыс. чел. Порядка 40 тыс. чел. составляет старая диаспора, представленная выходцами из Гуандуна. Остальные — новая волна, начавшаяся в 1986 г., в основном из КНР. Значительную часть оседающих в Новой Зеландии китайцев составляют окончившие обучение в стране студенты и их родственники. Новая Зеландия, страдающая от *“утечки мозгов”*, нуждается в постоянной подпитке своего интеллектуального потенциала. Наряду с белыми переселенцами из ЮАР свою лепту здесь вносят и китайцы. Благосклонному отношению властей к китайской иммиграции способствует то обстоятельство, что Новая Зеландия в последнее время позиционирует себя как мультикультурное общество. 10% населения страны имеет азиатское происхождение, а 23% новозеландцев родились вне ее территории. Причины высокой конкурентоспособности китайцев в Новой Зеландии демонстрирует и повседневная жизнь. Если в большинстве мелких магазинчиков Окленда любые разновидности фруктов продаются по доллару за штуку (новозеландский доллар составляет примерно две трети американского), то в китайских овощных магазинах за тот же доллар можно купить существенно больше, например, вплоть до килограмма яблок. Сувенирные майки, произведенные в Новой Зеландии, втрое дороже практически таких же, но изготовленных в Китае.

Вместе с тем, не все получившие вид на жительство китайцы закрепляются в Аотероа — *“Стране длинного белого облака”*, как называется Новая Зеландия на языке первопоселенцев маори. Какая-то их часть рассматривает Новую Зеландию как пересадочную станцию и эмигрирует в третьи страны. В последнее время растет, судя по докладу Салли Лю, и возвратная миграция в КНР. Помимо того обстоятельства, что для многих новых мигрантов Китай является домом, где нередко остались родители, а то и собственная семья, свое воздействие оказывают возросшая мощь китайской экономики и предоставление властями КНР хороших материальных условий и карьерных возможностей возвращающимся из-за границы ученым и выпускникам вузов.

Рецензии

История Монголии. XX век.

Отв. ред. Г.С. Яскина М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

В двадцатом веке наш восточный сосед Монголия пережила много различных событий в своей истории. Одни из них оставили светлый след в памяти монголов, другие были окрашены в трагические тона. Обо всем этом подробно рассказано в монографии, подготовленной ведущими российскими монголоведами — Е.В. Бойковой, М.И. Гольманом, В.В. Грайворонским, А.С. Железняковым, С.Г. Лузяниным, Ш.Г. Надировым, С.К. Рощиным, Г.С. Яскиной. Книга представляет собой первый опыт аналитического описания на русском языке современной истории Монголии. Она свободна от идеологических клише, которыми в определенной степени страдали работы советских (как впрочем, и зарубежных) авторов. Здесь впервые объективно представлен исторический процесс развития современного монгольского общества, содержится целый ряд новых оценок, в частности, касательно советско-монгольских отношений, исторической роли Чойболсана и Цеденбала, характера социально-экономического строя Монголии в начале XX в.

За прошедшие сто лет Монголия, бывшая в начале века провинцией Китая, превратилась в независимое государство, занимающее достойное место в мировом сообществе. Авторы монографии не согласны с тезисом о застойном характере монгольского общества на рубеже XIX—XX вв.: "Просто, изменения, которые имели место в Монголии, по меркам Европы, не казались адекватно созвучными новым веяниям и темпам технического прогресса: исследователи часто воспринимали их как лишь экзотические ступени давно прошедших в передовых странах эпох или как настолько микроскопические новации, что не принимали их во внимание. Для самой же Монголии они имели поистине революци-

онное значение" (С 21—22. курс. авт. — В.Б.). В этой связи в книге говорится о появлении стационарных городов и такого социального слоя, как горожане, состоявшего из рабочих, ремесленников, людей свободных профессий; точечном внедрении технических и культурных новинок — телефона, телеграфа, газет и т.п. По мнению М.И. Гольмана и А.С. Железнякова, нельзя рассматривать кочевое скотоводство, занимавшее господствующие позиции в общественном производстве, как отсталый тип, "кочевое скотоводство — это тип хозяйства, — пишут они, — а не некая докапиталистическая стадия развития" (С. 23). С этим важным выводом нельзя не согласиться, учитывая природные условия страны, прежде всего, физико-географические и климатические.

В первые два десятилетия XX в. монгольский народ вел упорную борьбу за свое освобождение от маньчжурской Цинской династии. В этой борьбе он неизменно получал поддержку от правительства царской России, которое занимало "грамотную" дипломатическую позицию в "монгольском вопросе", и от руководства советской России, политика которой по отношению к Монголии при всех политико-идеологических различиях с царским режимом отличалась преемственностью. Об этом убедительно свидетельствовало подписание 5 ноября 1921 г. Соглашения между правительством РСФСР и народным правительством Монголии, согласно которому последнее признавалось единственной законной властью страны. Именно благодаря позиции России (и царской, и советской) Монголия смогла обрести национальную государственность.

Значительный интерес представляет глава, посвященная внешней политике

МНР в 1925—1939 гг., поскольку это был своего рода переломный момент в истории монгольского общества двадцатого столетия. Ее автор, известный специалист по современным международным отношениям стран Азии С.Г. Лузянин подробно рассматривает сложные перипетии выработки внешнеполитической доктрины монгольского государства в этот период. Как пишет автор, шла борьба двух тенденций — национального возрождения без руководящей роли СССР, с одной стороны, и политического сближения Советского Союза и Монголии, с другой. По его словам, курс “монгольских национальных демократов был обусловлен желанием части советского и Коминтерновского руководства искусственно ускорить ход революционных и социально-экономических преобразований в Монголии, без учета национальной и исторической специфики, что отрицательно сказывалось на ситуации в Монголии и на советско-монгольских отношениях” (С. 133—134). Исторические факты свидетельствуют о том, что советские советники стремились превратить Монголию в полигон по реализации теории перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм. Под социализмом понималась сталинская модель, существовавшая в то время в советском обществе.

Естественно, что главное место в монографии занимает анализ модернизационного процесса в Монголии в период нахождения у власти Монгольской народно-революционной партии (МНРП) — 1921—1990 гг. Авторы подробно описывают все этапы этого сложного процесса со всеми его успехами и неудачами, приводят большое количество статистических, цифровых материалов о динамике промышленного и сельскохозяйственного производства, городском строительстве, финансовой политике, положении с образованием и здравоохранением, демографической ситуации и т.д. Приводимые в книге данные убедительно свидетельствуют о высокой динамике развития экономики. В эти годы при помощи Советского Союза и других социалистических стран были построены сотни промышленных, сельскохозяйственных, транспортных, социально-культурных и других объектов. Достаточно, например, сказать, что по ряду основных показателей

развития здравоохранения, особенно в сельской местности среди кочевого населения, Монголия в конце 80-х гг. прошлого столетия опережала большинство развивающихся стран (С. 288), она стала страной поголовной грамотности. В период нахождения у власти МНРП страна добилась значительных успехов в развитии современных видов промышленности, земледелия, транспорта, связи, социальной сферы, образования и культуры, увеличения общей численности населения, повышения его образовательного и культурного уровня, была создана современная интеллигенция. Тем самым было сокращено исторически сложившееся отставание от более развитых стран. Этот период можно охарактеризовать как важный этап в модернизации традиционного монгольского общества. Именно тогда был заложен тот значительный политический, экономический, культурный и интеллектуальный потенциал, с которым монгольское общество подошло к новому этапу своего развития, начиная с 1990 г.

Конечно, в социальном, экономическом и культурном строительстве в процессе модернизации были и определенные перекосы и ошибки. Здесь прежде всего следует сказать о сельском хозяйстве: несомненной ошибкой были методы и темпы обобществления скота — основного богатства, капитала, средства производства и потребления аратов-кочевников. Если и надо было проводить кооперирование, то с учетом монгольской специфики, менталитета монголов, однако это не было принято в расчет. Как справедливо пишет признанный авторитет по вопросам кооперирования аратов В.В. Грайворонский, “лишившись большей части своего богатства и капитала, взяв на себя ответственность за сохранение и приумножение общественного стада и не получив адекватной оценки и вознаграждения за свой тяжелый труд, многие араты постепенно утратили экономические и моральные стимулы к интенсивному труду в коллективном хозяйстве” (С. 298). Результатом кооперирования животноводства стал хронический дефицит рабочей силы. Несомненно, что негативным фактором, сказавшимся на развитии Монголии, было отсутствие в ней современного рабочего класса. В течение многих столе-

тий монголы занимались кочевым скотоводством, что обуславливало определенный тип работы, не связанной со строгой дисциплиной и строгими временными рамками. Естественно, это влияло на качество монгольских рабочих, еще вчера бывших араатами-кочевниками. Как показывает опыт многих стран, формирование современного рабочего класса требует не одного десятилетия. В монографии справедливо отмечается, что "экономическая эффективность промышленности МНР в целом оставалась низкой. Имеющиеся промышленные мощности использовались недостаточно полно и эффективно. Качество продукции многих предприятий за исключением некоторых горнодобывающих отраслей оставалось низким. Имели место многочисленные нарушения производственной и трудовой дисциплины, бесхозяйственность. Медленно росла производительность труда" (С. 284).

Авторы указывают также на серьезные недостатки в советско-монгольском экономическом сотрудничестве, которые выражались прежде всего в отсутствии увязки экономических потребностей и возможностей Монголии с возможностями Советского Союза, невысоком подчас уровне техники и технологии, поставляемых советской стороной для ряда монгольских предприятий, наконец, в диспаритете цен на советскую и монгольскую продукцию.

Тем не менее в своей основе советско-монгольские отношения при всех своих недостатках были отношениями подлинной дружбы. Поэтому совершенно справедливо известный специалист по современной политической истории Монголии Г.С. Яскина пишет, что "нет особо веских оснований считать, что советско-монгольские отношения на протяжении всего времени их существования и развития были отношениями эксплуататора и эксплуатируемого, страны-колонизатора и страны колонизированной, как это было принято изображать во многих работах западных ориенталистов" (С. 231), да и в статьях некоторых публицистов и ученых в самой Монголии в 90-х гг. прошлого столетия. Достаточно указать в этой связи на политику Англии, Франции, Португалии, Испании по отношению к своим африканским и азиатским колониям. Они оставили в них после себя низкий

культурный и общеобразовательный уровень населения, отсутствие элементарной системы медицинского обслуживания, всеобщую бедность. Благодаря помощи и поддержке Советского Союза монгольская нация смогла не только сохраниться как самостоятельный, самобытный этнос, но и возродить собственную государственность, признанную международным сообществом. Современная Монголия по многим социально-экономическим параметрам выгодно отличается от большинства сравнимых с ней по численности населения стран и не только азиатских и африканских.

Вопросы о российско (советско)-монгольских отношениях, роли Советского Союза в определении внутренней и внешней политики Монголии, ВКП(б) КПСС в большей или меньшей степени затрагиваются во всех главах монографии. И это неслучайно. Советское руководство, Коммунистический интернационал оказывали прямое влияние на стратегию и тактику Монгольской народно-революционной партии, на ее кадровую политику. Более того, отдельные деятели ВКП(б) и лично Сталин, представители Коминтерна несут свою долю ответственности за массовые репрессии 30-х годов. Они участвовали в принятии многих конкретных решений по кадровым вопросам МНРП, выработке мероприятий внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. Во многих случаях подобные мероприятия проводились без учета реалий Монголии, менталитета ее жителей. Естественно, что они приводили к серьезным трудностям в жизни страны. А они, эти трудности, списывались на происки "классовых врагов", которых следовало уничтожать. Во времена "большого террора" 30-х годов (его зачатки имели место еще раньше, в 20-е годы) пострадали десятки тысяч людей — от руководителей страны до простых граждан. В заявлении ТАСС (июль 1990 г.) отмечалось, что "анализ имеющихся в МНР и СССР архивных материалов показывает, что репрессии против партийных, государственных, военных кадров, интеллигенции, священнослужителей, других монгольских граждан в указанный период осуществлялись в обстановке, порожденной сталинщиной, организовались и проводились Х. Чойбалсаном и его окружением при участии подруч-

ных Ежова, а затем Берии. Некоторые граждане МНР, включая руководящих деятелей МНРП и членов правительства страны, были незаконно осуждены и погибли в СССР. Впоследствии они были полностью реабилитированы" (С. 106—107). Конечно, определенную вину за репрессии несут и сами монгольские руководители.

Следует подчеркнуть в этой связи, что в центре внимания монгольских революционеров на протяжении 20—30 гг. прошлого столетия находился очень важный с теоретической и политической точек зрения вопрос о путях и средствах преодоления социально-экономической отсталости Монголии и вхождения ее в современную цивилизацию. Как известно, классический марксизм в лице К. Маркса и Ф. Энгельса исходил из постулатов о возможности победы социализма первоначально лишь в развитых странах. Позднее В.И. Ленин выдвинул свою знаменитую идею о "слабом звене" в мировой системе империализма, каковым являлась Россия. Однако Монголия по уровню своего развития не относилась даже к "слабому звену". Поэтому естественно, что среди монгольских революционеров, ориентированных на ВКП(б), возникали оживленные и даже ожесточенные дискуссии о том, каким путем идти Монголии — копировать ли советскую модель либо найти такую схему развития, которая учитывала бы национальные реалии. Представители ВКП(б) и Коминтерна, воспитанные на европейском опыте и весьма далекие от понимания реальной ситуации в Монголии, квалифицировали подобные дискуссии в рамках привычного для партийной терминологии тех лет шаблона борьбы "правых" с "левыми" и наоборот.

Однако, по нашему мнению, было бы неправильно всю вину за трагическую развязку партийных дискуссий возложить только на представителей ВКП(б) и Коминтерна. Как показывает мировой опыт, на начальном этапе революции большую роль играет не трезвый расчет, а голый энтузиазм, романтизм. Достаточно упомянуть Китай 50—60-х гг. прошлого столетия. Самым первым монгольским революционерам — безотносительно от вмешательства извне — были присущи упрощенные, поверхностные представления о социализме. Следует принять во внимание и их низкий,

за редким исключением, общеобразовательный и тем более теоретический уровень. Для многих из них несогласие с их взглядами означало переход на сторону "классового врага". Сама обстановка тех лет располагала к жесткой политической борьбе. Поэтому нельзя не согласиться с мнением С.К. Рощина, полагающего, что "к монгольским событиям в той или иной степени были причастны многие яркие личности — политики, военные, специалисты — из Советской России, по линии Коминтерна. И все же первое слово принадлежало самим монгольским руководителям. С самого начала они не были простыми исполнителями чужой воли, не следовали слепо советам извне, имели свою позицию, твердо отстаивали национальные интересы так, как их понимали" (С. 65).

На страницах книги, особенно во второй главе, (автор С.К. Рощин) проходит вереница имен многих видных государственных и партийных деятелей Монголии — Д. Бодо, Д. Чагдаржава, С. Данзана, П. Гэндэна, А. Амара, Д. Лувсаншарава, Д. Догома, Л. Лосола, С. Довчина, О. Бадраха, З. Шижээ, Р. Мэнда и других, сыгравших большую роль в становлении новой Монголии. Естественно, что авторы книги не могут пройти мимо оценки деятельности двух политических лидеров Монголии, сыгравших в ее истории наибольшую роль — Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала. Общее мнение авторов о Х. Чойбалсане сводится к следующему: он много сделал для создания независимой Монголии, но одновременно установил в стране тоталитарный режим, проводил политику политических репрессий (С. 187, 210). Что касается Ю. Цеденбала, то, как отмечается в пятой главе монографии (авторы Ш.Г. Надиров, В.В. Грайворонский), по своим личным качествам он был добрым и отзывчивым человеком, горячим патриотом своей страны. Однако длительное нахождение на высших — партийном и государственном — постах (более сорока лет) оказало отрицательное влияние на его личность. В постановлении V пленума ЦК МНРП (от 22 декабря 1988 г.), в частности, указывалось: "По мере концентрации власти в руках Ю. Цеденбала, который в течение многих лет находился в руководстве партии и государства, все сильнее проявлялись такие негативные стороны, как от-

ход от принципиальности в руководящей партийно-государственной деятельности и вопросах кадров, принижение значения коллективного руководства, своеволие, глухота к мнениям других, расхождение между словом и делом" (С. 236). В этом постановлении Ю. Цеденбала справедливо обвиняли в субъективизме и волюнтаризме. К этому следует добавить, что он находился под сильным влиянием догматического марксизма, что, впрочем, в годы его нахождения у власти было характерно для многих руководителей коммунистических партий, в том числе КПСС. Вместе с тем, оценивая опыт МНРП в целом, нельзя отрицать ее вклада в становление монгольской государственности.

Практика преобразований заставляла отдельных деятелей МНРП менять свои убеждения, переходить на реалистические позиции. Это, прежде всего, относится к П. Гэндону и А. Амару, которые интуитивно нащупывали национальный путь к социализму, как это позднее сделал Дэн Сяопин в Китае. Фактически они выступали за постепенное проведение реформ, поощрение индивидуальных хозяйств, взвешенный подход к ламству и т.д. Не может не вызывать уважения твердая позиция этих монгольских революционеров в отстаивании ими своих взглядов, даже во встречах со Сталиным. Они были против забегания вперед, перескакивания через необходимые этапы развития.

В четвертой и шестой главах (авторы Е.В. Бойкова и Г.С. Яскина) затрагивается вопрос, который в последнее время приобрел определенную остроту не только в Монголии, но и в ряде тюркоязычных государств Центральной Азии и республик России — о возвращении к традиционной письменности. Как известно, старая монгольская письменность основывалась на уйгурском алфавите. Архаичность правописания затрудняла быструю ликвидацию неграмотности. Кроме того, возникали трудности при написании научных, технических, медицинских терминов, названий государств, имен людей. Начиная с 1930-х гг. в Монголии велись дискуссии относительно перехода на другую письменность, в частности, на латинский алфавит. В конечном счете по политическим соображениям было принято решение перейти на кириллицу.

По мнению авторов книги, этот переход сыграл положительную роль, новая письменность стала связующим звеном между западной и восточной культурой. После мирных революционных событий 1990 г. предпринимались попытки перевода всего государственного делопроизводства на старомонгольский язык, однако этот эксперимент оказался неудачным. Одновременно вновь оживились дискуссии, особенно среди молодежи, о необходимости перехода на латиницу. В этой связи можно привести один примечательный факт. После 1991 г. в одной бывшей тюркоязычной республике Советского Союза, а ныне независимом государстве было издано распоряжение о переводе всей технической документации промышленных предприятий с русского языка на национальный. Однако по прошествии небольшого периода времени оказалось, что это сделать невозможно, поскольку в национальном языке не оказалось необходимых аналогов. Подобный факт говорит о том, что русский язык (как и английский) будут еще долго востребованы в странах, входивших когда-то в орбиту влияния России (и соответственно, США, Англии и т.д.).

В конце 1980-х гг. Монголия стала переживать острый социально-экономический кризис, который был обусловлен внутренними противоречиями существовавшего тогда общественно-политического строя. Однако руководство МНРП, несмотря на объявленную им перестройку, не сделало должных выводов из сложившейся ситуации.

Весной 1990 г. под давлением организационно оформившихся к тому времени оппозиционных сил, состоявших преимущественно из молодежи, прежнее руководство государства ушло в отставку. За прошедшие почти двадцать лет в стране произошли серьезные качественные изменения. Прежде всего, вместо курса на социализм высшей целью государства было провозглашено строительство гуманного гражданского демократического общества, вместо однопартийной системы появилась многопартийная. В стране помимо МНРП, сохранившей значительный авторитет в массах населения, возникло несколько новых партий, которые объявили себя демократическими. Однако, на наш взгляд, на-

личие большого количества партий в такой маленькой стране как Монголия еще не есть свидетельство политической демократии, ибо иногда очень трудно провести различия между программами этих партий. Появление их скорее есть результат амбиций политиков, чем действительное отражение интересов определенных общественных слоев, ведь в сравнении с развитыми странами в Монголии нет многоярусной социальной дифференциации. Поэтому требования новых партий в принципиальных вопросах совпадали. Как справедливо отмечает Г.С. Яскина, новые партии зачастую ориентировались на узкие экономические или культурно-религиозные интересы (С. 333). В этой связи следует заметить следующее: опыт Тайваня свидетельствует о том, что не политическая демократия является залогом экономического процветания, а, наоборот, прочный экономический фундамент есть база развития демократии.

Приводимые в книге данные о социально-экономическом развитии Монголии после 1990 г. весьма противоречивы. С одной стороны, в 1994—1995 гг. в результате действия рыночных механизмов наметилась стабилизация монгольской экономики: “начался рост производства продукции животноводства, оживился промышленный сектор, поддержанный иностранными инвестициями. В относительно сжатые сроки была урегулирована проблема высокой динамики инфляции” (С. 350). С другой стороны, в такой важной отрасли народного хозяйства, как животноводство по-прежнему существуют серьезные трудности. После массовой приватизации скота аграрный сектор оказался во власти рыночной стихии. В результате на рубеже XX—XXI вв. в течение нескольких лет произошел массовый падеж скота (С. 352). Одновременно необратимый характер приобрел процесс расслоения общества по имущественным признакам. По словам Г.С. Яскиной, “переход Монголии к демократии и рынку сопровождается обострением социальных проблем — ростом безработицы и бедности, упадком школьного образования, ухудшением системы медицинского обслуживания и т.д. Монголии пока не удалось преодолеть высокий порог бедности... Бедность обусловлена в том числе и миграцией сельского населения в города, вступлением

в трудоспособный возраст многочисленного молодого поколения, медленным созданием рабочих мест, низкими темпами роста потребления и развития внутреннего рынка. Длительная безработица порождает настроения иждивенчества, нежелание работать, потерю трудовых навыков, криминальную обстановку” (С. 358, 359). Серьезный ущерб национальным интересам нанесла проводившаяся в начале 1990-х гг. частичная приватизация государственной собственности, поскольку при этом происходило расхищение и неэффективное использование полученных от нее средств (С. 341).

Важным моментом внутренней политики нового руководства в области культуры можно считать переоценку роли Чингисхана, оценка которого до 1990 г. носила преимущественно негативный характер. По нашему мнению, это был крупный государственный деятель, много сделавший для Монголии, его деяния следует оценивать, исходя из конкретных обстоятельств его времени. Он был не более жесток, чем, например, Александр Македонский или Карл V, но тем не менее их не подвергали такому беспощадному историческому осуждению, как его. Поэтому нельзя не согласиться со словами первого президента демократической Монголии П. Очирбата: “В дело создания монгольского национального государства Чингисхан привлекал людей, не различая их ни по социальному положению, ни по происхождению или религиозным верованиям, учитывая только их ум, образованность, преданность и прилежание. Мы не отрицаем и не одобряем при этом того, что в своих завоевательных военных походах Чингисхан нанес немалый ущерб разным народам, он и сам признавал это” (С. 364).

Отмечая большие достоинства рецензируемой монографии, нельзя в то же время не высказать ряд замечаний и соображений. Прежде всего, хотелось бы видеть в первой главе хотя бы тезисное изложение программных статей, публиковавшихся в первых монгольских печатных изданиях в начале XX в. Далее, вторая глава фактически представляет собой историю становления и развития МНРП, в ней очень мало говорится о социально-экономических процессах, происходивших в стране. Кроме то-

го, в шестой главе следовало бы дать данные о бюджете монгольского государства по годам после 1990 г., а также удельный вес внешних заимствований, если, конечно, есть такие статистические цифры. Интересно также было бы узнать, повысился или понизился по сравнению с 1989 г. жизненный уровень отдельных слоев населения, каков удельный вес отечественного и иностранного капитала в экономике современной Монголии, какова эффективность работы приватизированных предприятий. Соединение в шестой главе материалов, относящихся к последнему периоду существования социалистической Монголии (1984—1990 гг.) и материалов, характеризующих развитие новой демократической Монголии нерационально, ибо создает путаницу в их восприятии. Наконец, недостаточно полно представлены в указателе монгольские термины, поэтому неспециалисту трудно читать текст. Можно назвать следующие термины: чиновник — харачи-

нец, да — лама, чин — ван, цинь — вань, тушету — гун, далай — ван, цзянь цзюнь и др. Непонятно, кто такой ници-гэгэн (ничитой), почему в научном тексте используется прозвище гамин — презрительное название солдат и офицеров китайских оккупационных войск (С. 47). Неудачно сформулировано название одного из разделов седьмого параграфа шестой главы. Его следовало бы назвать "Большая роль Японии во внешней политике и экономике Монголии". В начале пятой главы содержится материал, не относящийся прямо к теме книги.

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку монографии. Без преувеличения можно сказать, что она является существенным вкладом в мировое монголоведение, ведь аналогичного труда нет ни в одной другой стране. Вызывает сожаление ее неоправданно малый тираж (300 экз.). Книга, безусловно, заслуживает переиздания в дополненном и уточненном варианте.

© 2010

В. Буров,
доктор философских наук

**Сила и ограничения: общий взгляд США и КНР
на взаимоотношения между ними**
**Power and Restraint: A Shared Vision for the U.S.-China
Relationship / ed. by Richard Rosecrance and Gu Guoliang.**
New York: Public Affairs, 2009. 272 p.

Коллективную монографию ведущих американских и китайских политологов о перспективах двусторонних отношений, даже исходя лишь из формальных признаков, по праву можно отнести к революционным публикациям.

Во-первых, впечатляет уровень авторского коллектива, в который с американской стороны входят такие известные ученые как Дж. Най (бывший заместитель министра обороны и высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США, автор теории "мягкой" (soft) и "умной" (smart) силы) Э. Фогель (профессор и бывший директор Программы восточноазиатских исследований Гарвардского университета),

Г. Аллисон (директор Центра международных исследований в Гарварде, бывший заместитель министра обороны США), а со стороны КНР — Дун Цзяньхуа (заместитель Председателя НПКСК, бывший глава САР Сянган), Ян Цземянь (президент Шанхайской академии международных исследований, брат министра иностранных дел Китая Ян Цзечи), Ван Цзисы (директор Института международных отношений ("Института Цянь Цичэня") Пекинского университета, директор Института стратегических и международных исследований Высшей партийной школы при ЦК КПК, вице-президент Китайского форума реформ) и другие видные политики и ученые.

Во-вторых, что редкость, большинство глав написаны в соавторстве учеными, представляющими обе стороны творческого коллектива, и лишь отдельные главы, посвященные наиболее болезненным и сложным вопросам двусторонней повестки, носят характер комбинации основной статьи и развернутого комментария к ней.

В-третьих, упомянутое исследование стало первым печатным изданием, появившимся после того, как в январе 2009 г. в обеих странах прошли серии официальных и научных мероприятий, посвященных 30-летию установления дипломатических отношений между США и КНР.

Касаясь содержательных особенностей монографии, хочется, прежде всего, отметить, что в целом практически все авторы признают доминирующий характер влияния двусторонних американо-китайских отношений на современную глобальную ситуацию. В этом смысле упомянутая работа предстает как своеобразное продолжение темы "большой двойки" и "чимерики" в исследованиях современных геополитических концепций. Несмотря на то, что оба термина ни разу не появляются на страницах книги, скорее всего из-за опасений китайской стороны предстать соавтором некоего сговора с Вашингтоном, данная тема прослеживается подспудно при анализе как глобальной, так и региональной проблематики.

Структурно монография состоит из двух частей, тематически традиционных для последних изданных как в КНР, так и в США работ по вопросам двусторонних отношений. Первая часть посвящена их общим стратегическим перспективам, и прежде всего проблемам транзита и новых измерений силы в современной глобальной политике и международных отношениях. Исходя из этого в данном блоке ставится вопрос, неизбежен ли в сколь-нибудь обозримой перспективе конфликт между США как нынешним глобальным гегемоном (established hegemon) и Китаем как наиболее динамично развивающейся державой (rising power). Ответ на этот вопрос авторы монографии пытаются найти в пределах трех исследовательских парадигм: сравнительно-исторической, общей теории международных отношений (прежде всего, теории игр), а также анализируя обширный стати-

стический материал, с использованием которого индексируются различные компоненты совокупной государственной мощи.

Пожалуй, впервые в американской синологической литературе приводятся исторические аналогии современного подъема Китая и ускоренного роста экономики и политического веса США в первой половине XX в., в период, когда глобальным гегемоном считалась Великобритания. Несмотря на то, что, по мнению Э. Мэя (Гарвардский университет) и Чжоу Хуна (директор Института Европы АОН КНР), нынешние отношения между США и Китаем вряд ли станут столь же "теплыми", как американо-британские периода "версальско-вашингтонской системы", позитивный исторический "груз" взаимодействия с Пекином может снова, как это уже было в период после распада советско-китайского альянса и событий 1989 г., послужить фундаментом американо-китайского сближения (С. 17).

При этом, по мнению авторов, в последнее время значительным метаморфозам подвергается и сама структура перераспределения власти в международных отношениях. Происходит явная эрозия таких ее основополагающих понятий, как государство-нация, баланс силы, меркантилистская торговая политика (как форма "игры с нулевой суммой").

Дж. Най и Ван Цзисы, в свою очередь, пытаются опровергнуть ставшее довольно распространенным в последнее время мнение о "конкуренции" между американской и китайской моделями "мягкой силы". По их мнению, параллельное развитие этих моделей далеко от игр с нулевой суммой по следующим причинам.

- Распространение компонентов "мягкой силы" Китая не направлено против американских интересов. Кроме того "цветные революции", первоначально воспринятые в КНР крайне настороженно, как некий аналог приписываемой Западу стратегии "мирной эволюции" (*хэтин яньбянь*) в отношении самого Китая, никоим образом не затронули интересы Пекина в этих странах.

- Не находит эмпирического подтверждения версия о том, что Китай стремится заменить западную модель развития своей собственной (т.н. "Пекинским консенсусом"). Напротив, использование ресурсов

“мягкой силы” китайской дипломатии может помочь реализации интересов США в таких странах, как КНДР, Мьянма, Судан.

- Некоторая настороженность Пекина в отношении манифестации “мягкой силы” США носит рефлективный (оборонительный) характер, что проявляется, прежде всего, в сфере внутренней политики. И наоборот, происходит активное заимствование многих составляющих американской “мягкой силы” по каналам развития академических и научных связей (С. 31—33).

Среди проблемных зон двусторонних отношений, которым посвящена вторая часть монографии, выделяется, прежде всего, проблема Тайваня. Авторы соответствующей главы Э. Фогель и директор Института Тайваня АОН КНР Сюй Шицюань подробно прослеживают процесс эволюции как китайской, так и американской политики в отношении острова, выделяя такие их ключевые этапы, как Шанхайское комюнике 1972 г., установление дипломатических отношений между США и КНР и принятие Конгрессом США Закона об отношениях с Тайванем (Taiwan Relation Act) в 1979 г., обнародование “шести пунктов” Дэн Сяопина, “восьми пунктов” Цзян Цзиньмя (1995 г.) и “четырёх пунктов” Ху Цзиньтао (2005 г.) по проблеме возвращения Тайваня в лоно родины.

Авторы отмечают, что после событий 11 сентября 2001 г. произошло сближение позиций США и Китая в вопросе о поддержании статус-кво в зоне Тайваньского пролива на основе признания всеми сторонами принципа “одного Китая”, развития связей между материком и Тайванем при отложенном статусе окончательного решения проблемы. По их мнению, конфликт может произойти при следующих условиях.

- Усилия КНР разрешить проблему мирными средствами потерпят неудачу в связи с шагами Тайваня, направленными на объявление независимости. Это автоматически приведет в действие статью 8 Закона о противодействии расколу страны, что неминуемо будет означать вовлечение Вашингтона в широкомасштабный конфликт с КНР.

- При наличии возможности мирного разрешения спора Китай применит силу для обеспечения объединения страны силовым путем.

- США поддержат независимость Тайваня военными средствами, а Китай в ответ вынужден будет защищать “то, что он рассматривает как собственный суверенитет и территориальную целостность” (С. 117)¹.

Региональным измерениям современных американо-китайских отношений посвящена глава, написанная директором Программы управления конфликтами и переговоров Университета Торонто А. Александров и директором Института проблем АТР АОН КНР Чжан Юньлином. Авторы отмечают, что среди основных форм действующих в АТР многосторонних механизмов — организации, соглашения, функциональные механизмы и форумы — Китай и США участвуют совместно лишь в двух последних.

Для российского читателя, вероятно, наибольший интерес могли бы представлять перспективы активизации американо-китайского сотрудничества в рамках ШОС, чему в последнее время посвящено довольно много публикаций и выступлений китайских ученых. Следует при этом отметить, что практически все участвующие в американо-китайском дискурсе ученые из КНР допускают возможность вовлечения Вашингтона в упомянутую структуру. Вопросом, пока не находящим однозначного ответа, является лишь степень и масштабы подобного вовлечения. Авторы упомянутой главы находят функциональные основы таких перспектив в совпадении долгосрочных интересов обеих стран в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом, в планах долгосрочного присутствия США в Центральной Азии, а также в институциональных особенностях самой ШОС, все в большей степени претендующей на статус координационного политического института (institutional means to policy coordination), но не военно-политического союза. Формами американского участия, по мнению авторов, могли бы стать как совместные форумы, так и приглашение Вашингтона в ШОС в качестве наблюдателя (С. 194). В монографии старательно подчеркивается, что именно Китай стоял у истоков как “Шанхайской пятерки”, так и самой Организации, а в настоящее время размещает в своей столице ее Секретариат. При этом замалчивается лидирующая роль России в обеспечении таких важнейших

составляющих нормального функционирования ШОС, как общее пространство безопасности (во всех его измерениях, в т.ч. в пресечении наркотрафика из Центральной Азии и Китая) и общее энергетическое пространство. Впрочем, другой соавтор книги Ян Цземьянь, напротив, значительно расширяет функциональный список т.н. “великих держав” (great powers), включая в него не только “традиционные”, но также “растущие” (emerging) державы и державы, богатые ресурсами (С. 142).

Не столь очевидны, по мнению совместного американско-китайского авторского коллектива, перспективы стратегического двустороннего сотрудничества в таких сферах, как военные связи и контакты, противодействие распространению оружия массового уничтожения, разработка совместной стратегии выхода из глобального экономического и финансового кризиса, взаимодействие в борьбе с глобальным

потеплением. Так, например, Г. Аллисон считает отказ Пхеньяна от сотрудничества с международным сообществом по нераспространенческой тематике серьезным провалом не только самих шестисторонних переговоров, но и внешней политики КНР в целом, во-первых, как принимающей стороны и гаранта данного многостороннего механизма, а во-вторых, в связи с редукцией стратегических целей Пекина, сводимых лишь к обеспечению благоприятных международных условий для внутреннего экономического роста и недопущению смены режима в КНДР (С. 158—161)².

В заключение хочется отметить, что книга интересна еще и тем, что она дает представление об определенных новых тенденциях в развитии как американской, так и китайской науки о международных отношениях, на что, к сожалению, отечественные синологи пока еще обращают слишком мало внимания.

© 2010

*О. Тимофеев,
кандидат исторических наук*

-
1. Выступая на презентации упомянутого издания, состоявшейся 28 апреля 2009 г. в вашингтонском Центре им. В. Вильсона, Дж. Най подчеркнул, что потенциально к конфликту между двумя странами — по его мнению, маловероятному — могут, помимо тайваньской проблемы, привести непродуманные действия США в вопросе о Тибете.
 2. Следует отметить, что некоторые китайские специалисты начинают признавать политическое устранение Ким Чен Ира в качестве возможного сценария нормализации. Так, например, выступая 31 марта 2009 г. на американско-китайской конференции в Джорджтаунском университете, директор Института международных отношений Фуданьского университета (Шанхай) высказал уверенность в том, что Северная Корея не откажется от обладания ядерным оружием без смены режима.

**Эго цзунцзяо ши [История религий России]/. Гл. ред. Юэ Фэн.
Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 2008. В 2 т.**

В серии "Библиотека Академии общественных наук Китая: исследования философии и религии" опубликована новаторская работа китайских ученых, представивших целостную всестороннюю историю религий России. Объем книги составляет 1,2 млн иероглифов и приближается к 1200 страницам. В девяти разделах представлены сведения о прошлом и настоящем различных религий России, а также об их изучении российскими исследователями. Работу открывает раздел о древнерусском языческом политеизме, после него следует раздел о православии — это самая крупномасштабная и подробная тематическая часть книги, которая состоит из двадцати глав (Т.1. С.67 — Т.2. С.677). Далее рассматриваются католицизм, протестантизм, иудаизм, ислам, буддизм, шаманство и новые религии.

Главный редактор и один из авторов книги Юэ Фэн является авторитетным специалистом по русскому православию, отечественным китаеведам знакомы его публикации по истории православия в Китае. В 1990-е гг. он подготовил фундаментальную работу "История православия"¹, в 2005 г. вышло ее исправленное издание. Для подготовки "Истории религий России" профессор Юэ Фэн сумел собрать сильный творческий коллектив ведущих китайских русистов-религиоведов разных поколений (Чжэн Тяньсин, Дай Гуйцзюй, Чжан Байчунь, Сюй Фэнлинь, Чжан Япин, Хуан Линъюй, Ши Хэнтань, Лю Тао, Чжао Хунъюй, Ли Сяотао). Знание русского языка позволило им использовать широкий круг первоисточников, а также исследований советских и российских авторов.

За несколько лет китайскому авторскому коллективу к середине 2000-х гг. удалось создать труд энциклопедического масштаба. "История религий России" вносит значительный вклад не только в развитие религиоведения КНР, но и в продвижение диалога культур России и Китая. В предисловии к работе отмечается: "Чтобы

укрепить дружественные контакты и культурные обмены с российским государством и народом, нам обязательно нужно понять их различные религии. Иначе будет трудно добиться углубленного понимания русской истории, философии, литературы, искусства, этики и прочей духовной культуры, трудно будет понять роль религии в России, отношения государства и религии, важность и сложность отношений между российскими религиями и национальностями" (Краткое изложение содержания [Нэйжун цзяньцзе]. Т. 1. Б.с.).

Всеобъемлющее справочное издание призвано продемонстрировать китайскому читателю многоконфессиональный характер многонационального российского общества. Авторы хотели показать, что "религиозная карта России цветная и пестрая, это не чисто одноцветное православие" (Т.2. С. 783). Представляется символичным, что китайское исследование вышло в свет почти одновременно с энциклопедическим изданием о религиях Китая, созданным российскими учеными². Второй том энциклопедии "Духовная культура Китая" открывают обобщающие статьи о китайской мифологии и ее изучении в Китае и за рубежом, народных верованиях и государственных культах, мировоззренческих категориях, мантике и астрологии. Далее приводится сводный очерк исторического развития религиозной ситуации, после чего рассматриваются конфуцианский культ, даосизм, буддизм, синкретические секты, иностранные религии (христианство, включая русское православие, ислам, иудаизм, зороастризм, манихейство) в Китае. Даже при беглом сравнении оглавлений двух изданий можно увидеть общее стремление ученых России и Китая к комплексному всестороннему постижению духовной культуры другой страны.

Знакомство с "Историей религий России" будет полезным для тех, кто изучает развитие идейно-теоретических дискуссий и общественных наук в КНР, интересуется

современной китайской русистикой. Оценки религиозной ситуации в современной России привязаны к трудным проблемам нынешнего Китая. Авторы анализируют проблемы в контексте перехода России “от социализма к капитализму”, “коренных изменений в государственной идеологии”, “замещения атеистического образования религиозным” и возникновения “кризиса убеждений”. Они подчеркивают, что писали книгу для того, чтобы “избежать появления всего этого в Китае”, снабдить партийные и государственные структуры научно обоснованными данными о положении в России. В особенности это касается ситуации после распада СССР, когда государство отказалось от атеистической пропаганды, “многие люди обратили взоры к религии”, а проникшие извне нетрадиционные религии “поставили под угрозу интересы государства и народа”. Отмечается, что крайне важно понять “социально-исторические источники и реальные причины” возникновения этих проблем. (Краткое изложение содержания [Нэйжун цзяньцзе]. Т. 1. Б.с.).

Первый том предваряют отзывы о книге двух известных китайских ученых. Выдающийся исследователь китайской философии и буддизма, бывший директор Национальной библиотеки Жэнь Цзиюй (1916—2009) особо подчеркнул приверженность авторов работы марксистскому взгляду на религию и принципам исторического материализма, что, по его мнению, в особенности проявилось при обсуждении отношений государства и церкви в русском православии. Он отметил, что описание религиозного возрождения после распада СССР “не может не послужить предупреждением для некоторых социалистических государств”.

Бывший профессор философского факультета Пекинского университета и научный сотрудник Института философии АОН Китая, ныне профессор философии и религии Центрального университета национальностей Ван Юйтянь признал, что в современном мире проблемы религий и национальностей занимают в международных отношениях все более заметное место. По его мнению, материалы религиозно-исследовательских исследований будут полезны для “соответствующих китайских ведомств при

решении международных проблем, в особенности в отношении России и ее Чечни”. Ученый похвалил авторов книги за то, что они преодолели прежнее одностороннее внимание к западному католическому церковному суду и впервые осветили историю суда Русской православной церкви. Они также впервые всесторонне и объективно оценили историческую роль православных монастырей, “на основании самых новых и очень ценных материалов провели целостное систематическое исследование единства церкви и государства в России”.

В своем предисловии главный редактор книги Юэ Фэн отметил, что после распада СССР правительство России выпустило новые законы о свободе совести и деятельности религиозных организаций, благодаря которым те были избавлены от государственного вмешательства, и верующие получили возможность свободно исповедовать свою религию. Он призвал обратить внимание на современный российский опыт законодательного регулирования свободы вероисповедания: “Правительство России за короткие несколько лет выпустило много законов о религии, об этом нам нужно поразмыслить, поскольку в Китае до сих пор нет общегосударственного закона о религии” (Цянь янь. Т.1. С. 2). После предисловия указана дата — май 2004 г. Отметим, что через несколько месяцев распоряжением номер 426 Госсовет КНР обнародовал “Положения о религиозных делах” (*Цзунцзяо шу тьяо*), регулирующие деятельность религиозных организаций и проясняющие статус мест отправления культа и положения священнослужителей.

Знакомство с книгой позволяет увидеть сложные процессы смены парадигмы в китайском религиоведении. Высокий научный уровень исследования показывает, что ученым удается находить баланс между следованием нормативным идеологическим ориентирам и интеллектуальной открытостью для новых взглядов и концепций. Общетеоретическое введение к “Истории” излагает основы марксистского взгляда на религию как часть надстройки, которая определяется экономическим базисом. Среди источников религиозного сознания названо стремление угнетаемых в классовом обществе к обретению счастья после смерти, при этом религия охарактеризована

на как "идейный инструмент угнетения и порабощения", "препятствие на пути развития науки" (Т.1. С. 7). Вместе с тем, религиям присуща и позитивная роль — они становятся знаменем крестьянских восстаний, выступают с призывами к миру и отстаивают моральные нормы в поведении людей. Концепция "отмирания религий" изложена в контексте нынешних китайских реалий и официальных решений. "Отмирание" является длительным естественным процессом, в условиях начальной стадии социализма в Китае это невозможно, условия для этого появятся только в коммунистическом обществе — поэтому на современном этапе нужно рассматривать верующих как активную силу в процессе строительства "гармоничного общества".

Специфической особенностью "Истории религий России" стал акцент на рассмотрении проблемы государственно-церковных отношений с древности до наших дней. Авторы полагают, что "левая" политика советской власти в отношении религии и церкви в 1930-е гг. была обусловлена "сталинской теорией классовой борьбы". "Под руководством этой идеологии советское правительство и органы пропаганды постепенно отошли от марксистского взгляда на научный атеизм, не учитывая время, место и условия, не принимая во внимание конкретную специфику СССР они произвольно объявили войну религии" (Т.1. С. 43). Авторы указывают на противоречия в религиозной политике советских руководителей — они все время говорили о свободе вероисповедания и отделении церкви от государства, но государство давило на церковь и подвергало репрессиям религию. По мнению китайских ученых, в СССР не было настоящей заботы о верующих, их подвергали наряду со всеми атеистическому воспитанию, не стремились сделать их равноправными с атеистами строителями социализма (Т.1. С. 214). Эти формулировки в оценке советского прошлого соотносятся с современной китайской политической лексикой, что косвенно позволяет продемонстрировать преимущества нынешней политики КПК. Нечто подобное можно увидеть и в упоминании об "урегулировании" религиозной политики в СССР во время Великой Отечественной войны для создания "общенационального едино-

го фронта" в борьбе против немецко-фашистских агрессоров.

Религиозная политика советского государства во времена правления Н.С. Хрущева удостоилась в книге наибольшей критики. Ее трактуют как отрицание послевоенной политики И.В. Сталина в отношении религии, возвращение властей к "левому" курсу привело к активизации атеистической пропаганды, задевало чувства верующих и мешало повседневной деятельности церкви (Т.1. С. 152). Л.И. Брежнев "унаследовал линию Хрущева, но в политике сделал некоторые урегулирования и смягчения" (Т.1. С. 166). Авторы обращают особое внимание на изменения в законодательстве и политику властей, отказ от государственного атеизма в России и возрождение религиозной жизни ("религиозную горячку") они связывают, прежде всего, с "идеями и политикой Ельцина". Меньше говорится об импульсе к переменам "снизу", о естественном желании простых людей вернуться к религиозным традициям.

Авторы полагают, что в результате политики М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина в российском обществе "на время появилась "религиозная горячка", многие россияне возлагали надежды на возрождение православия. Они полагают, что если восстановить традиционную религию, то во всем появится надежда, считали православную церковь всемогущей, способной решить все проблемы, думали, что церковь чиста и не замарана темной стороной общества" (Т.1. С. 201). Эти суждения заслуживают самого пристального внимания, поскольку здесь можно увидеть пример проекции на российские реалии исконного китайского прагматизма в трактовке социальной роли религии.

Нуждается в более детальном обосновании тезис об уменьшении "православной горячки" и "относительном" сокращении числа посещающих храмы в современной России (Т.1. С. 213). Авторы объясняют этот феномен тем, что из-за ухудшения экономического положения россияне обращаются к религии, но, не получив осязаемого результата, перестают ходить в храм. "Таких людей немало, в особенности их сравнительно много среди интеллигенции" (там же). Заметим, что первый всплеск интереса

к религии наблюдался во второй половине 1980-х, когда в СССР еще не было острого экономического кризиса, так что меркантильная мотивация религиозного возрождения тогда вряд ли могла быть преобладающей. Оценки изменений числа верующих было бы целесообразно подтвердить конкретными данными. К примеру, обнародованные в 2006 г. результаты социологического исследования российского Института общественного проектирования показали, что если в 1991 г. православными себя называла примерно треть населения России, то в 2006 г. их было уже две трети. Российские исследователи пришли к выводу, что с конца 1980-х число регулярно совершающих исповедь и причастие выросло в четыре раза, при этом количество воцерковленных православных (в 2005 г. 8,5% от общего числа православных) увеличивается пропорционально росту числа действующих храмов.

Авторы книги уделяют пристальное внимание отношениям государства и церкви, этой проблеме посвящена отдельная глава (Т.1. С. 434–484). Отдельный подраздел посвящен “подходу к православию главы российского государства Путина” (Т.1. С. 205–212). В ней собраны высказывания бывшего президента России о религии, приводятся факты посещения им православных храмов, рассматриваются принятые во времена его правления законодательные акты в области религии. Рассмотрение религиозной ситуации в России через политику государства и его лидера отвечает задачам, поставленным авторами книги. Нельзя не признать, что решения руководителя страны способны оказывать важное воздействие на религиозную ситуацию в России. Это относится и к озвученному в июле 2009 г. решению президента Д.А. Медведева поддержать планы преподавания в школах России основ религиозной культуры и светской этики, а также организации работы на постоянной основе в вооруженных силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии.

Вместе с тем эпохальной для китайской науки книге недостает анализа взаимодействия церкви и общества. Несомненно, “История религий России” найдет своего читателя и через некоторое время вста-

нет вопрос о ее переиздании. Одним из дополнений могла бы стать глава, посвященная социологическому портрету Русской православной церкви, дающая более глубокое представление о ее внутреннем положении. Авторы отмечают опасность нарастания в церкви великорусских тенденций, движения к превращению православия в государственную религию, стремления русских монархистов восстановить былой альянс царизма и православия. Однако при рассмотрении этих проблем нужно принимать во внимание позицию самой церкви — а ее представители подчеркивают, что церковь не намерена участвовать в политике, хотя стремится к расширению влияния в обществе. В частности, в новом издании “Истории религий России” стоило бы обратить более пристальное внимание на принятую в начале 2000-х гг. социальную доктрину Русской православной церкви, а также на ее доктрину о достоинстве, свободе и правах человека.

В книге подробно рассмотрены основы православного вероучения, священные тексты, догматы, таинства и праздники, структурная организация церкви. Отдельные главы посвящены Зарубежной православной церкви и старообрядцам, подробно рассмотрена история попыток реформирования православия от патриарха Никона и Петра Первого до современных обновленческих движений. Высокой научной оценки заслуживают обстоятельные главы о православных монастырях и православной иконописи, которые подготовил доцент религиоведения философского факультета Пекинского университета Сюй Фэнлин (специалист по русской религиозной философии, автор монографий о русских мыслителях В.С. Соловьеве и Н.Ф. Федорове).

Глава о православном богословии хорошо структурирована по проблемному принципу, авторам удалось в сжатой форме изложить основные темы. В перспективе этот раздел может быть расширен ради более глубокого ознакомления читателя с историей православного богословия, его школами и основными представителями. Глава “Русское православие и культура” в обобщенном виде вобрала в себя огромные пласты литературного материала — от “Слова о полку Игореве” до Гоголя и Лескова, Блока и Булгакова, Пастернака и

Окуджавы. В ней представлены оценки русской апокалиптической литературы, а также особенностей православного зодчества.

В главе "Русское православие в Китае" подробно рассматривается история Русской Духовной Миссии в Китае, раскрывается вклад миссионеров в перевод китайской литературы, составление словарей, становление российского китаеведения. В качестве отдельной темы была выделена посредническая функция Русской духовной миссии в дипломатических и торгово-экономических отношениях двух стран. При написании этой главы широко использованы материалы современных российских публикаций, в целом тема изложена взвешенно и объективно. И все же в тексте появилось дежурное напоминание о том, что "правительство царской России послало миссию не для проповеди религии, а для того, чтобы под вывеской религиозной проповеди вести с разных сторон агрессию в Китае" (Т.2. С. 609). А ведь тема православия в Китае обращена не только в прошлое, но и в будущее. Напоминанием об этом служит участие премьер-министра В.В. Путина в октябре 2009 г. в освящении Успенского храма, восстановленного на территории российского посольства в Пекине, принадлежавшей прежде православной духовной миссии.

В главе об особенностях русского православия выделены "слияние с язычеством", культы святых, святых мощей и икон, а также "отсутствие терпимости" по отношению к другим религиям — старообрядчеству, мусульманству, католицизму, протестантизму и иудаизму. Однако при обсуждении этой проблемы очень важно не смешивать прошлое с настоящим, а позицию церкви — с политикой государства. В книге отмечается, что в 1967 г. после арабско-израильской войны "СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, в СССР развернулось движение антисемитизма, религиозные верования иудеев подверглись ограничениям, некоторые синагоги были закрыты" (Т.1. С. 425). Остается непонятным, причем тут "религиозная нетерпимость" со стороны православия.

О пренебрежении православия к протестантизму призвана свидетельствовать история из более близкой к нам эпохи — в 1990-е Б.Н. Ельцин пригласил в Кремль па-

триарха Алексия Второго, а некий безымянный лютеранский пастор обиделся и сказал, что "православие — это другой лагерь" (там же). Эти слова якобы отразили "психологическую подавленность" протестантов в России, недовольных тем, что православие занимает главенствующие позиции. Данная проблема нуждается в более глубоком раскрытии, в том числе и на доктринально-вероучительном уровне, ведь далеко не все споры между православными и протестантами можно объяснить через призму приближенности первых к государственной власти.

Большую справочную ценность имеют разделы о других религиях России. К примеру, в разделе о католицизме, помимо его истории, рассматриваются истоки появления униатской церкви и ее современное положение. Большой культурологический и религиоведческий интерес представляет подраздел о русских католиках XIX в. и их западных исканиях (особого внимания удостоены взгляды П.Я. Чаадаева и И.С. Гагарина). Приводится много содержательной информации о современном положении католицизма в России, его структуре и организации, автор отмечает обеспокоенность православной церкви католическим прозелитизмом среди православных верующих.

В разделе о протестантизме в России подробно рассматривается история его проникновения и развития, отдельные подразделы посвящены лютеранам, баптистам, пятидесятникам и адвентистам. Автор указал на споры между православными и протестантами в России, заявив, что "еще одним полем сражения между ними стали проблемы демократической политики и свободной экономики". Дескать, многие православные полагают, что "демократическая политика не для России" и это "сатанинская сила", а "один православный священник открыто сказал", что христианство и демократия несовместимы. (Т.2. С. 789). Автор признает, что не у всех православных богословов такие взгляды, но православные реформаторские силы слабы, а внутри церкви требования либерально-демократических реформ наталкиваются на сопротивление консерваторов — поэтому в целом протестанты "пессимистично" оценивают перспективы победы в православ-

ной церкви реформаторских сил. Более того, среди возможных угроз для будущего развития протестантизма в России упомянуты мечты неких “российских правых” не только о единстве православных всего мира, но даже о союзе православия и ислама ради совместной борьбы против католицизма и протестантизма (Т. 2. С. 794)

Цитирование подобных суждений нуждается в конкретном пояснении, кому именно они принадлежат и каким влиянием в церкви и обществе пользуется их автор. В противном случае незнакомый с российскими реалиями читатель может принять мнение маргиналов за позицию основного течения. Размывание грани между церковной критикой либерализма и отрицанием политической демократии чрезмерно упрощает картину. Заметим, что в самом Китае на уровне официального дискурса неприятие “неолиберализма” и тезиса о “всеобщих ценностях” западной цивилизации прекрасно уживается с заявлениями о приверженности демократии. Патриарх Кирилл активно осуждает западную либеральную философию за то, что она стирает грань между добром и злом, между правдой и ложью, грехом и святостью, поощряет каждого человека создавать собственную систему ценностей — однако это вовсе не означает, что церковь хочет навязать России ту или иную систему политического либо экономического устройства. Попытки светских ученых, стоящих вне христианского духовного пространства, оценивать позиции разных конфессий в понятиях “прогресса” и “отсталости” зачастую обнажают их собственные предпочтения в споре между “западничеством” и “почвенничеством”, либерализмом и консерватизмом — ведь обе эти дилеммы по-прежнему актуальны как для России, так и для Китая.

От внимания читателя не может ускользнуть и раздел об исламе в России, где приводятся сведения о его истории в царский и советский периоды, современном положении. В книге большое внимание уделяется развитию ислама в национальных республиках в составе Российской Федерации, руководящим структурам организаций российских мусульман. Рассматриваются проблемы “политизации ислам-

ского возрождения”, прежде всего в контексте образования в России в первой половине 1990-х политических партий с исламской окраской. Подраздел “От чеченской “революции” к чеченской войне” насыщен фактическим материалом, относящимся к военным и политическим событиям, в основном эти сведения заимствованы из сообщений СМИ. В перспективе этот раздел может быть дополнен углубленным анализом истории проникновения извне радикальных и экстремистских идей в российскую мусульманскую общину, влияния этого процесса на развитие сепаратистских настроений.

Необходимо обратить внимание и на раздел о буддизме в России, в котором рассмотрена история распространения этой религии в Бурятии, Калмыкии и Туве, рассматривается опыт обновления буддизма в XX в., его положение при советской власти. Значительное внимание уделено истории создания буддистского храма в Санкт-Петербурге, построенного в начале XX в. Отдельная глава посвящена двум деятелям российского буддизма прошлого столетия — это основатель санкт-петербургского храма Агван Доржиев и Б.Д. Дандарон, осужденный в 1972 г. за создание “буддистской секты”. Подробно рассматривается феномен возрождения буддизма в современной России, глава об исследованиях буддизма российскими учеными отличается информативностью и глубиной разработки темы.

Книгу удачно дополняют цветные иллюстрации, размещенные на вклейках в начале каждого тома. Читателю бросается в глаза открывающая первый том репродукция известной картины В.М. Васнецова “Иван-царевич на сером волке” (1889) — она служит иллюстрацией к разделу “политеизм”, на подписи под ней указано: “Поклонение животным — большой серый волк из русских мифологических историй”. В будущих изданиях стоило бы уточнить подписи к иллюстрациям во втором томе. “Русский сельский протестантский храм” по архитектуре удивительно похож на буддистское святилище (Т.2. С. 1, иллюстрация), а изображенное на фотографии с подписью “Новая мечеть в Парке Победы в Москве” здание явно не новое и находится не в Парке Победы (Т.2. С.2, иллюстрация).

Необходимо уточнить и степень отношения к бурятскому буддизму начала XX в. иллюстрации, на которой изображены две фигуры в древнерусских костюмах (Т.2, С.4, иллюстрации.).

У "Истории религий России" есть перспектива развития в универсальное справочно-энциклопедическое издание, которое было бы востребовано не только китайскими, но и зарубежными читателями. Научная ценность книги заметно вырастет, если к ней будет добавлен именной указатель (священнослужители, ученые, названия культовых сооружений и произ-

ведений) с приведением их русского написания. Достоинством книги стало внимание к исследованиям российских авторов по каждой из рассматриваемых конфессий. Желательно также дополнить работу подробным историографическим разделом, посвященным изучению религий в России китайскими учеными с начала XX в. Это позволило бы создать обобщенное представление о развитии российской ветви китайского религиоведения, проследить эволюцию научных интересов и методов исследования проблемы китайскими учеными.

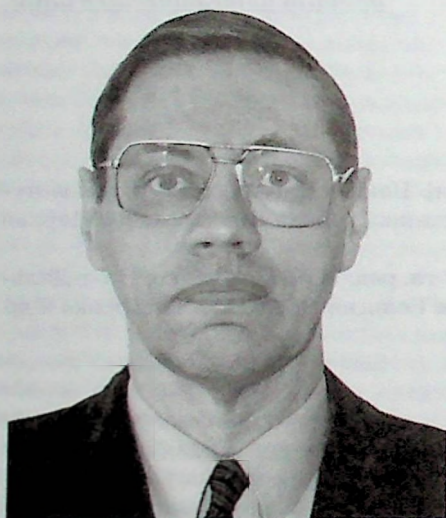
© 2010

*А. Ломанов,
доктор исторических наук.*

-
1. Юэ Фэн. Дунчжэнцзяо ши [История православия]. Пекин: Чжунго шэжуй кэсюэ чубаньшэ. 1999. 366 с. Рец на кн.: Китайский благовестник. Журнал Православной Церкви в Китае. М., 1999. 1 2. С. 86-93.
 2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. [Т.2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. 2007. 869 с.

Юбилей ученого

Андрею Владимировичу Островскому — 60 лет

Андрей Владимирович Островский родился 19 декабря 1949 г. в г. Москве. В 1967 г. после окончания средней школы поступил в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ им. М.В. Ломоносова (ныне — Институт стран Азии и Африки МГУ), где стал изучать китайский язык и историю Китая. В 1972 г. по окончании института поступил в аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР. После аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию на тему "Рабочий класс: его место и роль в социально-экономической структуре современного Китая". С 1975 г. работал в ИДВ АН СССР (позднее ИДВ РАН), где прошел путь от младшего научного сотрудника до руководителя Центра экономических и социальных исследований

Китая и Восточной Азии и заместителя директора Института.

Годичная научная стажировка в Народном университете Китая (1984—1985 гг.) позволила ему увидеть и почувствовать первые результаты проводимой в КНР экономической реформы, собрать большое количество различных статистических материалов по более чем сорока китайским промышленным предприятиям, которые стали солидной основой для докторской диссертации. Последующая полугодовая научная стажировка в Международном институте стратегических исследований Стэнфордского университета (г. Пало-Альто, США) дала возможность подготовить и защитить в 1990 г. докторскую диссертацию, озаглавленную "Рабочий класс: его место и роль в системе общественного производства КНР". В последующем А.В. Островский приобрел опыт научно-преподавательской деятельности, работая с 1995 по 1999 гг. в Институте России Тамканского университета в Тайбэе (Тайвань), где читал лекции по проблемам российской экономики.

А.В. Островский — автор более 240 научных работ, в том числе переведенных на английский и китайский языки, включая пять индивидуальных монографий и две монографии, написанные в соавторстве. Под его руководством было

подготовлено несколько сборников по вопросам социально-экономического развития Китая и США, проведения экономической реформы в КНР, а также перевод коллективной монографии китайских ученых Линь Ифу, Цай Фана и Ли Чжоу "Китайское чудо" о китайской модели экономической реформы.

А.В. Островский является известным экономистом-международником, крупным специалистом по проблемам социально-экономического развития стран Восточной Азии, главным образом — КНР, а также по вопросам, связанным с проведением экономических реформ в России, развитием международного торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В его работах всесторонне анализируется опыт экономической реформы в Китае, ее влияние на развитие социально-экономической и социально-классовой структуры китайского общества. В них содержится комплексный анализ экономической модели перехода в КНР от плановой экономики к рыночной, показаны дальнейшие перспективы развития китайской экономической реформы, обобщается опыт Китая по выходу из мирового финансового кризиса. На основе сопоставления методов российских и китайских реформ А.В. Островским была обоснована концепция использования отдельных аспектов китайского опыта в России и в развитии торгово-экономических связей РФ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

А.В. Островский активно участвует в подготовке научных кадров высшей квалификации. Под его руководством было защищено пять кандидатских и одна докторская диссертация. В 2009 г. ему было присвоено ученое звание профессора. В настоящее время А.В. Островский является заместителем директора Института Дальнего Востока РАН, руководителем Центра экономических и социальных исследований Китая и Восточной Азии ИДВ РАН, заместителем председателя Ученого совета Института, заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, членом редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока".

А.В. Островский постоянно принимает участие в научных конференциях и практических мероприятиях, регулярно выступает в средствах массовой информации по проблемам развития российско-китайских отношений и опыта китайской экономической реформы. Он активно участвует в международной научной деятельности, с 1982 г. является членом Ассоциации китаеведов Российской академии наук (АКИТ РАН) и с 1994 г. — Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК).

За свои научные достижения А.В. Островский был награжден Почетной грамотой Федерального Собрания РФ, неоднократно награждался Почетными грамотами Института Дальнего Востока РАН.

Дирекция ИДВ РАН, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляют Андрея Владимировича с юбилеем и искренне желают ему доброго здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

Contents

From the Editor-in -Chief

POLITICS

M. Titarenko. The Role and Importance of Relations between Russia and China in Current International Environment

A. Voronin and E. Kobelev. The Rich History of Friendship and Partnership. 60 Years of Diplomatic Relations between the USSR/Russia and Vietnam

P. Kamennov. Military Diplomacy in China Today

ECONOMY

B. Heifez and D. Selikhov. China: Innovative Development During the World Economic Crisis

S. Sazonov. Reform of China's Transportation System and the World Financial Crisis

I. Pankina. The North Korean "Army's Priority Policy" in the Economic Sphere

THEORY AND METHODOLOGY

L. Badalian and V. Krivorotov. The Eastern and Western Ways of Survival. The Ongoing Merger of Two Approaches in the Limit of Resources

HISTORY

V. Peskov. The 60th Anniversary of the Treaty Between the USSR and the PRC on Friendship, Alliance and Mutual Assistance Signed on February 14, 1950

A. Kartunova. The Political Personality of Sun Yatsen as Seen in the Correspondence of I. Stalin and G. Chicherin with L. Karakhan (1923 – March 1925)

CULTURE

M. Zakharova. Temple Fairs in Contemporary China

SCIENTIFIC EVENTS

S. Gorbunova. XVIII International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, Modernity, Prospect"

Zhang Deguang. Historical Experience Needs Attention

V. Graivoronsky, S. Luzianin. Khalkyn Gol War and its Position in World History

V. Portyakov. Conference in New Zealand on Overseas Chinese

BOOK REVIEW

V. Burov. History of Mongolia. XX Century

O. Timofeev. Power and Restrain: A Shared Vision for the US—China Relations.

A. Lomanov. History of Religion in Russia

SCHOLAR JUBILEE

Andrei Vladimirovich Ostrovskiy – 60 years

Contents

Summary

Summary

M. Titarenko. The Role and Importance of Relations between Russia and China in Current International Environment

The article analyzes the main areas of development of the strategic partnership between Russia and China at the present stage. The author examines the characteristics of their interaction in overcoming the consequences of the global financial and economic crisis, and explores the state of bilateral commercial, economic, cultural, and humanitarian relations. Problems of, and prospects for, cooperation between the two countries in the international arena are also analyzed. The article identifies a number of problems and bottlenecks that affect the effectiveness of relations developing between Russia and China, suggests ways to overcome them, and makes a major conclusion that full-scale promotion of bilateral strategic partnership serves both countries' fundamental national interests.

Key words: Russia; China; strategic partnership; economic problems; international cooperation.

A. Voronin and E. Kobelev. The Rich History of Friendship and Partnership. 60 Years of Diplomatic Relations between the USSR/Russia and Vietnam

The article offers an overview of USSR-Vietnam and Russia-Vietnam relations against the historical background of events in the APR and Southeast Asia since 1950, when diplomatic relations were established between the USSR and the Democratic Republic of Vietnam, to this day. It shows the significance of Soviet aid extended to the people of Vietnam at all stages of the two Wars of Resistance and during the time of the country's peaceful development. The current stage of Russia-Vietnam relations is characterized by comprehensive mutually beneficial cooperation, which is developing successfully on the principles of strategic partnership with due account for the two countries' national interests, for the cause of peace, stability and security in the region.

Key words: The Soviet Union; Vietnam; China; American aggression; Soviet aid and support; the Russian Federation; strategic partnership.

P. Kamennov. Military Diplomacy in China Today

The article examines China's military diplomacy and its role in present-day military policy in the context of wide-scale security measures serving to create a favorable international environment for implementing the national development strategy.

Key words: Military diplomacy; strategic consultations; joint military exercises; cooperation within the SCO framework; counterterrorism exercises.

B. Heifez and D. Selikhov. China: Innovative Development During the World Economic Crisis

The authors look at different aspects of China's innovative development that accelerated significantly in recent years. As the country is making a transition from a purely export model to a model centered on domestic demand, its economy is restructured, imported technologies are replaced with domestic innovations, and its companies are expanding their investments in the rest of the world in an effort to obtain new manufacturing and management technologies. All these developments

are largely at the root of China's successful anti-crisis strategy, and the world crisis will become a further stimulant contributing to the fulfillment of the objective set in 2006 — to transform China into an innovative country by 2020.

Key words: China; anti-crisis strategy; innovative development; modernization of science and engineering; replacement of imported technologies; intellectual capital; investment expansion across the world.

S. Sazonov. Reform of China's Transportation System and the World Financial Crisis

For quite a long time, China has not paid enough attention to balanced transportation development, and it has turned into a bottleneck of the national economy. From the early 1980s, however, new approaches to this industry's improvement have been adopted: special stress was made on improving the quality of the transportation network and high-speed passenger railroads and highways have been built; new technologies have been introduced to increase transportation and freight capacity, save fuel, and upgrade transportation logistics. Paradoxical as it might seem, the world financial crisis, though, turned the industry into an "anti-crisis tool" stimulating development of the national economy.

Key words: China; transportation; high-speed main lines; rolling stock; freight capacity; world financial crisis; "New Silk Road."

I. Pankina. The North Korean "Army's Priority Policy" in the Economic Sphere

The article deals with the economic aspects of North Korea's songun ("army first") policy, examines reasons for its appearance, and explains both the ideological core of songun and the role of the North Korean army in revitalizing the country's economy.

Key words: The DPRK; North Korea; songun; army; economy.

L. Badalian and V. Krivorotov. The Eastern and Western Ways of Survival The Ongoing Merger of Two Approaches in the Limit of Resources.

Growing shortages of resources, global warming, and pollution are a sign of how far Western-type development may go. Switching back to small-scale production may lead to a merger of the western and eastern types of development. It may lead to settlement of sparsely populated lands unsuitable for horticulture, and to considerable gains in productivity by increasing precision as compensation for reduced expenditure of power. This may put renewed stress on the importance of social stability that is currently taking major blows from the mounting imbalances of globalization.

Key words: Oil; energy; demographic density; globalization; East-West; environment.

V. Peskov. The 60th Anniversary of the Treaty Between the USSR and the PRC on Friendship, Alliance and Mutual Assistance Signed on February 14, 1950

The article reviews the history of conclusion of the above-mentioned Treaty and points out its significance for the strengthening friendly ties between the Soviet Union and China. It contains evaluation and description of character of the Soviet-Chinese relations in various periods covered by the Treaty. An attempt had been

made to analyse the process of their normalization on a new basis after the 1950 Treaty ceased to be effective.

Key words: the 1950 Treaty; friendship and cooperation; alliance and mutual assistance; border negotiations; strategic partnership.

A. Kartunova. The Political Personality of Sun Yatsen as Seen in the Correspondence of I. Stalin and G. Chicherin with L. Karakhan (1923—March 1925)

The author of the article, which is based on documents, comes to the conclusion that in 1923 — March 1925 when relations between the Soviet Union and Sun Yatsen were established and were being developed, nobody in the Soviet leadership had any notion about Sun Yatsen as a revolutionary, ideologist and practician of Chinese revolution. In higher echelons of Soviet Communist Party and the Comintern there existed some distrust to Sun Yatsen as ordinary militarist. As a result, an extension of financial aid to him, which had been promised in March 1923, was delayed for a year. The article shows how difficult was the process of making decision by the CP Political Bureau to provide Sun Yatsen with weaponry, financial and other assistance and to establish wide range cooperation with him.

Key words: Sun Yatsen; revolutionary base; Guomindang; mistrust; scale of the person; rapprochement; the Political Bureau of the Soviet Communist Party; cooperation; assistance.

M. Zakharova. Temple Fairs in Contemporary China

Temple fairs (miao hui) are an important part of Chinese culture. Traditionally combining cults, rites and religious beliefs with trade and colorful performances in the past, contemporary temple fairs have evolved into massive events supported at local and governmental levels. Though some of the sacred significance of temple fairs has faded, social communication remains its main function.

Key words: Chinese culture; temple fairs; religious beliefs; massive events.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 15.12.2009 г. Подписано к печати 20.01.2010 г. Формат бумаги 70х100 ¹/₁₆
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,0 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 667 экз. Зак. 968

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2010 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания. Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.